

84(200-74)6  
K T48

Богдан Ткачев



И АЗ ВОЗДАМ







**Богдан ТКАЧЕВ**

# **И АЗ ВОЗДАМ**

**Роман**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Ю. МАНДРИКИ**

**Тюмень, 2000**

62766-2

1 Заказ 2714

Ханты-Мансийская  
государственная  
окружная библиотека

**КО**

К ББК 84. (2-Рос-Руч) 6  
Т 48

**Т 48**

**ТКАЧЕВ Богдан Юрьевич**

**И аз воздам: Роман. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 224 с.**

Богдан Ткачев — начинающий прозаик из Нижневартовска. Читатель уже знаком с романом «И аз воздам» по главам, опубликованным в альманахе «Эринтур» за 1999 г.

Молодой человек в силу своего возраста пытается бороться с чудовищами, которые сломали, искалечили его жизнь, лишив ее смысла и радости. Не стал ли он при том подобен им? Был ли у главного героя иной путь? Об этом каждый судит по-своему...

Книга адресована массовому читателю.

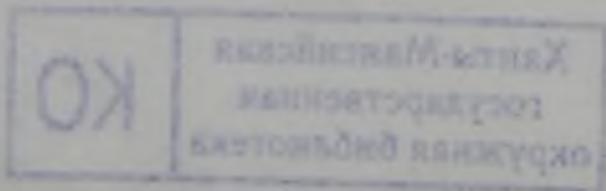
© Ткачев Б.Ю., 2000.

© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2000.

© Муниципальное образование г. Нижневартовск (издание), 2000.

© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-078-5





«Что есть истина?»

Евангелие от Иоанна. 18, 38.

## Пролог

*«Я близок к падению, и скорбь  
моя всегда предо мною».*

*Псалтирь. 37,18.*

...Медленно, тяжело движется секундная стрелка, отмечая уставшее время. Очень медленно. Маленький механизм тикает натужно, с усилием, боясь остановиться, как старик, беспокойно прислушивающийся к собственному пульсу. Наверно, часы тоже отдыхают вместе с хозяином. Им тоже нужно спать. И если бы он уснул хоть на полчаса, стрелка сейчас двигалась бы гораздо бодрее.

...Андрей оторвал взгляд от циферблата. Тяжело поднялся, слушая, как ворчливо гудят пружины дивана. Раньше не гудели. А может, его слух никогда не был таким болезненно чутким.

...Любопытно, для чего он вышел в прихожую? Обуваться совсем еще рано, а больше здесь, в общем, и делать нечего... Ах, да! Чтобы поглазеть на свою физиономию, привести себя в какой-никакой порядок. А большое зеркало висит как раз в прихожей. Все логично.

...Зеркало. Гладкая стеклянная поверхность, отражающая текущую рядом жизнь. Наверно, у него тоже имеется память. Зеркало помнит все, что когда-либо отражалось на его бесцветной сетчатке. Все и всех. Если так, то оно должно быть удивлено, отражая сейчас Андрея. Ведь Андрею недавно только исполнилось двадцать семь лет. А сколько этому изможденному старику со впалыми щеками и глубокими морщинами между бровей? Сколько лет должно быть человеку, чтобы виски его засеребрились сединою?.. Нет, зеркало едва ли узнает его. Так быстро не стареют.

...Как же долго еще ждать! По меньшей мере, два часа. Потом можно будет выходить. Надо только не забыть сигареты и зажигалку. Не исключено, что весь день придется просидеть в машине на одном месте. Без курева с ума можно сойти. Нужно взять две пачки.

...Пустота. От пустоты звенит в ушах. А когда ночь окончится, и пустота сменится шумом пробудившегося города, в ушах станет звенеть от шума. Но все же шум лучше пустоты. Всякий звук — отражение жизни.

...Нужно чем-то заняться. Надо что-то поделать: вытереть пыль с экрана телевизора, полить окончательно засохшие цве-

ты, просто походить из угла в угол... Только как же можно двигаться, если даже пошевелиться невероятно трудно!.. Усталость? Нет, опустошение. Апатия. Зачем поливать цветы, раз они уже засохли? И к чему вообще что-либо делать? Вот попробовать бы поесть хоть чего-нибудь... Боже мой, какой абсурд! Неужели он сейчас сможет жрать!

...Остается, как обычно, только курить. Никотин — лучший друг человека, и напрасно медики в один голос так на него наезжают. Яд не всегда убивает, иногда он дает возможность жить. Сейчас организм Андрея способен поглощать лишь никотин да воду из-под крана. То, что он с каторжным усилием, преодолевая жуткую спазму, глотал в течение последнего месяца, вряд ли превышало ленинградский блокадный паек. А ведь иногда приходилось очень быстро двигаться и делать большие усилия... Вот что значит сила эмоций! Никакие калории не извлекут из мышц столько энергии, сколько может извлечь острое душевное возбуждение. Стало быть, не всегда бытие определяет сознание, но случается и наоборот. Старик Маркс, видимо, никогда не попадал в подобные ситуации.

...Господи, какая ересь лезет в голову! Вот с таких мыслей, наверно, и начинается сумасшествие. Душевная болезнь. В принципе, болезнь духа не есть болезнь в прямом смысле. Ибо болезнь приносит страдания, а сумасшествие, пожалуй, избавляет от страданий — ведь страдать способен только здоровый дух, обладающий нормальным, здоровым восприятием. Сумасшествие же — как частичная, неполная смерть. Смерть — это блаженство вне жизни, а сумасшествие — блаженство в рамках жизни. И его не стоит избегать, как и смерти...

...Стоп! Стоп!!! Что за мысли! Ему нельзя терять разум. Хотя бы еще немного — день, максимум два. Мало ли чего хочется! Ну и что, что устал! Кроме усталости и апатии есть еще долг. А долг пока не весь оплачен...

Зайдя в ванную, Андрей до отказа повернул голубую ручку крана и засунул голову под упругую ледяную струю. Холодно. Но не так нестерпимо, как казалось раньше. Сейчас бы ведро воды из проруби!..

Он вышел на балкон. Свесившись через перила, долго провожал глазами падающие с мокрых прядей капли. Когда они иссякли, с пугливой надеждой глянул на часы — и ужаснулся. Прошло всего десять минут!

...Надо забыть про часы. Забыть совсем; потому что два часа — это почти вечность, и все равно он никуда не опоздает. Как сократить вечность? Смотреть телевизор или читать он не в состоянии. Музыка не воспринимается либо раздражает... Может, вспомнить что-нибудь? Какое-то событие, во всех подробностях? Или множество событий, сколько их было за опре-

делешный период? Например, за последние десять месяцев... Десять месяцев. Так мало. Сколько же полных жизней прожил он за этот срок! И на скольких людей с избытком хватило бы его чувств, волнений, страданий! На скольких хватило бы его воспоминаний — и страшных, и прекрасных!..

...Когда же все началось? Давно... Очень давно. Было вот такое же серое, мрачное утро, прямо как нынешнее. Правда, сейчас лето, и утро вполне могло бы быть светлым и жизнерадостным, с лучами солнышка и щебетом птичек. А тогда утру и положено было быть и серым, и мрачным, потому что была осень. Октябрь. Ведь у нас Сибирь, а не Крым, и октябрь только начинается осенью, кончается же уже зимой! А число... Число так легко было запомнить: пятое — первый день после потрясшего весь мир штурма здания Верховного Совета в Москве...



## Часть первая

*«Не хвались завтрашним днем, ибо не знаешь,  
что родит тот день».*

*Книга Притчей Соломоновых. 27,31*

### День рождения Капустина-младшего

#### 1

...Шелестя гусеницами, танки громоздко ползли по мосту. Остановились; один, будто принюхиваясь, повел стволом башенного орудия. Вот башня замерла. Казалось, что стальная машина напряглась, как зверь перед прыжком.

«Неужели выстрелит?» — с безотчетным азартом подумал Андрей.

— П-цу-у! — гулко вздрогнул танк, окутавшись дымом. Из обугленной стены «Белого дома» взвилось еще одно серое облачко.

«Ну, блин, страна! — нервно хмыкнул Андрей, поднимаясь из кресла. — Все-то ей спокойно не живется. Не Янаев с Павловым, так Руцкой с Хасбулатовым — лишь бы скучно не стало, а враги и повод всегда найдутся!»

Он глянул на часы, с сожалением выключил телевизор и стал поспешно одеваться.

Заканчивался понедельник, четвертое октября. Сегодня в столице Российской Федерации был мятеж, а у Серёги Капустина, друга детства, был день рождения.

#### 2

Отец друга детства, Николай Петрович Капустин, вот уже третий год состоял в должности помощника городского прокурора. По роду службы ему приходилось исполнять в суде обязанности государственного обвинителя. Несмотря на данное обстоятельство, Серёга был совершенно положительным типом, на которого всегда и во всем можно было рассчитывать всецело. По этому поводу Андрей частенько высказывал другу свое глубокое огорчение, что он не киллер и не рэкети́р, а потому полезнейшее знакомство пропадает попусту. На что Серёга резонно возражал, что, мол, стоит Андрею лишь намекнуть — и он сразу обеспечит ему по блату самое теплое местечко в любой криминальной организации. Сын помощника прокурора являлся прекрасным исключе-

нием из племени себе подобных. Все в нем Андрею импонировало; и лишь одно обстоятельство из года в год вызывало активное непонимание с его стороны: Серёга неизменно отмечал все даты день в день, нисколько не заботясь о здоровье трудящихся, которым наутро со свирепого бодуна предстояло заступать на трудовой пост. Переносов праздничного фуршета на выходные дни Капустин-младший категорически не признавал.

Вот и сегодня был понедельник, самое начало трудовых будней во славу рыночной экономики и грядущего возрождения России. Андрею, правда, сие было побоку: он свою недельную вахту только что отбарабанил от звонка до звонка, но надо же было и о людях подумать!

К приходу Андрея гости уже собрались и даже успели слегка причаститься. Три комнаты весьма немаленькой квартиры Капустинных были заполнены тусующейся молодежью. В кухне леди энд джентльмены упоенно отравлялись никотином. Помпрокурора с помпрокуроршей отгородились от суетного света в четвертой комнате и мирно смотрели репортажи о штурме парламента, демократично избавив молодых людей от подавления своим присутствием.

К чести именинника, он собирал у себя, как правило, только очень узкий круг людей, тех, кто знал его и друг друга много лет, потому у него в гостях все приглашенные чувствовали себя раскованно и приятно. Никаких «крутых» отпрысков «крутых» родителей, никаких «полезных» знакомых — только одноклассники, жены одноклассников, друзья, подруги, пара-другая соседей по подъезду — одним словом, простая и вечно голодная до развлечений компания, в основном коренного пролетарского происхождения, чьи понятия о светском этикете были незыблемы аж до третьего тоста. Чтобы перездороваться за руку с мужчинами и подставить щеки под губную помаду всех оттенков, Андрею в сопровождении виновника торжества пришлось церемонно обойти все его обширное жилище и заглянуть во все углы. Когда же наконец он вручил юбиляру скромный подарок в виде пяти видеокассет с фильмами всех жанров Голливуда и выпил за здоровье лучшего именинника всех времен и народов, Серёга озабоченно закрутил головой и пробубнил вполголоса:

— Куда это Наташка подевалась?

— Кто? — откликнулся Андрей, зажёвывая здравицу.

— Подружка Веркина, — плотоядно улыбнувшись, пояснил Капустин. — Специально для тебя пригласила. Так и сказала: «Почему бы в порядке благотворительности не помочь двоим сексуально озабоченным обрести друг друга?»

— Кстати, где она сама?

— На другом юбилее. Твой покорный слуга имел честь родиться в один день с ее новым увлечением.

— А тот инженер куда делся?

— Отставила, причем безапелляционно. Разочаровалась в интеллигенции: приятно, говорит, пообщаться с умным человеком, только вот слабы они... по этой части!

— А теперешний кто? — усмехнулся Андрей.

— Прямая противоположность. Спортсмен, охранник какой-то.

Вера была старшей сестрой Серёги и имела от роду двадцать девять лет и два развода. Принадлежа к великолепной категории, именуемой «сладкими женщинами», она обладала эмансипированными убеждениями, в общем недурной внешностью и безграничным обаянием. Всегда лукавые глаза, излучавшие во все стороны флюиды порочной беззастенчивости, побуждали слетаться на ее манящий свет многочисленные стаи голодных самцов. Одиночества, даже временного, она не принимала идеологически. Человек, не имеющий пары, рассматривался Верой как неполноценный член общества. С бескорыстной готовностью матери Терезы она бросалась на помощь всякому страждущему, и самой излюбленной мишенью Верыной благотворительности стал Андрей. Однако настойчивые попытки сделать его счастливым методом подбора ему перспективных невест всякий раз терпели фиаско. Жениться Андрей никак не хотел, хотя в глубине души был Вере очень признателен за ее поистине материнскую заботу.

— Сколько лет на этот раз? — поинтересовался он.

— Как и Верке, — проинформировал Серёга, продолжая искать глазами. — На три года старше нас. А что? Ты ведь как раз таких любишь.

— Это смотря для чего. Для сватовства старовата.

— На сей раз сватовство не предусмотрено. Просто у нее муж в командировке.

Андрей удивленно-понимающе вскинул бровь. Его чуткое ухо, локатором направленное в коридор, уловило шум водопада, низвергающегося из бачка в унитаз. Вслед за тем резко щелкнул затвор шпингалета.

— Наверно, она и есть?

— Точно, — облегченно подтвердил Серёга, выглянув в коридор. — Ну, братан, не теряйся: твое счастье — в твоих руках. Кстати, она просто умирает от интеллектуалов!

— Видимо, сама дура, — обреченно предположил Андрей. Капустин дернул плечом.

— Что тебе, диссертации с ней писать? — Встав у выхода из комнаты, он дождался, пока незнакомка покинет ванную, и ласково позвал: — Наташа! Комм цу мир!

На его призыв в дверном проеме возникла стройная молодая женщина в длинном вечернем платье. Черная ткань плотно облегла безукоризненную фигуру, впечатляющая ножка норвила пикантно показаться в разрезе сбоку, а от провокационного декольте Андрею едва удалось оторвать взгляд. Широкие глупые

глаза ее, сильно подчеркнутые тушью, смотрели пристально из-под темной челки. Эффект слегка омрачали с чрезмерной щедростью напوماженные губы да громоздкие сережки, грозившие в перспективе оттянуть до плеч мочки ее ушей.

Серёга покосился на него, вопросительно дернув бровями, что на языке глухонемых означало: «Ну и как тебе?»

«Дура, но, ей-богу, хороша!» — так же молча ответил Андрей. Капустин удовлетворенно улыбнулся и приступил к обряду знакомства.

— Обрати внимание, Натали: перед тобою Андрей — мой самый лучший друг, любимый оппонент моего отца в философских беседах и, кроме всего прочего, самый галантный кавалер Западной Сибири! Прошу любить и жаловать... А это Наташа. Что о ней сказать? — Серёга беспомощно развел руками. — Ну что сказать! И так все видно!

Наташа польщённо растянула губки. Ее цепкие глазки мгновенно ощупали Андрея с ног до головы. Видимо, осмотр дал положительный результат, поскольку лицо красавицы тотчас осветилось приветливым оскалом. Выполнив свое высокое предназначение, Капустин незаметно испарился, и Андрей остался с проблемой один на один.

Наташа молча пялилась на него, явно ожидая наступательных действий. Слегка потерявшись, Андрей не нашел ничего лучшего, кроме как максимально сосредоточить свое лицо и произнести суровым тоном:

— Как вы полагаете, Наташа, не выпить ли нам за знакомство? — на что его внутренний голос незамедлительно отреагировал: «И лучше выдумать не мог!»

Однако Наташа, по-видимому, восприняла данное предложение положительно. Изобразив всем своим видом целомудренную застенчивость, молодая женщина несколько секунд «поломалась», затем уступила:

— Давайте попробуем.

Обойдя несколько танцующих пар, они угнездились на диване. Андрей потянулся к стоящему подле столику с живительной влагой на полированной поверхности.

— Красного или белого?

— Мне водки, — уже без тени смущения попросила она, и Андрей послушно наполнил две пузатые рюмки.

После успешного поглощения содержимого данных рюмок суровая задача поддержания беседы вновь встала в полный рост. Все прописные остроты разом покинули голову; не оставалось ничего лучшего, кроме как попытаться острить самому.

— Наташа, а чем вы занимаетесь в свободное от отдыха время? — наконец выродил он. И, тотчас уловив, что с английским юмором у дамы проблемы, пояснил: — Я имел в виду, где работаете?

— Какая разница! — досадливо отмахнулась Наташа. Повернувшись к нему, решительно блеснула глазами. — Мне кажется, нам стоит перейти на «ты». И вообще, садись ближе, я не кусаюсь.

«Ну что я могу сделать!» — конфузно признал Андрей. Стремясь как-то поддержать свой неустойчивый рейтинг, он подсел к женщине вплотную и дерзко обнял ее за плечи. Этого, однако, ей показалось мало. Внимательно глядя на кружащиеся посреди комнаты пары, Наташа продолжала развивать тему:

— А почему бы галантному кавалеру не предложить даме потанцевать?

Удрученный постыдной пассивностью своей роли, Андрей встал и, подавая Наташе руку, покаялся:

— Я исправлюсь!

Затесавшись между танцующими, то и дело цеплявшимися друг за друга задами, они заняли исходную позицию. Андрей обнял обеими руками послушное тело, Наташа положила кисти ему на плечи. Мелодия тут же закончилась. Но следом зазвучала другая, и бал возобновился. Грациозная дама плавно завращала бедрами, определенно провоцируя партнера не пренебрегать ее выдающимися достоинствами. Учтя безмолвное пожелание, Андрей неприметно, в такт движениям, стал помалу подвигать вперед корпус. Постепенно он прижался к женщине так плотно, что через одежду ощутил ее сердцебиение. Она, в свою очередь, постаралась вдавиться в него настолько, насколько позволяла ее мягко пружинящая грудь. Кровь в артериях Андрея застучала гулко, как в пустом ведре. Напряженный пульс резонансом отозвался внизу живота. Сознывая, что это напряжение сейчас может слишком откровенно выдать его эмоции, он попробовал несколько отдалить свой таз от Наташиного бедра. Она же, уловив его движение, вдруг подалась вперед и прижалась еще теснее.

Андрею стало немного не по себе. Он почувствовал себя кроликом, обреченно скачущим по každодневному своему, неизменному маршруту прямо в силки. Чтобы заглушить подло разоблачающий его слабость инстинкт, он начал перебирать в памяти сначала политические события минувшей недели, потом содержание недавно прочитанной книги, наконец добрался до производственных проблем родного предприятия. Однако все это мало помогало: слишком явственно ощущались кожей твердые точки Наташиных сосков, и чересчур волнуяще ее бедра переплетались с его бедрами... Отчаявшись, Андрей про себя признал бессмысленность борьбы и перестал противиться природе. Более того, идя навстречу молчаливому призыву явно неудовлетворенной женщины, он медленно прополз рукою по гибкой спине, задержав ладонь на округлой ягодице. Наташа тихо вздохнула и приникла к его груди пылающей щекою.

Сейчас же откуда-то снизу подкатила к горлу радостная, щеко-чушая волна. Склонившись, Андрей коснулся губами ее темени. Волосы Наташи были сильно надушены, и он невольно отметил, что и в этом она ни меры, ни вкуса не понимает. Подобная мелочь, конечно, несколько не могла омрачить его лучезарного настроения. В самом деле, разве что-то может быть для мужчины приятнее, чем объятия красивой, незнакомой пока женщины, которая сегодня наверняка — или почти наверняка — станет твоей!.. Словно угадав его мысли, Наташа подняла к нему лицо, слегка запрокинув голову. Правильно поняв, что от него требуется, Андрей незамедлительно при-ник к перекрашенным губам затяжным поцелуем.

Внезапно мелодия оборвалась на самом нелогичном месте — кажется, кончилась кассета. Они испуганно отпрянули друг от друга, тут же одновременно засмеялись и пошли к своему месту на диване. Обняв податливое тело, Андрей протянул женщине рюмку с водкой:

— На брудершафт?

— Ты вообще-то как, на водку стойкий? — улыбнулась Наташа, возбужденно поблескивая глазами.

— Когда как... В любом случае, я не буйный.

— Смотри не напейся! Тебе еще меня до дома провожать, — двусмысленно предупредила соблазнительница.

Глядя на ее влажные губы и вздымаемое дыханием декольте, Андрей умиротворенно подумал, что вечеринка у Серёги вполне удалась.

Он жутко не любил женской жеманности, всех этих традиционных ломаний, набивания цены!.. Поэтому очень приятно было обнаружить в новой знакомой такую же сторонницу романтического блицкрига, как он сам. Теперь для абсолютной полноты кайфа надлежало только выпить с Наташей на брудершафт да сходить на кухню покурить.

### 3

...Громоздкие напольные часы пробили десять раз. Вечеринка вступила в пиковую, самую приятную свою фазу, когда все официальные ритуалы уже соблюдены, поздравления произнесены, пожелания высказаны, и теперь всякий волен пить или не пить по своему усмотрению, танцевать, раскрывать душу соседу либо кадрить захмелевших женщин, под действием винных паров теряющих повседневные тормоза. Самые невзрачные дамы начинают казаться сказочными красавицами, фантастический полумрак надежно скрывает последние остатки ненужной застенчивости, так что все невероятное становится вполне исполнимым, а малознакомые чудесным образом превращаются в лучших друзей. Всем хорошо, всем уютно, и никто больше не замечает стабильного движения

педантичных стрелок на циферблате, и не вспоминает о завтрашнем рабочем дне и неизбежной тяжелой расплате наутро за сегодняшнее веселье.

Гости тихо беседовали на кухне, во все горло вопили в соседней комнате, силясь перекричать запись голосистого Майкла Джексона, романтично топтались под спокойную мелодию в следующей. Андрей с Наташей сидели на диване, предаваясь ностальгическим воспоминаниям о «застойной» школьной юности. Левая рука Андрея обнимала покатые плечи женщины, кисть правой, скрывшись в разрезе платья, тщила себе дорогу в перспективное будущее. Но узкое платье сковывало движения, а ножки Наташи, сложенные одна на другую, сводили на нет все возжеланные устремления. Серёга, сидя в противоположном углу комнаты со своей новой подругой, увлеченно объяснял ей, почему у его «Мерседеса» заедает стартер, и упорно не замечал ее страдающего взгляда. А толстый хозяйский кот, следя с пола за летающими руками именинника, никак не мог толком прицелиться, чтобы вскочить ему на колени.

В это время, к вящей радости Серёгиной подруги, от дверей комнаты раздался мягкий, приветливый голос:

— Добрый вечер, молодые люди!

В дверях стоял, поблескивая окулярами очков, Капустин-старший. Андрей легким движением извлек правую руку из-под Наташиного платья и, слегка сконфузясь, протянул ее представителю закона.

— Здравствуйте, Николай Петрович!

— Устал вдвоем с матерью у телевизора заседать, — оправдывался помощник прокурора, опускаясь на другой край дивана. — Дай, думаю, с молодежью пообщаюсь, со сменой, так сказать. Не возражаете?

— Отнюдь, — улыбнулся Андрей, усаживаясь поудобнее в предвкушении редкого удовольствия.

Интеллектуальные беседы были для Андрея своеобразным наркотиком, без периодической — пусть нерегулярной — приемки которого он чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Колонны томов серьезной литературы, прочитанные им, как и надлежит, развивали абстрактное мышление, и великое множество мыслей по разным темам постоянно теснилось в его переполненной голове. Очень часто мысли эти гибли десятками, не найдя выхода. В рабочей среде, где Андрей проводил половину своей жизни, блистать ими было не перед кем, среди знакомых их также никто не мог оценить по достоинству, поэтому Капустин-старший и являлся тем единственным сосудом, куда он с наслаждением извергал мутные потоки своей философии. Будучи от природы несколько мнительным, Андрей в абстрактном споре чувствовал себя на коне. Когда он рассуждал вслух, даже внешний вид его заметно преображался,

так как на него накладывалась печать уверенности в себе. Надо отдать должное благородству сорокадевятилетнего Николая Петровича: он воспринимал молодого собеседника на равных и, полемизируя с ним, подчас с искренней досадой признавал свое поражение. А однажды здорово польстил его истосковавшемуся самолюбию, выразив уверенность в том, что, родись Андрей где-нибудь в древних Афинах, он непременно сделал бы блестящую карьеру, ибо искусство красноречия просвещенные греки ставили выше всех прочих достоинств. Вспомнив сейчас эти слова, Андрей от души поблагодарил себя самого за то, что не использовал в полной мере возможность нализаться и вполне готов во всеоружии отстаивать свою громкую репутацию.

— Ну-с, дражайший мой оппонент, — продолжая приветливо улыбаться, сказал помощник прокурора, — и что вы обо всем этом думаете?

— О чем? — для затравки откликнулся Андрей, хотя прекрасно знал, о чем идет речь.

— О последних событиях, — пояснил Капустин-старший. — О государственном перевороте, совершенном Президентом!

— А что тут думать! Я с Ельциным вполне солидарен. Не потому, правда, что он мне чем-то импонирует: Борис Николаевич вообще не та личность, которой по плечу решение глобальных задач; став главой государства, он залез явно не в свои сани. Но, как бы там ни было, именно он на сегодняшний день олицетворяет собою центральную власть. Верховный же Совет представляет из себя коллегиальный орган, и уже поэтому не должен претендовать на ведущую роль в политической жизни.

— Это почему же? Во всем цивилизованном мире парламенты являются гарантом демократии.

— В Западном мире, Николай Петрович, в Западном. Но мы-то с вами живем в России, в стране, где монархические традиции, традиции сильной центральной власти укоренились настолько, что никакая революция и никакая Перестройка не вытравят их из сознания народа. Пусть сейчас наши люди увлеченно кричат о демократии — завтра они же и из среды демократов выведут монарха! Кстати, вы полагаете, победи Верховный Совет, он стал бы править страной? Да нет, править стали бы те, кто правил Верховным Советом. Извечная диктаторская суть российской власти не изменилась бы, разве что демагогической показухи стало бы побольше.

— Ты хочешь сказать, что у нас судьба такая — вечно жить при диктатуре, откровенной или негласной, а все попытки привлечь к управлению какой угодно коллегиальный орган заранее обречены на неудачу?

— В России — да. Если даже коллегиальный орган на некоторое время и встанет к рулю, то ничего, кроме развала и анархии, он

не обеспечит. Басня про лебедя, рака и щуку — это ведь про нас, славян. Давайте вспомним историю. Любое ослабление центральной власти в России неизбежно приводило ко вселенскому хаосу. И напротив, всякое укрепление ее, даже если власть являлась деспотической, вызывало быстрое усиление государства и рост экономики. Первый случай мы наблюдаем уже с самого начала Перестройки; второй, я надеюсь, увидим после разгрома Верховного Совета.

— Но живут же люди вполне прилично, сыто и свободно в Европе, в Америке! И никакая тирания им для того не требуется. Мы что же, хуже них, что ли?

— Да нет, не хуже. Просто мы совсем другие... Пожалуй, мы даже намного лучше их! Мы — целая нация — никогда не жили только меркантильными интересами, никогда не ставили на первое место проблемы сегодняшнего дня. Мы постоянно находимся в неизменном устремлении куда-то ввысь, в непрерывном, вечном нравственном поиске! Для того, чтобы двигаться вперед, нам непременно нужна какая-то манящая цель. Нам нужна икона! Без нее мы — инертны. Без иконы мы не станем делать ничего. Если нас призовут трудиться, чтобы просто повысить свое благосостояние, — нация не откликнется. Зато сколько БАМов и Турксибов проложим одними кирками, сколько каналов пророем тупыми лопатами и сколько тоннелей пробьем стамесками — ради светлого будущего, ради светлой идеи — то есть во имя иконы! Пусть только висит над головой и светит нам во мраке... Мы без особых проблем отказываемся от устаревшей иконы, но только если взамен нам немедленно предложат новую. Князь Владимир предлагает христианство — и мы собственноручно топим в Днепре Перуна дедов и пращуров. Петр предлагает идею великой России — и мы безропотно уходим от привычной «святой Руси». Большевики предлагают утопию коммунизма — и куда только подевалась наша многовековая приверженность царям-батюшкам! А недавно нам предложили в иконы демократию, но она как-то сразу потускнела, так и не успев собрать молящихся на нее. И вот мы остались без манящего света, как слепой без поводыря... Однако все возвращается на круги своя. Упившись досыта безвластием, люди опять требуют сильной власти, а от власти — решительных действий. А многие ли решились защищать коллегиальную власть? Вот так же лишь пожимали плечами и когда Николай Второй распустил четыре Думы, и когда большевики разогнали Учредительное Собрание...

— Постой-постой! Чем же мы все-таки лучше Запада?

— Именно своей неуспокоенностью, своим идеализмом, высокой устремленностью — тем, что называется «загадочной русской душой». Она ведь не только для иноземцев загадочна, мы и сами себя веками понять не можем. И Толстой, и Достоевский, и многие сотни им подобных всю жизнь одной этой загадкой и занимались. Вот только до разгадки никому не добраться, потому что глубины

нашего сознания бездонны. Умом, как говорится, Россию не понять.. А на Западе живут прагматики. Их поступки и устремления для понимания несложны, во многом, если не во всем, стандартны. И икона их примитивна и неизменна в веках — золотой телец. А там, где царит культ золотого тельца, тирания невозможна. На чем сможет более-менее долго держаться любая диктатура, если подданные живут прежде всего насущными проблемами, причем своими личными, а не общественными? Зачем сильная власть обществу эгоистов? Разве нужно объединяющее начало людям, живущим каждый для себя? Тирания возможна только там, где общество стремится к достижению каких-то высших ценностей, что ведет к созданию идеологии. Поэтому мы в своих бесконечных исканиях истины просто обречены на нескончаемую цепь тираний. В этом крестном пути, в этих вечных наивных блужданиях — наша гордость — и наша трагедия!

— То есть ты считаешь, что Ельцин имел право попортить Конституцию, распустить Верховный Совет, избранный всенародно, и присвоить себе неделимую власть?

— Закон, конечно, нарушен Президентом, причем весьма грубо. Но лучше попортить Конституцию, чем далее терпеть двоевластие. Эта штука для нас слишком опасная — достаточно вспомнить семнадцатый год.

— «Лучше попортить Конституцию...» — Николай Петрович тяжело посмотрел на Андрея, снял очки и краем тонкого джемпера стал протирать стекла. — Значит, ты допускаешь правомерность нарушения закона, когда того требуют обстоятельства. И даже таким образом, каким это сделал Ельцин... — Он вернул очки на их законное место, слегка увеличенными глазами внимательно взглянул на собеседника. — Ведь в Москве настоящее сражение! Танки штурмуют город, БТРы стреляют по жилым кварталам. Солдаты прочесывают улицы, убивают людей. По всем правилам проводится настоящая карательная акция. Это же не что иное, как прямое устрашение!

— Что делать! В России страх — главный движитель прогресса. Иван Грозный страхом укреплял и расширял государство, Петр на нем проводил свои реформы и создавал могучую империю, Сталин вовлекал в орбиту нашего влияния Восточную Европу, повышал международный авторитет страны... Страх ведь и ассоциируется с сильной, решительной властью. Вот и Борис Николаевич прибегнул к этому веками проверенному средству убеждения в своей правоте. — Сообразив, что слишком увлекся, Андрей сдержанно усмехнулся и поспешил повиниться: — Николай Петрович, не подумайте, ради бога, что я пиночетовец какой-нибудь или сталинист. Просто я пытаюсь самому себе объяснить происходящее и вам доказать, что нынешние события всего лишь естественны, предрешены всем ходом предыдущих. Они все равно произошли бы, рано

— 62766

или поздно. Нам же остается благодарить Бога, что мятеж ограничился Москвой, а не полыхнул по всей шестой части суши. По убеждениям я и сам демократ. Но для России, особенно сейчас, вижу спасение и выход только в диктатуре. Не в террористической, а в разумной, самоотверженной, даже, если угодно, демократической диктатуре — как бы нелепо ни звучало данное сочетание. В самом деле, это же совершенный абсурд — развивать и укреплять принципы всесторонних свобод в такое время, когда в стране впору вводить чрезвычайное положение!

— Ты полагаешь, Ельцин способен стать таким просвещенным диктатором?

— Да куда ему! — досадливо скривился Андрей. — Двое суток идет бой в столице, а он молчит и не показывается, как Сталин в июне сорок первого! Наверно, в Шереметьево-2 сидит на чемодане... Зато главный буржуин за него среди ночи выступил по телевидению с призывом к безоружным гражданам собраться вместе и защищать правительство от вооруженных до зубов мятежников. Один другого круче!

— Секунду! Главный буржуин — это кто? Гайдар, что ли?

— Егор Тимурович, кто же еще!

— За что ты его так не жалуешь? — усмехнулся Капустин-старший. — Буржуином обозвал...

— Не обозвал, а назвал, — невпопад подал голос именинник, как оказалось, внимательно выслушавший весь диалог. — Потому что он им и является.

— За рожу, — угрюмо пояснил Андрей. — Гайдар — политик, а политик не имеет морального права в голодное время иметь рожу, которая в экран не влазит!

Помпрокурора коротко засмеялся, потом тяжело качнул головой.

— Как, однако, хорошо, что не ты — Президент, Андрей! — задумчиво констатировал он. — Вот уж где крови пролилось бы...

— Кто заслужил, тот и пролил бы, — надулся Андрей. — Честные люди не пострадали бы, уж за это я ручаюсь.

— Рабочих ты бы заставил трудиться бесплатно ради какой-нибудь высокой идеи, — продолжал пилить его нервы Капустин-старший, — солдат — стрелять по инакомыслящим, а политикам пришлось бы срочно похудеть...

— Да уж не стал бы, как вы, — огрызнулся не на шутку уязвленный Андрей, — отпускать на поруки киллеров и рэкети-ров или давать условные сроки за убийства и вымогательство!

Николай Петрович оцепенел и стал похож на удава, гипноти-зирующего обреченную обезьяну. Снова снял очки и начал взвол-нованно протирать стекла. Длилось это довольно долго; наконец очки оседлали нос представителя закона.

— А... у тебя имеются какие-то факты по этому поводу? — спросил он.

— Фактами пресса кишит, — угрюмо парировал Андрей. — Да и мы с вами не на Луне живем: слава богу, и глаза, и уши на месте. Или вы не замечаете, что люди по всей стране парализованы постоянным страхом? Они боятся на улице, боятся дома, даже на работе, если работа каким-либо образом связана с деньгами или коммерцией. В суде они боятся быть не только свидетелями, но и пострадавшими, так как уверены, что угрожающий им преступник вряд ли надолго задержится в заключении: суд традиционно оправдает бандита за недостаточностью улик, если не за отсутствием состава преступления; в лучшем случае приговорит к смешному сроку, из которого тот отсидит половину — и тогда никто не спасет и не оградит несчастных от его мести... А правоохранительные Органы уже доставали своими нудными жалобами на то, что население никак не желает им помогать в борьбе с преступностью!

— Но... подожди... нельзя же осудить человека, если в самом деле не хватает доказательств! Для чего тогда мы взялись строить правовое общество? Для чего провозглашаем все эти свободы личности?!

— Свобода — это прежде всего отсутствие страха. Чем меньше страха, тем больше свободы, и наоборот. Сейчас же люди стали бояться гораздо больше, чем при Советах. А что касается доказательств — не надо вот этого лицемерия, Николай Петрович! Все мы взрослые, давайте не будем лечить друг друга детскими сказками! Даже самые наивные идеалисты давно перестали сомневаться в том, что наличие доказательств вины обратно пропорционально финансовым возможностям обвиняемого. Ведь хватает судьям доказательств, когда они сажают на огромный срок человека за изнасилование по одному только заявлению так называемой «потерпевшей»! Ведь переполнены зоны водителями, под колеса которых бросился алкаш с залитыми глазами, или людьми, не пожелавшими дожидаться, пока расправятся с ними, и нанесшими, так сказать, упреждающий удар! А «превышение самообороны»! Какую нужно иметь резиновую совесть, чтобы осуждать человека по этой статье! Только для откровенных воров, похищающих миллиарды на глазах целого общества, для рэкетиоров да профессиональных убийц на нарах вакансий не остается!..

— Ну, мы тоже не всемогущие... — перешел к обороне Капустин-старший, благородно решив не опровергать очевидного. — И у нас проблем хватает. А сейчас время такое, что в самом деле чертовски трудно бороться с этими мерзавцами. Пресса же твоя одним глазом высматривает случаи попустительства преступникам, а другим неусыпно бдит, как бы мы этих преступников не начали ретиво преследовать без достаточных на то оснований да как бы лишних полчаса не передержали под стражей. Да и с предоставлением доказательств, правда, не так все просто. Преступник пошел жестокий и грамотный — в этом я с каждым днем

все больше убеждаюсь. И следы они замечают основательно. Иногда абсолютно ясно, что он — ну ведь он! — «замочил» того-то, а он ухмыляется тебе в лицо и нагло заявляет: «А ты докажи!» И предъявить ему нечего... Не имеем мы права действовать по-другому, Андрей. Иначе — какие же мы, к черту, правоохранительные Органы!

— Так дайте людям возможность самим защищать себя, раз уж вы этого сделать не в состоянии! За что преследуются те, кто отомстил за близких? Почему за решетку отправляется отец, переломавший ребра подонкам, надругавшимся над его дочерью? Почему тот, кто уничтожил вымогателей, угрожавших ему и его семье, должен становиться к стенке? Почему я не смею покарать доступными мне средствами даже тех, кто ворвался в мой дом?!

— Закон должен быть обязателен для всех, — безапелляционно изрек помпрокурора. — Никто не имеет права творить самосуд.

— Закон существует для тех, кто признает его, — отчеканил Андрей, и глаза его зло блеснули. — Преступающий закон оказывается вне закона. И никто никому не вправе препятствовать совершать в их отношении самое суровое правосудие!

— Как, однако, хорошо быть молодым: всегда все ясно, все однозначно... — Николай Петрович заметно волновался: очки его потели беспрестанно. — Но ты говоришь о живых людях! Ты говоришь об убийстве таких же людей! Чем мы будем отличаться от бандитов, действуя их методами?!

— Речь идет не о людях. Они — просто воплощение Зла в человеческом обличье. Прежде всего необходимо признать, что зло по отношению к Злу — злом не является. И еще — что гуманной, доброй войны не бывает. Чтобы успешно бороться со Злом, мы должны научиться быть жестокими, как оно, такими же беспощадными, столь же хладнокровными, как оно. А иначе мы всегда будем слабее Зла, и любая борьба с ним станет бессмысленной.

— Ну, а ты сам — сам себя — можешь вообразить в роли вершащего правосудие? — вскинулся Капустин-старший. — Ты — своими руками сможешь убить того, кто будет того заслуживать, пусть даже он совершит самое страшное преступление в отношении тебя или твоих близких? Ты полагаешь, что запросто сумеешь переступить через самого себя и стать палачом?

Глаза Андрея потемнели, губы плотно сжались. Лицо замкнулось, а голос стал ровным и глухим. Слова его падали, как булыжники, и — самое страшное — Николай Петрович с ужасом видел, что он не врет и не преувеличивает, что все будет именно так, как он говорит. От этого выдавшему виды помощнику прокурора стало не по себе, и он пожалел, что задал свой вопрос.

— Если кто-то изнасилует и убьет мою жену, сестру, дочь, — говорил Андрей, — а виновник каким-то образом станет мне известен — вы полагаете, я дрогну, и у меня не поднимется рука? Да

нет, я его убью; и не просто убью, а предварительно выдавив оба глаза — и буду прав. Ибо государство не имеет права его мучить, оно может лишь казнить. Но я, как личность, имею это право. Потому что после такого дикого преступления государство будет, как ни в чем не бывало, продолжать существовать в своем прежнем состоянии; меня же, как личности, уже не станет. Я уже не буду прежней личностью. Я не смогу жить в прежнем смысле этого слова. Я превращусь в нечто, в некое неизлечимо больное существо, которому жизнь станет лишь в тягость... И кто тогда сможет удержать меня от возмездия?!

В уголках его губ забелела пена. Николай Петрович, не выдержав взгляда, опустил глаза, потом исподлобья покосился на притихших в противоположном углу комнаты сына с подругой, снова снял и протер очки. Наконец обернулся к собеседнику, успокоительно положил ему ладонь на колено.

— Ты слишком впечатлителен, Андрей. И судя по всему, у тебя очень богатое воображение. Давай будем надеяться, что ничего подобного никогда ни с кем из нас не случится. И что все-таки в правоохранительных Органах найдется достаточно здоровых сил, способных противостоять преступности...

— Если уж бороться с преступностью всерьез, — загробным голосом перебил Андрей, — так начинать нужно именно с вас.

— Согласен. Нужно сначала очистить ряды борцов...

— А вы согласны, что организованная преступность направляется и покрывается непосредственно Органами правопорядка? Станет ли кто-либо бороться сам с собою?

— Ну-у, у тебя сомнительная информация... — начал было помощник прокурора, однако, покосившись на Андрея, осекся. — Вообще-то, есть отдельные случаи. В семье, как говорится, не без уroda.

— Отдельные случаи? Такое количество случаев образует правило. Это — новая система, Николай Петрович, и, право, не стоит отрицать то, что вы сами прекрасно знаете.

Капустин-старший сокрушенно качнул головой.

— Ты, я вижу, ни во что не веришь.

— А вы еще во что-то верите?

— Я знаю, что каждый отвечает за себя. Я на своем месте вполне в состоянии сделать что-то полезное, что-то хорошее... Вообще, когда сознаешь неспособность оказывать влияние на окружающий мир, остается заботиться лишь о чистоте собственной совести.

— Ну что ж, это вы хорошо сказали. Прекрасно, что в прокуратуре есть такие люди. Очень правильно, если вы сделаете, что сможете, и поможете хотя бы каким-то конкретным людям, хотя бы кое-кому. Но ведь это только кое-что, ничего принципиально вы не измените.

— Ты конченный пессимист, Андрей, — посочувствовал Николай Петрович, поднимаясь с дивана.

— Не вижу оснований для оптимизма, а то непременно бы исправился, — дернул плечом Андрей, пожимая Капустину-старшему руку в знак пожелания спокойной ночи.

На этой минорной ноте дебаты были прекращены. Пришла пора возвращаться на землю, к юбилею друга детства и мающему разрезу на Наташином платье.

#### 4

Мало-помалу, с шумом и бесконечными возлияниями «на пошок», гости расходились. В конце концов остались лишь те, кому завтра некуда было спешить, да те, кто, воздав зеленому змию сверх положенной меры, уже относился к предстоящему похмелью совершенно философски. Из фиолетовой от сигаретного дыма кухни долетали обрывки пошлых анекдотов и взрывы идиотского хохота. Сам виновник торжества со своей подругой уединились в одной из комнат и, судя по всему, в данный момент всю предавались жарким лобзаниям.

Андрей давно уже хотел покинуть гостеприимную обитель — вместе с Наташей, разумеется, — но решил дождаться появления юбиляра, чтобы не уйти по-английски. Поэтому он терпеливо сидел рядом с захмелевшей женщиной, правой рукой обвив ее плечи и через тонкую ткань одежды массируя нежную грудь. От нечего делать оставалось прислушиваться к звукам, долетавшим из кухни. Звуки были большей частью нечленораздельны и слегка приглушены. Но вот кто-то истошно заорал:

— Щас спую! — и на мгновенье все стихло. Затем тот же голос, спотыкаясь на каждом слоге, отрывисто загавкал: — На-пали н-на к-коз-з-зли-ка сссер-рые в-вол-ки...

Короткая пауза: видимо, «Шаляпину» срочно потребовался глоток воздуха.

— ...Оссстались от коз-злика рожки да н... ножки...

От взрыва дикого хохота дрогнули стены. Чей-то новый гоос, срываясь на визг, активно запротестовал:

— Нескладно!.. Нескладно, в натуре! Лучше про мошек!

— П-про к-каких м... мошек? — собрав остатки сил, проикал «Шаляпин».

— Про мошек!.. Напали на козлика серые мошки. Остались от козлика рожки да ножки...

В кухне снова заржали. По столь чуткому восприятию дубового юмора стало абсолютно ясно, что уровень алкоголя в сером веществе гостей достиг критического уровня.

— Тогда уж лучше про ежика, — саркастически скривив рот, пробормотал Андрей. — Напали на ежика серые волки; остались от ежика хрен да иголки.

— Сам сочинил? — искренне восхитилась Наташа, широко распахнув глаза.

Не ответив, Андрей на несколько секунд поднялся, чтобы приоткрыть дверь. Он не любил пьяного разгула, и, когда звуки из кухни стали заметно тише, сразу почувствовал себя комфортнее. Вновь обняв женщину, чувствуя, как в паху начинает нарастать гнетущая тяжесть, нетерпеливо подумал: «А не поискать ли Серёгу самому?»

— Что ты все молчишь? — ласкаясь к нему, пристала Наташа. — Хоть бы сказал что-нибудь!

— Что?

— Ну, не знаю... Скажи мне что-нибудь приятное!..

«И вот таковы они все! — досадливо отметил он. — И любая из них рассматривает мужчину как клоуна, обязанного часами ее развлекать!»

— Расскажи, как я тебе нравлюсь, — канючила женщина, — какая я красивая!..

— А сама не знаешь?

— Я красивее твоей девушки?

— У меня нет девушки.

— Нет девушки? Совсем?!

— По крайней мере, ничего постоянного.

— Бедненький! Как же ты живешь?

— Так и живу — от случая к случаю.

Андрей нахмурился; направление разговора было ему неприятно. Однако Наташа никак не желала утомиться.

— Так я тебе нравлюсь? Или на безрыбье и рак — рыба?

— Конечно, нравишься.

— Честно?

— Разве такая женщина может не нравиться!

— А что, не может? — Она польщённо заулыбалась.

— Ты в зеркало иногда смотришься?

— Случается.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Но ведь я для тебя старая... — Наташа жеманно надула губки. — А вокруг столько молоденьких!

— «Старая»! — усмехнулся Андрей. — Да у тебя сейчас самый прекрасный для женщины возраст!

— Неужели? — не поверила она. — Почему же тогда все восхищаются восемнадцатилетними красотками?

— Дураки восхищаются, — убежденно пояснил Андрей. — Дураки, ничего не смыслящие в эстетике. Что может являть из себя незрелая девушка, вчерашний подросток, если структура человеческого тела окончательно формируется только к тридцати годам?

— И что? — не поняла Наташа. По ее беспомощно сосредоточенному лицу было очевидно, что она уже вряд ли способна вос-

принимать слишком сложные термины и потому смертельно боится упустить смысл столь ценного для нее обоснования преимущества зрелой красоты.

— Как бы тебе объяснить подходчивей?.. Девушка до тридцати лет — это цветок, а женщина за тридцать — спелый плод. Цветок ярче, он радует глаз, зато плод — слаще.

Наташино самолюбие было удовлетворено вполне. И теперь, будучи убеждена в своей совершенной неотразимости, она решила пококетничать на полную катушку.

— Тогда тем более поухаживай за мной! — безапелляционно потребовала она. — Докажи, что ты от меня без ума!

Андрей недоуменно покосился на столь способную ученицу и сухо спросил:

— Тебе еще налить?

— Нет, — фыркнула она. — На сегодня водки хватит.

— Может, пожевать чего принести?

— Зачем? Я не хочу.

— Что же я должен сделать?

— Подумай, ты же мужчина! — настаивала хмельная кокетка. Заметив, однако, что кавалер ничуть не склонен углубляться в суть вопроса, снизошла до пояснения: — Для начала можешь поцеловать мне ручку.

— Еще чего!

— А что! — возмутилась она. — Прекрасной даме уж и ручку поцеловать нельзя?

— Видишь ли, прекрасная дама... — Андрей отодвинулся слегка в сторону и, откинувшись на спинку дивана, скрестил руки на груди. — Когда-то, во времена не столь отдаленные, вы, представительницы слабого и такого угнетенного пола, в один голос вопили, жалуясь на дискриминацию женщин и требуя полного равноправия с мужчинами. Наконец вы достигли желаемого, и равноправие было вам любезно предоставлено.

— Ну и что?

— А то, что, добившись равенства в правах, вы перестали являться слабым полом, нуждающимся в защите и опеке. Вы перестали быть женщинами и стали гражданами. Гражданами, равными нам, такими же, как мы.

— И теперь нам нельзя поцеловать ручку? — не унималась Наташа.

— Нет, — изрек Андрей тоном законодателя. — Раньше благородные господа, весьма щепетильные в вопросах чести и личного достоинства, целовали ручки не равноправным гражданам, а именно слабым женщинам, полностью зависящим от них и потому стоящим ниже них на общественной лестнице. Ведь целовать руку тому, кто ниже тебя, — значит снисходить до него. Поэтому данное действие вполне допустимо и даже желательно,

ибо таким жестом мы выражаем свой либерализм, свою демократичность и цивилизованность. Целовать же руку равному — значит унижаться перед ним.

— А если допустить, что женщина — существо более высокое? — нашлась каверзная почемучка.

— Это еще хуже. Целующий руку вышестоящему — пресмыкается и подхалимничает.

Чтобы возразить, требовался трезвый интеллект, причем явно не ее размаха. Осознав это, Наташа обиженно замолкла. Некоторое время она тяжело глядела на торжествующего блистательную победу оппонента, затем угрожающе процедила:

— Значит, ты ни за что и никогда не поцелуешь мне ручку?

— Нет, — решительно пресек дальнейшие переговоры Андрей. Но, глянув на всерьез оскорбленную женщину, спохватился, что не вовремя перегнул палку, и, поспешно изобразив игривую улыбку, опрометчиво выдал: — Ножку — могу.

— Целуй! — мгновенно отреагировала Наташа, и прямая длинная ножка в чулке телесного цвета взмыла к его груди. Края разреза на платье опали, обнажив круглое колено. Женщина откинулась назад, опершись на локоть, и требовательно уставилась ему в лицо, молча призывая к ответственности за свои слова.

Подобной провокации Андрей никак не ожидал. Он вопросительно покосился на женщину — шутить она явно не была настроена. Совершенно потерявшись, он взялся за ее картинно выставленную конечность и, легко касаясь, провел пальцами по лайкровой поверхности чулка. Ножка в самом деле была безупречная; ему очень захотелось увидеть ее полностью. Посчитав, что отступить от сказанного было бы нелепо и совсем не в его пользу, он решился и поцеловал блестящую материю, облегающую полненькую голень. Затем губы его переместились далее. Третий поцелуй пришелся на напряженную коленную чашечку. Андрей ожидал, что Наташа отнимет ножку, однако та, замерев, молчала. Он поцеловал выше колена и уже намеревался отодвинуть край разреза, но тут она, мягко коснувшись пальцами лба, отстранила его голову.

— Пока достаточно.

Опустив ножку и поправив платье, Наташа откинулась на спинку дивана и долго внимательно изучала Андрея. Прошло несколько минут загадочного молчания, откуда в комнату не ворвались пьяные выкрики с кухни, а в дверном проеме не возникли любопытные физиономии досыта налобзавшихся юбиляра и его подруги.

Окинув взглядом опытного психолога притихших молодых людей, Серёга спросил:

— В молчанку играете?

— Нет, — не оборачиваясь, откликнулся Андрей. — Просто Наташа меня гипнотизирует.

— И действует?

— Ужасно. Глаз от нее оторвать не могу.

— Вот бы мне так научиться! — невпопад пискнула Серёгина подруга.

Ее остроты никто не оценил. Поднявшись с дивана, Андрей подал Наташе руку.

— Пожалуй, нам пора. Пойдем, и чем скорее, тем лучше. А то время позднее, ночь темная; на улицах бандиты с автоматами, менты с дубинками, насильники с хлороформом...

— Ну, давайте, — понимающе улыбнулся Капустин-младший. — И пусть постель вам будет пухом!

— Лучше батутом, — многозначительно поправил Андрей, пропустив Наташу в коридор.

## «Было серое, мрачное утро...»

### 1

— ...Вставай, соня! — Ласковые пальчики Наташи скользили по лицу, стряхивая остатки дремы. — Вставай! Уже пора.

Андрей продрал глаза. Мутный взгляд уперся в потолок с громоздкой хрустальной люстрой посередине, прополз по роскошному гобелену на стене справа и остановился на женщине. Наташа восседала рядом на краю кровати. На утомленно-счастливое лицо спадали отдельные тонкие пряди кое-как заколотых волос, длинная ножка грациозно вытянута к полу, мягко колышущиеся спелые груди грозились вывалиться из-за створок махрового халата.

Андрей сладко потянулся всем телом, потом неожиданно обхватил женщину и притянул к себе. Наташа радостно взвизгнула, уперлась в кровать обеими руками и, ловко вывернувшись, вскочила.

— Ты чего? — не понял Андрей.

— Вставай! — повторила красавица, отходя от кровати и плотнее запахивая халат.

— Ну, иди ко мне, — вкрадчиво проговорил он и призывно похлопал ладонью по матрацу.

— Нет уж, хватит! — засмеялась она. — И так целую ночь прокувыркались. Все тело болит.

Снова потянувшись, Андрей подозрительно спросил:

— А сколько времени?

— Скоро семь.

— Боже мой, какая рань! — ужаснулся он. — Так мы совсем не спали!

— Кто как, — дернула плечиком Наташа. — Ты поспал часок. Впрочем, тебе надо — всю ночь работал, как стахановец!

Мысленно отдав должное щедрой оценке своих способностей, Андрей недоверчиво покосился на столь несговорчивую хозяйку, прикидывая, как бы ее завлечь. Требовалось сменить тактику. Скорчив жалкую гримасу, он заканючил, как капризный ребенок:

— Ну, Наташа, иди скорей! Сил нет смотреть на тебя спокойно...

— Нет, — отрезала та. — Давай поднимайся! Тебе еще умыться надо, а мне прибраться, одеться и накраситься.

— Ты торопишься куда-то?

— Конечно. Через два часа надо быть в аэропорту. Я же тебе вчера говорила: у меня муж приезжает.

Печально вздохнув, Андрей тяжело сел на кровати. Не отдохнувшие за ночь мышцы были расслаблены, ноги гудели, а позвоночник словно размягчился и никак не хотел держать спину прямо.

«Да, это облом, — уныло подумал он. — Зато какое счастье, что не нужно ехать на работу!»

Несколько взбодрившись последней мыслью, он с надеждой взглянул на терпеливо ждущую у стены женщину.

— Тебе хоть со мной понравилось?

— Как тебе сказать... — лукаво протянула она. Видя, как недовольно скривилось его лицо, засмеялась. — Успокойся, не делай такую несчастную физиономию! Все было прекрасно. Честно говоря, я на такое и не рассчитывала.

— На какое?

— На такую страсть, на такую выдержку... И на такое умение от одинокого мужчины, не имеющего даже постоянной подруги! Как партнеру тебе цены нет. Только...

— Что? — насторожился Андрей.

— Ну-у... — Гадая, как лучше объяснить, Наташа закачала головой из стороны в сторону. — Ты ведь знаешь, что женщины любят ушами. Хоть бы раз сказал что-нибудь нежное, ласковое! А то все молча, молча...

Андрей удрученно кивнул.

— Ты права, — повинился он. — Красивых слов я говорить не умею. И вообще, сентиментальными бывают только женщины, дураки и садисты. Я же ни то, ни другое, ни третье.

— Но ты ведь как-то завоевываешь других женщин. Сам говорил, что периодически у тебя появляются партнерши. Да это и так чувствуется!.. Их-то надо чем-то подкупать, особенно молодых девушек. В конце концов, никто от тебя не требует глубоких чувств, но хотя бы сказать об этом ты можешь? Хотя бы обмануть?

— С каких пор женщинам стало приятно, когда их обманывают?!

— Когда завлекаешь женщину в постель, это просто необходимо, — назидательно пояснила Наташа. И хитро прищурилась: — Хочешь сказать, ты ни разу никого не обманывал?

Андрей возвел глаза к потолку, облакая в словесную оболочку очередную крылатую мысль. Затем изрек:

— Обманывать женщину — все равно, что обманывать партнера при игре в карты: выигрыш наверняка, а играть неинтересно.

Удивленно посмотрев на него, Наташа вздохнула.

— Ты такой умный! — с сожалением заключила она. — А мой — такой оболтус! Книжек совсем не читает. Смотрит вечера напролет боевики по видику, и разговоры у него только про налоги да курс доллара.

— Оболтус или не оболтус, — протянул Андрей, разглядывая загромоздившую дальний угол комнаты разнообразную японскую аппаратуру, — а зарабатывает поболее меня, умного!

— Что правда, то правда! — довольно заулыбалась Наташа. — Такого, как ты, лучше иметь любовником, а такого, как мой, — мужем.

— Стало быть, ты счастливейшая из женщин, — подытожил Андрей.

— С какой стати? Любовника-то у меня нет.

— Так... если я тебе вполне подхожу в данной роли... может, мы еще встретимся?

— Тебе со мной так понравилось?

— Очень!

Задумчиво сдвинув брови, женщина тряхнула волосами.

— Да нет, вряд ли.

— Почему?

— Я же не знаю, когда он опять уедет! — Она засмеялась, потом добавила серьезно: — К тому же я мужа своего очень люблю. Поэтому никакой любовник мне не нужен.

— Оригинально! — оторопел Андрей. — А когда муж в командировке, тогда ты любишь еще кого-то?!

— А это не любовь, — убежденно ответила она. — Просто случайное приключение. И я, как всякая женщина, имею право иногда развлечься.

— Я вижу, вы все одинаковы, — усмехнулся Андрей. — Любая женщина способна оправдать какой угодно свой поступок. И ни одна никогда не почувствует себя виноватой.

— А ты не судья, чтобы я перед тобой оправдывалась, — холодно осадила Наташа. — Будешь мне тут морали читать!

Смутившись, Андрей тотчас двинул на попятную.

— Понял. — Он виновато склонил голову. — Все понял. Уже отстал и исчезаю!

...Уходя, он обнял ее и хотел поцеловать в губы. Но Наташа отвернула лицо, подставив щечку.

— А может, все же встретимся как-нибудь? — напоследок предложил он. — У меня в начале лета родители в отпуск должны уехать...

— До лета больше, чем полгода, — улыбнулась она.

— Ну... можно и раньше что-то придумать!

— Посмотрим, — неопределенно обронила Наташа. — Жизнь большая...

...Серое осеннее утро. Сотни ног уныло шлепают по влажному асфальту. Люди автоматически перемещаются в заданном направлении с заданной скоростью. От подъезда до остановки — маршрут годами не меняется, покидание исходной точки и достижение конечного пункта рассчитаны до секунды. Лица людей сумрачны, но это не признак плохого настроения: просто они еще не проснулись. Просыпаться станут позже, прибыв на место работы, а пока тяжелая дрема газовым облаком окутывает мозги, движения безошибочно регулируются рефлексам. Рефлексы отдают приказы мозгу, мозг независимо от воли заставляет останавливаться перед мелькающей автомобилями дорогой, переходить улицу на зеленый свет, огибать лужи, уклоняться от столкновения с себе подобными. Нет чувств, нет мыслей. Лишь иногда грязная противная шавка невзначай гавкнет откуда-то сбоку — и тогда на мгновение короткая вспышка раздражения отдернет плотную завесу дремы, выбросив спонтанно возникшие эмоции беззлобным матом сквозь зубы...

Продвигаясь по городу ранним будничным утром, Андрей часто вспоминал начало романа Горького «Мать». В школе учительница литературы с особой выразительностью, траурным голосом с эффектными подвываниями зачитывала ученикам мрачную сцену, рисующую безликую серую людскую массу, грязным потоком текущую по мостовым и вливающуюся в распахнутые ворота завода, где обездоленным пролетариям предстоит, надрываясь, изнуряться на безжалостного эксплуататора до конца рабочего дня. Баритон учительницы дрожал, звуча глухо, как из бочки, скорбные черты лица красноречиво выражали горечь и сочувствие обездоленным. И Андрею было эгоистично радостно, что он не родился тогда, что тусклая, лишенная всяких красок судьба угнетенного рабочего — не его судьба, и что нашлись же, в конце концов, в большом количестве незаурядные люди, которые, жертвуя собою, сделали-таки революцию, радикально изменив существующий порядок вещей и жизнь каждого отдельного человека!.. Но вот прошло почти столетие, а в сущности чем отличается бытие теперешних гегемонов от бытия тогдашних дешевых рабов? Несутся ли они вирипрыжку на работу с сердцем, сладко замирающим от нетерпения поскорее приступить к созидательному труду? Любят ли они, как отца родного, своего ласкового начальника, данного им вместо кровососа Путилова? Осознают ли величайшую разницу между нынешним интеллигентным милиционером и царским жандармом-держимордой? Живут ли они так, что каждый день им кажется новым?..

Да куда там! Достаточно один раз посмотреть утром на эти лица, один только раз попытаться отыскать в сотнях пустых глаз хоть какое-то отличие друг от друга, чтобы навсегда разувериться во всяком прогрессе цивилизации. Может безудержно развиваться техника, и наука не устанет ежедневно открывать новые

горизонты, и новейшие Конституции гордо заблещут статьями о все расширяющихся правах личности — не изменятся лишь лица этих людей, ни свет ни заря спешащих на постылую работу, не исчезнет пустота в их глазах и не разогнутся их ссутуленные спины. И это абсолютное большинство разумных существ, из века в век обеспечивающее достойную жизнь немногим, никогда не будет жить лучше, и никогда не испытает радости от своего труда. И вряд ли тут поможет индивидуальный будильник, пришедший на смену общему заводскому гудку...

Бедные, несчастные соотечественники! Неужели, не удосужившись родиться отпрысками эстрадной звезды, знаменитого актера или бесчестного вора-бизнесмена, так и обречены вы вечно добывать себе хлеб насущный, занимаясь не тем, что вам по душе, а тем, чем не хотят заниматься имеющие выбор? Неужели суть вашей жизни и жизни потомков ваших полностью сведется к изначально установленным функциям рождения, размножения и смерти — и эти три события станут единственным разнообразием, предусмотренным природой для всех абсолютно? Исчезнут ли когда-то с лиц ваших неизменные сумрачность и сосредоточенность? Заменят ли их улыбки — не кривые ухмылки пьяных в стельку плебеев, а добрые, открытые улыбки достойных людей, довольных тем, что родились на свет?..

Болезненно морщась, Андрей смотрел на замученных сограждан, с философским терпением ожидающих автобуса на остановке. Гордые россияне стояли соляными столбами; мало кто хотя бы переступал с ноги на ногу. Только головы с прозрачными глазами синхронно поворачивались из стороны в сторону, безразлично следя за движущимся транспортом. В очередной раз возрадовавшись своему выходному, предвкушая сладкий утренний сон в теплой постельке, Андрей достал сигарету и, закурив, попытался трезво проанализировать свое вчерашнее поведение.

«Так. Вроде бы никаких эксцессов не случилось. Никаких глупостей не совершил, ничего провокационного никому не сказал, никого не обидел, на ковер не нарыгал. Прекрасно! А с Наташкой было что-нибудь эдакое?.. Да кажется, все путем. Нес какую-то чепуху глубокомысленную... Вот с Николаем Петровичем беседа получилась не очень тактичная. Он на меня смотрел, как на вандала... Черт, и надо мне было обвинять его хреновы Органы?! Вот всегда так: ради красного словца не пожалеешь и отца... тем более чужого... А Наташка — шикарная женщина, знойная такая! Муж-то, видать, толком ничего не может. Впрочем, говорят, все коммерсанты такие... Извивалась и визжала, будто на электрическом стуле! Это ж надо так сложиться, чтобы пятки оказались рядом с ушами — практически пополам! Гуттаперчевая девочка... Однако от новых встреч отказалась. Хочет блюсти мужу верность. До его следующей командировки... Ха!

Ну и стерва! Вот так женишься и будешь себе думать... Погоди-ка! Да ведь я у Серёги ей ноги целовал!»

Он страдальчески прикрыл веки, переваривая внезапное потрясение. Сизый табачный дым ядовитой струйкой вполз в ноздрю, заставив очнуться. Досадливо выплюнув сигарету, Андрей пробормотал:

— А если она Капустиной расскажет! Вот Верка на мне оторвется! Издеваться станет на каждом шагу. Надо же, скажет, каким нежным возлюбленным оказался наш убежденный женоненавистник!.. Хоть на глаза ей не попадайся. Теперь к Серёге и зайти будет страшно...

От полного самоуничтожения его отвлек тяжелый вздох остановившегося автобуса. Используя преимущество молодости, Андрей в два прыжка обскакал оживших конкурентов и первым оказался возле забрызганной грязью задней двери. Створки надрывно заскрежетали, немного помедлили, собираясь с силами, затем со злобным визгом распахнулись. Толпа резко надавила сзади, так что он едва успел поднять ногу, чтобы не повредить о ступеньку берцовой кости.

Народ ломился в автобус, как в спасательную шлюпку во время кораблекрушения. Отдавшись на волю стихии, Андрей скоро был выдавлен на середину салона, где всем корпусом столкнулся со встречным потоком, штурмующим переднюю дверь. Прямо перед ним оказалась девушка лет девятнадцати; Андрей успел автоматически отметить, что выглядит она весьма недурно. Давление между тем все возрастало; не попавшие в салон напирали со всей дури и панически орали:

— Эй, там, вашу мать, проходите вперед! Места еще полно!

Хотя места не оставалось совсем. Тем не менее, движимые коллективным состраданием, два встречных потока попытались сжаться до предела возможностей. Девушка всем телом влипла в Андрея, ее каштановая челка уперлась ему в подбородок. Он честно попробовал отодвинуться, но в этот момент водитель надавил на газ, двигатель угрожающе взревел, и толпа в дверях завизжала, как стадо диких свиней:

— Проходите вперед, сволочи! Люди залезть не могут! Твари долбаные!!

Поняв, что салон переполнен сверх меры, водитель осторожно тронул автобус с места. Чтобы крайним не выпасть наружу, требовалось закрыть двери. Стоящие на ступеньках, стремясь выполнить данную задачу, титаническим усилием еще немного спрессовали толпу. В результате Андрей начал чувствовать тело соседки, как свое собственное. Разуверившись в возможности отстраниться от нее хоть на миллиметр, он расслабился и вместе с прочими сплюснутыми пассажирами пассивно раскачивался в такт движению автобуса, не утруждая себя необходимостью держаться за поручень.

Однако девушке не стоялось. Она пыхтела и кряхтела, тщетно сясь оторваться от склеенного с ней мужчины. Ее острое колено больно упиралось ему в голень. От тесноты, неудобства, сдавленности грудной клетки и этой бессмысленной возни в Андрее стремительно закипало раздражение. Наконец, когда автобус сильно тряхнуло, а колено уж очень чувствительно уперлось ему в ногу, он, взорвавшись, воскликнул:

— Ах, девушка, перестаньте копошиться, ради бога! И кончайте толкать меня своей тощей коленкой!

Замерев, девушка испуганно подняла на него широкие серые глаза. От ее беспомощного вида Андрей распалился еще больше и жестоко процедил прямо в смазливое личико:

— Ваша упругая грудь меня волнует не более пуговиц, уж поверьте!

Девушка насупилась. Но спустя мгновение лицо ее из испуганного стало злым: видимо, выраженное молодым человеком пренебрежение к ее прелестям было сочтено за личное оскорбление. С пронзительной ненавистью глядя на Андрея снизу вверх, она ужалила:

— Импотент, что ли?

— Нет, голубой, — нашелся он.

— Поздравляю! — злорадно прошипела юная попутчица и, резко упершись спиной в плотную массу толпы, сумела-таки выиграть около сантиметра пространства.

Андрей опешил. Определенно, нельзя было допустить, чтобы последнее слово осталось за этой сопливой девчонкой. Выручил автобус. Подскочив на какой-то колдобине, он вынудил население салона разом податься назад. Нахальная попутчица с силой впечаталась в Андрея; он явственно ощутил, как расплющились на его груди мягкие бугорки под ее одеждой. Ядовито улыбнувшись, Андрей заметил:

— С такими амортизаторами, как у вас, никакое давление не страшно!

Удар достиг цели: девушка смутилась и опустила лицо, предоставив ему созерцать свое темя. Она больше не копошилась и стояла спокойно. Однако скоро Андрей почувствовал, как часто, неровно вздрагивает ее тело. Он удивленно покосился на нее. Узкие плечи мелко тряслись, а лоб отбойным молотком стучал о его ключицу.

— Чего вы смеетесь? — сердито спросил он.

Девушка подняла покрасневшее лицо. Пухлые губки кривились и ломались от усилий сдержать улыбку. Устремив на него свои широченные прожекторы, она пояснила:

— Как это вы неординарно выразились... насчет амортизаторов!

— Хм! — польщенно усмехнулся Андрей. Недавнее раздражение как-то сразу сменилось на дружелюбное любопытство. — А где, интересно, водятся благородные девицы со столь правильной речью?

Секунду помолчав, она призналась:

— В пединституте. Где же еще!

— Филфак?

— Надо же, какой пронизательный!

Автобус резко зашнуровался и встал. Люди камнепадом посыпались из распахнутых дверей. В салоне на какое-то время стало посвободнее, и Андрей, слегка отстранившись от соседки, получил долгожданную возможность вздохнуть полными легкими. Заодно взглядом эстета быстро окинул девушку с ног до головы.

Все тело незнакомки источало свежую прелесть молодости. Стройные ножки, едва прикрываемые короткой юбочкой, плотно смыкались одна с другой, очаровательные бедра плавно переходили в тонкую талию, бугорки груди острыми наконечниками дерзко оттягивали кофточку.

«Как хороша!» — про себя восхитился он. Взгляд привычно нашел правую руку девушки с зажатой в кисти кожаной сумочкой в форме маленького чемоданчика. Обручального кольца на пальце не было.

«А что, если раз в жизни попробовать установить приятное знакомство вот так, экспромтом? — без особой надежды подумал Андрей. — Случай подходящий...»

Процедура наполнения салона прошла, как всегда, с борьбой за жизненное пространство и бессильным матом отчаявшихся победить в этой борьбе. Когда створки дверей с натужным лязгом захлопнулись, Андрей вновь оказался с будущим педагогом впритирку. Девушка стояла спокойно, колыхаясь вместе со всеми в такт движению уличного крейсера, и он явственно ощущал, как упругие бугорки под ее кофточкой приятно трутся о его грудь. Он совершенно не соображал, что должен говорить; в беспокойном мозгу назойливо высвечивался горестный сигнал: «Действуй, идиот! Через остановку — институт. Времени у тебя — на затяжку!»

В конце концов, втянув через нос как можно больше воздуха, Андрей склонился к каштановой макушке и ледяным тоном прожжённого ловеласа произнес:

— Я так полагаю, юная леди, что после столь близкого знакомства мне остается только представиться!

Девушка подняла к нему насмешливое лицо. Он смутился, но все же промямлил упавшим голосом:

— Андрей...

Словно задумавшись, красавица опустила глаза, затем глубокомысленно констатировала:

— Мне скоро сходить.

— Знаю, — обиженно пробурчал Андрей. — Через остановку.

— Пора начинать пробиваться, — продолжала она. — Иначе не успею.

Андрей, насупившись, молчал. Хитро покосившись на него, студентка уронила:

— Надя.

Вновь обретенная надежда немедленно отразилась на лице Андрея в виде широчайшей улыбки.

— Надя, а может, вы свободны сегодня вечером? Тогда я был бы рад составить вам компанию...

— В качестве кого?

— В качестве конвойного, — снова насушился он. Будущая училка явно была настроена поиграть в «кошки-мышки».

Очередная остановка на пару минут прервала диалог. Когда же автобус тронулся дальше, Надя опять хитро посмотрела на незадачливого собеседника.

— Так от кого вы собираетесь меня охранять?

— От серого волка! — огрызнулся Андрей. — Послушайте, Надя, я вижу, окружающая обстановка очень отвлекает вас от основной темы. Не лучше ли будет, если я провожу вас до института? По дороге поговорили бы...

Молчание. Андрей разочарованно дернул плечом и уставился в окно.

— Ладно, дело хозяйское... Не цените вы, молодые и глупые, достойных мужчин. — И с назидательным упреком повернулся к Наде. — А я, между прочим, очень хороший, почти золотой!

Скептическая усмешка коромыслом изогнула губки студентки. Ее лукавый взгляд, не мигая, изучал лицо Андрея, что вызывало в нем отнюдь не приятные чувства. Недовольно хмыкнув, он в душе безнадежно махнул рукой.

Когда автобус раскаленной конфоркой зашипел на остановке, Надя покосилась на начавших торопливо перемещаться пассажиров, ориентируясь, как лучше попасть в струю, текущую к выходу. Прежде чем пристроиться к чьей-то могучей спине, внушающей уверенность в успешном завершении десантирования, она вдруг обратилась к Андрею:

— Провожать меня, правда, не стоит. — И неожиданно мило улыбнулась. — Не знаю, на что ты рассчитываешь, но ровно в пять вечера я буду проходить мимо книжного магазина...

...Страшно становится, когда задумаешься, какие мелкие случайности определяют всю нашу жизнь! Кажущиеся малозначительными и вовсе незначительными, они тем не менее крепко спаяны в длинную цепь, где микроскопические звенья, цепляясь друг за друга, образуют единое целое — нить судьбы. Потянешь за одно звено — стронется вся цепь. И не было бы всей цепи, не будь хотя бы одного из звеньев, — за что же тогда цепляться остальным? А где оно, то первое звено — пожалуй, одному Богу известно, и никогда не задумаешься, от какого мгновения начинать отсчет событий, предопределяющих все последующие.

Точное стечение каких обстоятельств предрешило рождение Серёги Капустина именно четвертого октября? Родись он днем раньше или позже — и не встретился бы Андрей на его празднике с Наташей, у которой муж как раз находился в отъезде. Не проведи он эту ночь в ее постели и не будь столь рано изгнан из нее по причине скорого возвращения того же мужа — разве оказался бы он тем утром в том районе? Разве влез бы в тот переполненный автобус и столкнулся бы с Надей лицом к лицу?

Нет, конечно. Ничего этого не произошло бы. Все сложилось бы по-иному, и наверняка лучше. Хотя... Кто знает?..

### 3

С детской непосредственностью шлепая подошвами по грязным лужам, Андрей подходил к своему дому. Небо было одно-тонно-серое, низкое; казалось, что родная девятиэтажка крышей упирается в него, предохраняя от падения. Вот-вот должен был пойти робкий первый снег.

Он любил такое предснежное — или предгрозовое — состояние. Воздух ощутимо насыщался здоровой свежестью, всякое движение его прекращалось, даже городской шум делался приглушенным. Навязчивые до того звуки становились мягкими, несмелыми, словно в тягостном ожидании чего-то страшного, грандиозного. Предметы обретали четкую ясность, не искажаемую лукавой игрой света и теней. Все сущее напряженно замирало, затаивалось, будто стараясь слиться с серым фоном небосвода. Возникло тоскливо-волнующее и одновременно умиротворенное чувство внезапно наступившего одиночества. В такие моменты Андрею хотелось молчать, спокойно рассуждать о заоблачных материях, мечтать о чем-то несбыточном или сочинять стихи.

Для него, уже минут двадцать возбужденного неожиданным знакомством и перспективой вечернего свидания, такое состояние было как раз кстати. Прокуренные легкие задышали глубоко, с наслаждением вентилируя озонем свои многочисленные пузырьки. Аритмично стучащее сердце затукало ровно. Эмоции улеглись опалыми листьями. Хаотично скачущие мысли вошли в ровное, приятное русло, а легкая улыбка на лице развеяла огнедышащий румянец.

Оттягивая момент вхождения в сумрачный, душный подъезд, Андрей замедлил шаг и побрел медленно-медленно, впитывая всем существом разлившееся в атмосфере трагичное успокоение.

— Тяф! — чиркнуло сбоку.

Он недоуменно покосился под ноги и обнаружил сидящего на крышке канализационного люка маленького пегого щенка, восторженно глядящего на него снизу вверх. Уши у приветливого зверька свисали кончиками вниз; мохнатая морда намекала на причастность к производству его на свет какого-то фокстерьера; густота шерстки и пятнистая раскраска свидетельствовали о присутствии в

его генеалогии лаек и дворняг. Словом, общий вид собачонка красноречиво указывал на сомнительность его происхождения.

Усмехнувшись, Андрей остановился, любопытно разглядывая обратившегося к нему меньшого брата.

— Смесь бульдога с носорогом, — нелестно подытожил он и опустил на корточки. — Привет!

Песик активно замолотил по крышке люка тоненьким хвостиком и еще раз пронзительно тьякнул, не сводя с человека восхищенных выпуклых глаз.

— Жрать хочешь, — понимающе кивнул Андрей. — А чего сидишь? Помойка рядом.

Он автоматически залез рукой в карман ветровки, и к вящему удовлетворению нащупал затасканную, видимо, еще с прошлой весны, карамельку. Достав ее на свет божий, он с триумфом отслоил неприросшую часть обертки и на ладони подал конфетку зверьку. Но песик лишь повторно постучал хвостиком, даже не соизволив приняться.

— Чего же ты хочешь? — озадачился Андрей. Традиционно погладив собачку, он выпрямился. Песик немедленно поднялся тоже, всем видом выражая полную готовность следовать за ним хоть на край света.

У Андрея защемило сердце. От лучезарного настроения вмиг не осталось и следа.

— Вот чего ты хочешь... — проговорил он сквозь подступающую к горлу горькую спазму. — Ты думаешь, что нашел себе хозяина. Бедный песик... Только ты ведь не первый такой и не единственный. Куда же я вас буду собирать?

Он огорченно развел руками. Песик, казалось, понял его верно и, снова опустив зад на крышку люка, поник кончиками ушек. Андрею стало ясно, что необходимо скорее уходить.

— Ешь конфетку, — бросил он на прощанье и, повернувшись, двинулся к дому ускоренным шагом. Однако, отойдя немного, обернулся — и обнаружил пегого зверька семенящим следом на некотором расстоянии. Поймав его взгляд, меньший брат тотчас сел на асфальт и не мигая уставился на человека.

— Иди домой! — тщетно пытаюсь изобразить строгость, пробурчал Андрей. — Кыш!.. Вот я тебе...

И широко ступая, почти побежал дальше. Достигнув подъезда, распахнул дверь — и зачем-то обернулся опять.

Песик сидел на прежнем месте; первые редкие снежинки тихо опускались на пятнистую шерстку. Картина была настолько тосклива, что Андрею до боли захотелось прямо сейчас, немедленно умереть.

— Ну куда я тебя возьму?.. — пробормотал он, словно пытаюсь оправдаться перед живым существом, чьи радужные упования были им так жестоко разрушены. — Куда я вас всех возьму?! Знаешь, сколько вас таких кругом шляется!..

На мгновение ощутив проблеск робкой надежды, что столь приглянувшийся ему человек сейчас позовет его, песик привстал, напрыгавшись в готовности броситься к нему галопом... Но Андрей, резко отвернувшись, ступил через порог и захлопнул за собою дверь.

На душе его стало жутко мерзостно. В который уже раз после очередной встречи с беззащитным, доверчивым животным Андрей остро, безжалостно и необъяснимо ощущал сам себя гадким, отвратительным негодяем!.. С унылой обреченностью он вынужден был признать, что, несмотря на перспективу грядущего randevу, бодрое настроение безнадежно испорчено, основательно и надолго.

*...Интересно, что стало с тем несчастным песиком? Вырос он в здорового, наглого, в общем довольного жизнью кобеля — или так и не смог успешно перезимовать и замерз где-нибудь на канализационном люке, не дающем достаточно тепла в сорокаградусный мороз? Было ли ему столь же плохо, как сейчас Андрею?.. Если довелось ему столкнуться с той же самой бессмысленной и безграничной человеческой жестокостью, тогда наверняка было. Пожалуй, песику было даже хуже — ведь он, в отличие от Андрея, не мог противопоставить жестокости людей свою жестокость, а силе людей — свою силу. Силы у него просто не было, а жестокости и быть не могло, поскольку она присуща исключительно Человеку — венцу творения! Вот откуда тот неизлечимый комплекс вины перед животными, от которого всегда так страдал Андрей: просто он подсознательно ощущал, что принадлежит к самому мерзкому, самому отвратительному племени на земле — единственному племени, творящему Зло. Звери не могут совершать Зла уже потому, что не знают, что это такое.*

*И еще: не совершая Зла, животные не способны наслаждаться Злом. Им, убогим, просто не дано получать от Зла глубочайшего удовлетворения...*

## Сети лукавого Эроса

### 1

...Без пятнадцати пять Андрей стоял возле книжного магазина, взглядом тертого чекиста фильтруя текущую мимо толпу. Был вечерний час пик, и он панически боялся не заметить в гуще народа свою красавицу, поэтому, поднявшись по ступенькам, встал на возвышенную площадку рядом с самым магазином, немного в стороне от входа, чтобы хоть его было видно наверняка.

Ради особого случая он тщательно побрился, изменив устоявшейся привычке делать это не чаще одного раза в два дня (во избе-

жание ускорения отрастания щетины), и даже до зеркального блеска начистил обувь, чего с ним не случилось с момента демобилизации из рядов Вооруженных Сил. Немного поломавшись, купил букетик из пяти алых гвоздик, после чего ощутил себя во всеоружии. Теперь, лихорадочно вращая головой, он пытался спланировать свои действия во время грядущей встречи. Ясно было, что на столь юную особу необходимо произвести прежде всего первое впечатление.

«О чем с ней говорить? Эти мне молодые засранки! Им бы часами слушать, как мужик перед ними распирается!.. Любопытно, а о чем записные ловеласы с женщинами разговаривают — не о демократических же реформах? И вообще, ну какие у представителей разных полов могут быть общие темы! Впрочем, она ведь на филфаке учится, значит, волей-неволей классику почитывает... А вот напрасно я, между прочим, заранее выяснил, чем она занимается. Было бы о чем спросить».

Развитие мыслей молодого человека достигло идеи восхититься Надиной неотразимостью и на сем безнадежно застопорилось. Недружелюбно покосившись на спешащих мимо людей, на ходу бросающих любопытные взгляды, он посмотрел на часы: без десяти пять.

«...Кстати, на что я надеюсь? С чего это я так уверен, что она придет? Сказала, что будет проходить мимо... Если, конечно, это ее каждодневный маршрут, тогда ладно. А если насвистела? А сама, чего доброго, пройдет где-нибудь в стороне с табуном подруг, ткнет в меня пальцем — и будут студентки потом весь вечер прикалываться? В результате ее рейтинг резко возрастет, я же останусь полным придурком, причем придурком далеко не пионерского возраста!.. Блин, еще торчу с этим букетом на видном месте, как гриб на поляне! И так люди про себя хихикают, наверно... Вон те двое: в магазин заходили — покосились, сейчас выходят — и снова косятся. Следопыты любознательные!.. А с полчаса однозначно придется простоять».

В четыре затяжки высосав сигарету до фильтра, Андрей еще раз глянул на циферблат. Без двух.

«...Жду до пятнадцати минут, потом уйду, к черту! А то возвышаюсь тут, как памятник Ромео... Зря я пять гвоздик купил, и трех хватило бы. Все равно выбрасывать... Впрочем, зачем выбрасывать? Вот высмотрю сейчас какую-нибудь симпатичную женщину, помоложе и некольцованную, да преподнесу ей! Глядишь, что и выгорит ненароком...»

Но едва пораженческие настроения в нем возобладали над оптимизмом, Андрей увидел Надю. Девушка держала курс прямо на него. Глаза ее были скромно опущены, однако Андрей замечал, как она бросает на него молниеносные взгляды исподлобья, при том изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение. Он также принял сосредоточенный вид и стиснул букет, как боец стискивает оружие перед битвой... Но девушка вдруг показалась ему такой

красивой, а длинные ножки под коротенькой юбочкой столь стройными, что щеки его предательски вспыхнули, а губы непроизвольно растянулись от уха до уха.

Приблизившись, Надя сдержанно улыбнулась.

— Привет!

— Зд... здравствуй... — Неловко поперхнувшись, Андрей отчего-то смутился и замер гипсовой скульптурой, наглухо захлопнув рот.

Поневоле беседу пришлось начинать даме.

— Это мне? — кивнула она на букет.

— Да, конечно, — очнулся он, протягивая цветы. — Знал бы, что точно придешь, купил бы розы...

«Вот это ты сказал! — панически сверкнуло в мозгу. — Надо же уродиться таким олухом!»

— Розы слишком дорогие. — Надя взяла букет. — Или ты миллионер?

— Если бы! Самый обычный пролетарий. Гегемон, так сказать...

— Для пролетария у тебя слишком правильная речь, — заметила она. — И эрудиция ощущается.

— А ты знаешь, Надя, сколько я встречал балбесов с дипломами! — подхватил ободренный щедрым комплиментом Андрей. — Ведь официальное образование само по себе, кроме знаний по определенной специальности, ничего не дает — ни логики, ни кругозора. А умным бывает достаточно просто родиться!

«Эй, ты чего это разошелся! — возмутился его внутренний голос. — Давай ее расхваливай, а не себя!»

— А что ж ты такой умный — и пролетарий? — усмехнулась девушка.

Он философски пожал плечами.

— Кто в этой стране на своем месте! Президент, и тот без бумажки двух слов связать не в состоянии — что уж говорить об остальных! Сдается мне, родись в наше время Ломоносов близ Архангельска в семье рыбака, он и сам так бы рыбаком и остался.

— А по-моему, способности человека при любых условиях должны проявиться...

Андрей скептически усмехнулся:

— Талант пробьется? Отнюдь. Пробивные способности свойственны как раз наглой бездарности. Михаил Васильевич с его напористостью — лишь исключение, а не правило. Сколько подобных ему перспективных гениев так и зачахло где-нибудь в глухомани, так и не попытавшись попасть в Академию! И сколько во все времена было на умных местах безграмотных дураков, порочащих наше высшее образование!

— Но ведь не обязательно даже идти в вуз. Сейчас можно найти применение своим способностям в разных сферах. В бизнесе, например.

— Ну, во-первых, кому я нужен в бизнесе с моими гуманитарными наклонностями? А во-вторых, ты, думаю, сама знаешь, какой у нас бизнес: от него всегда очень дурно пахнет! В наше время быть рабочим — пожалуй, единственный абсолютно честный род деятельности. Разумеется, можно было бы стать учителем, вроде тебя. Только бороться с юными хулиганами — не мое призвание. Здесь нужно быть слишком дипломатом, у меня же для этого недостает ни выдержки, ни желаний.

— А вообще пробовал поступать?

— Пробовал. Сразу после школы.

— Куда?

— В Москву, в историко-архивный.

— Ну и?..

— Не прошел по конкурсу. Хотя...

— Что?

— После окончания вступительных экзаменов на собрании абитуриентов нам зачитывали результаты: кто прошел, кто не прошел, и тому подобное... И была среди нас одна девушка, то ли из Якутии, то ли из Красноярского края, не помню точно. Так вот, она умудрилась набрать девятнадцать баллов из двадцати возможных — вряд ли у кого еще так получилось. А декан — или кто там был? — заявил во всеуслышание, никого не смущаясь, что напрасно она приехала в Москву: для желающих получить высшее образование жителей Урала и Сибири, видите ли, существует Свердловск...

— И не зачислили?!

— Не знаю. Может, она и сумела потом как-то добиться справедливости... Только если ее и зачислили, то в виде исключения, не иначе. А может, господам из престижного вуза просто нужна была мзда, и они пытались намекнуть на данное обстоятельство?.. Во всяком случае, я решил, что провинциалу в столице ловить нечего, и впредь попыток не возобновлял. Да и куда после армии учиться! Там за два года всю премудрость подчистую целенаправленно выбивают из головы. Одним словом, переделывают людей в солдат.

— А зачем ты именно в Москву заехал? Почему не в тот же Свердловск? Амбиции?

— Я, к слову, и сейчас не знаю, что там в Свердловске... А амбиции ни при чем. Просто МГИАИ был единственным на весь Союз сугубо историческим вузом. Альтернативы, как говорится, не существовало.

Тема была исчерпана. Они шли рядом по текущему людскими тротуару, и Андрей опять не представлял, о чем говорить. Какие-то несвязные мысли рваными клочьями проносились в мозгу, но все они никуда не годились. Ему оставалось лишь нервно кусать губы, изнывая от сознания собственной неполноценности в роли кавалера.

Поняв его танталовы муки, Надя великодушно пришла на помощь.

— Почему ты такой мрачный? Жалеешь, что со мной встретился?

— Ты что! — испугался Андрей.

— Может, у тебя что-то случилось?

Требовалось очень срочно оправдать свое неуверенное состояние. Времени на размышление не было; пришлось сказать первое, что оказалось на языке:

— Знаешь, я после того, как с автобуса сошел, увидел на канализационном люке маленькую собачку... щенка. Он так смотрел, как будто я обязан был его подобрать. Даже бежал за мной до самого подъезда... До сих пор не по себе.

— Ты так любишь животных?

— Вообще-то, больше — кошек. Всяких: породистых, беспородных, домашних, лесных, львов, тигров... Всех же прочих животных мне просто очень жалко. Они такие незащитные, беспомощные, и жизнь их абсолютно ничего не стоит... Честно говоря, к братьям меньшим я отношусь с гораздо большей симпатией, чем к себе подобным.

— Хм! Чем люди перед тобой так провинились?

— Животные не совершают Зла. Зло присуще только нам, высшим существам, созданным по образу и подобию Всевышнего. Уже одним этим мы гораздо ниже и гаже всякого хищника!

— Но именно человек — венец творения! Именно нас Господь произвел напоследок, как логическое завершение всей предыдущей созидательной работы!

— А ты не задумывалась, почему Господь так разгневался, когда Адам и Ева вкусили от запретного плода, что даже изгнал любимых детищ из рая?

— Потому, что они нарушили его запрет...

— И?..

— И познали грех, перестав быть непорочными.

— Вот именно. Прародители человечества лишились непорочности, причем душевной, а не плотской. Люди, еще не вкусившие от плода высшего Знания, были наивны и естественны. Не различая добра и зла, они не могли делать ни того, ни другого. Эта прерогатива принадлежала исключительно Богу, ибо он один, будучи совершенным, способен, обладая величайшей мудростью, не обращать Знание во вред... И вот несовершенные создания, преступив запрет, сравнялись с Богом в Знании, но не могли сравняться в мудрости. Обретя способность судить о добре и зле, они стали творить Зло во все возрастающих масштабах.

— Но людям тогда стало свойственно творить и добро!

— Может ли жалкая щепотка на весах деяний человеческих перевесить многотонный груз! Мы можем различать Зло — и умножаем его на каждом шагу. А животные не ведают Зла — и остаются непорочными. И самое главное: они не совершают Зла преднамеренно! Они, в отличие от нас, не могут наслаждаться

Злом, получать от него удовлетворение. Так кто же чище и благороднее? Кто заслуживает лучшего к себе отношения?

— Все это звучит очень убедительно... Но ты судишь в общем, а к каждому человеку необходимо подходить индивидуально. Никто не ответственен за чужие грехи. А хороших людей все-таки гораздо больше, чем плохих...

— Ты в самом деле так считаешь?! Кого же ты именуешь хорошими людьми?

— Тех, кто не совершает зла.

— Полагаешь, чтобы быть хорошим, этого достаточно?

— По-моему, вполне.

— Ладно. Давай разложим все по полочкам. Не совершающие зла делятся на три категории. Первая, действительно большая, но не основная: те, кто не совершает зла, пока оно не становится им выгодным. То есть они мухи не обидят, если в том не будет нужды. Но упаси бог, если такая нужда у них возникнет!.. Вторая категория, самая распространенная, самая многочисленная: те, кто не совершает зла, даже когда оно выгодно, из страха перед разоблачением и осуждением — не обязательно уголовным, хотя бы нравственным. Это — основная масса людей; это те, кто во всем равняется на толпу и страшится каким-либо образом из нее выделиться. В обычных условиях они довольно безопасны, кроме тех случаев, когда само большинство считает некое проявление Зла не злом вовсе, а чем-то вполне оправданным и достойным — такое гибкое отношение к Злу характерно для войн, революций, а также для армейской среды и мест заключения. Но даже в обычной обстановке — если таким людям Зло станет для чего-то нужным, и притом они будут уверены, что содеянное ими навсегда останется в тайне, — они недолго будут колебаться... Наконец, третья категория: не совершающие зла просто потому, что оно — Зло, потому, что оно для них неприемлемо ни в каком виде. Вот именно они и являются нормальными, хорошими людьми, людьми в лучшем значении этого слова. Они не совершают зла при любых условиях, без всяких оговорок. И чертовски жаль, что их намного меньше, чем всех прочих, а ничтожное количество это не в состоянии определять поведения общества!

Надя выслушала длинную тираду с неподдельным удивлением. Когда он замолк, спросила:

— Ты где это все прочитал?

— Нигде! — оскорбился было Андрей, но сразу смутился. — Извини, я слишком увлекся... Конечно, тебе это все неинтересно... Просто я совершенно не умею разговаривать с женщинами. И всегда не знаю, о чем.

— Ты ошибаешься, — возразила девушка. — Все, что ты сказал, очень интересно.

— В самом деле? — засомневался Андрей, недоверчиво заглядывая в красивое личико студентки. Но серые глаза были внима-

тельны, уголки губ не таили усмешки; поколебавшись, он допустил, что красавица, пожалуй, не врет.

— Ты оригинально рассуждаешь, — подлила она масла в огонь его тщеславия. — Но с такими рассуждениями, наверно, трудно жить...

Андрей благодарно улыбнулся: милая девушка сама требовала продолжения. А ведь риторика — это единственное, чем он мог в полной мере ослепительно блеснуть. Все поэтические струны в его душе напряглись, готовясь издать самый гармоничный аккорд, на который только были способны.

— У всех свой крест, — наконец изрек он. — У одних тяжелый, у других полегче, у третьих и вовсе маленький, нательный. И каждый сам несет свой крест на свою Голгофу. Одни еле тащут, упираются, обливаясь потом; другие падают, не дойдя, сломавшись; третьи просто бросают на полпути. А четвертые идут легко и посвистывают, не думая ни о чем, — беспечное большинство с нательным и маленьким. Но только те, кому тяжело, достойны царствия небесного!

— Ты веришь в рай?

— Я хочу в него верить. Все равно должно воздаться каждому — пусть не в следующей жизни, так в последующей — когда угодно, но всякий должен получить и награду, и возмездие. А иначе непонятно, как в этом волчьем мире все-таки существует Добро. Ведь, по логике, добро само по себе существовать не должно. Оно нелогично — ибо бескорыстно.

## 2

...Он был ей благодарен за то, что она терпеливо выслушивала его пространные речи, от которых прочих женщин пробивала навязчивая зевота. А когда Надя сама поддерживала беседу, теплая волна благодарного чувства захлестывала его с головой; тогда ему хотелось сделать для нее что-нибудь очень приятное, как-то очаровать ее, сказать красивый комплимент... Но все, что вертелось на языке, было нелепо, глупо, скучно. Андрей боялся показаться фальшивым или банальным. Едва собравшись похвалить ее, он вдруг смутился — и молчал, лишь глядел восхищенными глазами, изнывая от благодарности.

Когда они прощались, он предложил встретиться завтра и весь внутренне сжался, ожидая столь привычного: «Не могу... завтра я занята... в другой раз...» Однако девушка сразу согласилась — и он снова остался ей благодарен.

А на другой день, встретив Надю опять возле книжного магазина, он прежде всего увидел ее улыбку. Это была не вежливая улыбка, не жеманная и не самодовольная, даже не застенчивая. Улыбка была искренняя, и он понял, что милая девушка в самом деле рада встрече с ним! Внезапно охваченный незнакомым ощущением щемящей нежности, он молча любовался ею — и был совершенно счастлив. Она смутилась под его взглядом; нежные

щечки ее зарделись очаровательным румянцем, отчего ему невыносимо захотелось их поцеловать.

— Куда мы сегодня направимся? — максимально ровным голосом спросила Надя не поднимая глаз.

— Куда пожелаешь! — от всей души предложил Андрей. — Хочешь — пойдем ко мне? Куда еще в этом городе можно податься! И дождь, похоже, собирается... Или снег...

— А что мы там будем делать? — Девушка лукаво блеснула зрачками.

— Как — что? Спать вместе, разумеется! — с самым серьезным видом ответил Андрей. Но, увидев, как вытянулось Надино личико, не сдержался и захохотал. — Шучу. Честное слово, пошутил! Вообще, у меня родители дома.

— Чуть не напугал! — Надя ядовито скривила ротик. — А я уже хотела бежать в поликлинику!

— Зачем?

— Спираль вставлять. — Находчивая студентка досадливо дернула плечиком, и оба они долго смеялись, прикрывая друг от друга раскрасневшиеся лица. Потом он сказал:

— Надя, ты — чудо! Будь я Рокфеллером, пригласил бы тебя на Канары или Гавайи. А могу пригласить лишь в скромную, тесную квартирку. Хотя абсолютно ясно, что ты заслуживаешь большего.

— И чем же мы все-таки займемся на твоей квартирке? — явно стараясь в свою очередь смутить его, надела девушка.

— Ну, прежде всего, я попробую тебе понравиться.

— А если не получится?

— Значит, провожу тебя домой и попробую понравиться в следующий раз.

Она скептически поджала губки.

— М-да... Уговаривать женщин ты совсем не умеешь. Как же дальше жить собираешься?

Андрей не нашелся, что ответить, замялся и вправду смутился. Надя же, безмерно довольная, опять звонко смеялась, торжествуя победу.

...Своим появлением она произвела грандиозное впечатление на его родителей, в кои-то веки увидевших у себя дома молодую женщину. Мама тотчас настырно замаячила между кухней и комнатой Андрея, не зная, чем вкуснее попотчевать дорогую гостью. Надя тем временем бродила вдоль книжных полок, разглядывая корешки увесистых фолиантов и совершенно не обращая внимания на вечный беспорядок в его обиталище. И за это он тоже был ей признателен.

Покончив с организованным мамой чаепитием, Андрей принес из другой комнаты семейный альбом и нарочно сел на тахту вприкурку с девушкой. Через ткань одежды чувствуя ее бедро, он удивлялся, что оно кажется таким горячим — ведь, если верить термометрам, температура тела у мужчин и женщин должна быть прак-

тически одинаковой. Разложив альбом на своих и ее коленях, Андрей забросил левую руку за спину гостьи, опершись ладонью о тахту. Покуда Надя, выслушивая его необходимые комментарии, внимательно листала картонные страницы, он неотрывно смотрел на ее плотно сжатые колени, прислушиваясь к нарастающему внутри гулу пульса. Рука его вначале робко касалась спины девушки, потом, смелея, приложилась покрепче. Наконец, замирая от собственной дерзости, он обнял ее за талию. Надя не обнаружила никакой реакции и продолжала молча переворачивать листы с фотографиями, лишь аккуратное ушко ее сразу стало густо-розовым.

Андрей долго, подробно рассматривал это ушко, различая венчающий его кромку пушок из микроскопических волосков, и тонкую шейку, под прозрачной кожей которой едва уловимо билась синяя жилка. Потом, судорожно сглотнув, глухо произнес:

— Надя... можно, я тебя поцелую?..

— Можно, — спокойно отозвалась девушка, повернув к нему строгое лицо.

И Андрей поцеловал ее, жадно и продолжительно, как-то вразлишившись страха и застенчивости. Надя не отвечала на поцелуй, лишь откинула голову и позволила его губам раскрыть свои. Она пока еще не была влюблена в него. Она лишь позволяла ему влюбляться в себя.

### 3

...Ах, какие ножки у этой девчонки! От одного взгляда на них сладко перехватывает дыхание и смертельно хочется только одного: стянуть с них эти чертовы колготки и ласкать и целовать это чудо, целовать и ласкать!.. Они стройные, но ничуть не худые — когда Надя садится, даже коленки не торчат острой костяшкой, как у многих, а бедро переходит в голень плавно, совсем незаметно... Когда девушка, заметив его в условленном месте, ускоряет шаг, спеша к нему, эти ножки легко мелькают одна за другой, и от такого зрелища у Андрея начинает слегка кружиться голова, как у мальчишки, подглядывающего в женскую раздевалку. А когда они вдвоем медленно идут по улице, Андрей нарочно неприметно приотстает на полшага и вожаделенно наблюдает, как грациозно покачивается на ходу округлая попка, туго обтянутая провокационно-короткой юбочкой... Но лучше всего смотреть на Надю сзади, когда в его подъезде опять не работает лифт, и Андрей, как водится, пропускает даму вперед. Тогда, идя следом, он видит и попку, и чудо-ножки, открывающиеся снизу чуть-чуть побольше. Андрей наслаждается этим произведением искусства волшебницы-природы, как Пигмалион своей статуей, изнывая от желания и безмерно страдая от того, что живет не в небоскребе под самой крышей...

Когда же они оказываются в его комнате, и девушка, опустившись на тахту, позволяет обнять себя, его взору предстает ее грудь: две обольстительные упругие полусферы, лишь слегка трепещущие при движениях, с чуть сплюснутыми тканью одежды твердыми точками сосков посередине каждой... Сверху, конечно, хорошо видно их нежное, молочно-белое начало; но почему, максимально обнажая свои ножки, Надя так беспечно забывает поступить подобным же образом в отношении груди? Разве ей не пошло бы более открытое декольте!..

Она так страстно целуется, словно от этого зависит ее жизнь! Красивое личико тотчас воспламеняется, глазки, закатившись, смежаются веками, а немного соленый язычок то и дело шаловливо проникает в его рот. И Андрей впитывает ее помаду и ее дыхание, замирая от счастья и постоянно пугаясь, что все происходящее — только сон и он в любой момент может проснуться... Ах, как приятно обжигает его ладони дразнящее тепло ее тела, как мягко и податливо оно в его руках!.. Но отчего Надя так настороженно напрягается, когда пальцы его осторожно опускаются на нежные бугорки ее груди? Отчего она так испуганно стискивает колени, стоит ладони Андрея лечь на ее круглое бедро? Неужели его ласки ей неприятны, а его бурное восхищение пугает ее?..

...Надя стала появляться у него дома почти каждый день, когда Андрей не был на вахте. Ежедневно они часами сидели, обнявшись, на тахте в его комнате и то разговаривали обо всем, что взбредет в голову, то долго, с упоением, целовались, так что всякий раз, прощаясь с ней в ее подъезде, Андрей с благодарным состраданием смотрел на распухшие губки подружки. На следующий день он поначалу старался целовать ее осторожнее, но скоро снова увлекался и всасывал губки девушки, словно медовые соты... Правду сказать, Надя сама его провоцировала, проявляя в действии поцелуя необычайно жгучую, заражающую чувственность. Она безропотно позволяла ему ласкать через одежду свои груди, нежно сжимать тугие ягодицы, гладить колени и бедра. Но едва его пальцы незаметно, ужиком, заползали под юбочку, девушка, не прерывая затяжного поцелуя и не открывая глаз, резко и сильно хватала его кисть тонкими пальчиками с больно жалящими коготками, безапелляционно отодвигая ее ближе к колену. Несмотря на самозабвенное увлечение устами молодого человека, она была все время начеку и подобные поползновения пресекала немедленно и решительно.

Такая бдительность подружки весьма удручала Андрея. Всякий раз, чтобы несколько остыть после подобной неудачи, он тяжело поднимался с тахты, шел к форточке, открывал ее и курил, отвернувшись к окну, глотал никотин глубокими затяжками, подавляя в себе досаду и напрасное возбуждение. Потом снова садился рядом с Надей, но уже на некотором расстоянии. Надя заводила речь о чем-то отвлеченном, слегка шепелявя отцелованными губками, а Андрей,

жадно глядя на нее, с тоской думал: «Как, однако, ужасно в моем возрасте жить вместе с родителями! Ну ничего нельзя!.. Надя именно поэтому стесняется — боится, что в любой миг кто-то может заглянуть в комнату... Но ведь я ее в постель не приглашаю! Так какого же черта!..» В конце концов он быстрым движением подсаживался к Наде поближе, новый долгий поцелуй прерывал девушку на полуслове, затем вся история повторялась заново по прежнему сценарию.

...Однако, как говорится, дорогу осилит идущий. Андрей отчетливо сознавал, что самые важные крепости берутся не штурмом, а длительной, назойливой осадой. Раз за разом Надины поцелуи становились все более самозабвенными, тело ее постепенно перестало напрягаться, ощущая его ласки; напротив, оно как-то слабело и обмякало в объятиях, так что ему приходилось ее поддерживать. Даже глаза девушки в перерывах между поцелуями уже не искрились азартными огоньками, а смотрели на него внимательно, призывно, подергиваясь томной поволокой. Теперь, когда он повторял свои подковы под ее короткий подол, она больше не отстраняла его руку, лишь клала поверх ткани свою и крепко прижимала к бедрам, чтобы он не мог проникнуть далее. Андрей опять надувался и уходил к форточке курить, а когда возвращался на тахту, встречал ее задумчивый взгляд, немигающе устремленный на него. Он молча терпел этот взгляд и каждый раз ждал, когда девушка заговорит первой.

— ...Послушай, Андрей, — как-то сказала Надя, слегка усмехнувшись уголками губ. — Тебе двадцать шесть лет. Почему ты до сих пор не женат?

— Дурное дело не хитрое, — попытался отшутиться он. — Жениться и умереть никогда не поздно.

— Ты сравниваешь женитьбу со смертью?

— И то, и другое — окончание жизни, — пожал плечами Андрей. — Только одна смерть — физическая, другая — духовная.

— Почему это женитьба — духовная смерть?

— Духовно человек жив, пока он свободен. Я понимаю, понимаете, что, живя в обществе, абсолютной свободой обладать невозможно. Но желательно иметь хотя бы относительную.

— И что же, ты никогда не женишься?

— Когда-нибудь, ближе к пенсии! — Андрей было засмеялся, но, смутившись ее строгого взгляда, осекся. В столь пристрастном допросе он уловил неясный намек и, почуввав угрозу перспективе их отношений, понял, что отвечать придется серьезно. — Понимаешь, Надя... — Возведя очи к потолку, Андрей тщательно подбирая слова. — Людям свойственно все и всех подгонять под свой стандарт. Вот, к примеру, у нас на работе: организуется по какому-либо поводу грандиозная попойка — и все до единого наливаются в стельку. А у меня очень редко бывает настроение нализаться. Тем не менее пьяные коллеги часами достают меня,

протягивая со всех сторон полные стопки, и искренне недоумевают: как это — человек не хочет нажраться, когда у него есть такая возможность?! И никак им ничего не объяснишь — отказываются понимать, и все тут!..

— Это ты к чему?

— Да все к тому же. Ведь люди абсолютно все разные; каждый создан для чего-то своего, а для чего-то не создан вовсе. И то, что для одного является необходимостью, для другого совсем необязательно. — Он виновато покосился на опустившую глаза девушку и сказал насколько мог проникновеннее: — Я не создан для брака, Надя. Мне свойственна постоянная потребность в одиночестве. Я не могу представить, что перед моими глазами будет все время маячить жена, и не просто маячить, а требовать к себе постоянного внимания... А дети — это же вообще дикий ужас! От них вовсе никуда не скроешься, они и во сне достанут... Мне же необходимо иметь возможность, когда захочется, остаться одному, закрыться в своей комнате и никого не видеть. С родителями это еще как-то возможно, а с женой... сама понимаешь. Что делать! Я по натуре отшельник... Я так радуюсь, что ты сейчас сидишь рядом со мной, я просто счастлив, что хоть немного тебе нравлюсь, что такая безумно красивая девушка позволяет мне обнимать и ласкать себя... — (Довольно зарумянившись, Надя едва заметно усмехнулась краями губ.) — ...Но, прости меня, я не хотел бы постоянно жить даже с тобой. Я с великим удовольствием прожил бы с тобою неделю, месяц, может быть, год, но потом неизбежно стал бы тяготиться твоим обязательным обществом. И одиночество, и общение хороши, пока они не навязчивы, пока из одного наскучившего состояния можно легко перейти в другое. Одним словом, все прекрасно в меру...

Андрей вдруг испугался своей откровенности. Однако отступить было поздно, и он обреченно развел руками:

— Вот, Надя, я все сказал как на духу. Лукавить перед тобой мне не хочется, несмотря на то, что врать женщине вошло уже как бы в необходимый ритуал человеческих взаимоотношений. Мужчины слишком легко произносят высокие слова, еще легче раздают заведомо несбыточные обещания. А женщины, прекрасно сознавая легковесность этих слов, сами себя понуждают верить им, потому что так, видите ли, сейчас принято. Я же не хочу, чтобы кто-то когда-либо упрекнул меня во лжи ради собственной выгоды. Особенно ты... Но еще более я не хочу, чтобы после всего сказанного ты от меня ушла.

Подперев кулачком подбородок, девушка по обыкновению внимательно смотрела на него. Наконец резюмировала:

— Ты точно никогда не женишься. Даже к пенсии.

— Кто его знает! Наверно, когда-нибудь и это случится. Детей все-таки надо иметь... Должен же я выполнить хотя бы свое биологическое предназначение, раз уж другое неясно.

— Их можно иметь и без брака.

— Нет. Дети должны жить с родителями, — сурово нахмурился Андрей. — И вообще, когда человек производит на свет детей, он таким образом отрекается от жизни для себя, начав жить ответственностью за них. И так должно быть.

Серые глаза девушки, устремленные на него, лучились задумчивой, тихой грустью. Андрей какое-то время молча смотрел в эти глаза, пока не почувствовал, как волна виноватой нежности легким ознобом пробежала по коже. Нужно было срочно сказать этой умной красавице что-то очень хорошее, чтобы хоть как-то компенсировать все сказанное прежде.

— Надя, — проникновенно произнес он, коснувшись ладонью ее мягких волос. — Ты знаешь... если у меня когда-нибудь будет жена, то я хотел бы, чтобы она была похожа на тебя. И чем больше, тем лучше.

Выпрямив спину, Надя улыбнулась, слегка запрокинула голову и опустила ресницы. Повинуясь неному призыву, Андрей обнял гибкую талию и стал легкими поцелуями покрывать ее лоб, веки, щеки, наконец достиг обжигающих, влажных губ. Ему показалось, что дыхание девушки было горячее, чем обычно; а когда она обеими руками обвила его шею и откинулась на тахту, увлекая за собою, в ушах его звучно застучал упругий тамтам. Он жадно втягивал в себя сладкие губы, левой рукою все сильнее прижимая ее голову; правая тем временем ласкала грудь с затвердевшими сосками, судорожно подрагивающий под тонкой тканью живот и такие соблазнительные, такие округлые манящие бедра с мягкой гладкой кожей, обтянутой скрипящей лайкрой... Он чувствовал, как под его прикосновениями еще более разогревается Надино тело, слышал, как возбужденно срывается ее дыхание. Кисть его, скорее безотчетно, нежели сознательно, скользя по чудесным ножкам, перемещалась все выше, покуда пальцы не легли на заветный край коротенького подола... Андрей замер, ожидая привычного противодействия. Но руки девушки по-прежнему притягивали его к себе, гладили шею, запутывались в волосах на затылке. Тогда, цепenea от восторга, он осторожно проник дальше, и ладонью ощутил плотный шелк трусиков, прикрывающий столь загадочную, вождеденную плоть...

*...Наверно, кощунственно сейчас вспоминать именно это. Если верить всем книгам и фильмам, он должен был бы видеть перед собою не какие-то эротические картинки, а чарующую улыбку, бездонные глаза любимой девушки, слышать Ее звенящий голос, самозабвенно вещающий о высоких порывах души... При чем тут трепещущая грудь, безжалостно стиснутые колени, к чему в голову лезет эта плоть под шелком трусиков? Да полно, уж не извращенец ли он, если навсегда потерянное*

счастье ассоциируется для него с такими вульгарными пошлостями?! И, лишившись Ее, не сожалеет ли он прежде всего о самых интимных частях Ее тела?..

Нет. Просто он любил Ее всю. Не только глаза, улыбку, звук шагов и шелест платья. Он любил и Ее ножки, и Ее попку, и груди, и соски на каждой из грудей. Он трепетал от Ее прикосновений, наслаждался мелодией Ее голоса, запахом Ее духов, Ее дыхания и Ее лона. Он сходил с ума от всех углублений и выпуклостей Ее тела, которые Она дарила ему в своей невероятной щедрости. Он любил все, чем Она любила его...

Плохо ли это? Мерзко? Грязно? Может быть, он просто похотливый кобель, принадлежащий к самой низменной породе живущих?!. Ах, лицемерные святоши, фанатичные поборники безукоризненной нравственности, да вспомните историю: все великие, самые прекрасные, самые благородные люди не были ли, выражаясь вашим языком, распутниками и бабниками? Все — правители, герои, ученые, поэты? Ведь были, причем не считали сие за грех. Потому что бесполох героев и поэтов не бывает. Беспольными могут быть лишь монахи да евнухи. А для личности возвышенной необходимы страсти — все, какие только присущи смертным. Лишенный же страстей не способен к высоким устремлениям.

Как великолепы в своей естественности были древние, признававшие Эроса олицетворением Любви! И как лукав был Платон, придумавший свою «платоническую любовь»! Ведь родство душ — не Любовь, а лишь одна из ее составляющих. До чего же жалки отвратительные ханжи, обливающие презрительной ненавистью то, из чего изначально возникает прекрасное чувство Любви — великое первозданное влечение Мужчины и Женщины друг к другу, стремление двух начал к слиянию, образующему Гармонию!

Ведь именно это влечение лежит в основе всего человеческого искусства — вершины развития духа. Во все времена именно обнаженное женское тело являло собою идеал, воплощающий понятия художника о прекрасном и возвышенном. Влечение к соблазнительным формам было влечением к творчеству, к Высокому, к Богу, наконец! Не будь этого влечения — не было бы ни вдохновения, ни искусства, а без искусства не было бы самой цивилизации! Стало быть, и Человек как таковой не мог бы появиться на Земле.

Без этого влечения не существовало бы понятий нравственности, справедливости и доброты. Ведь все живущее на этой планете подчиняется лишь закону необходимости, а закон этот предусматривает одну жестокость: жестокость, чтобы добыть пищу и насытиться; жестокость, чтобы нападать и защищаться; жестокость, чтобы победить и просто выжить. Человек тоже был изначально подчинен этому закону — и откуда же было взяться добру и состраданию? Откуда было взяться отрицанию приори-

тета силы и утверждению приоритета человеческих отношений, как не из того же животворящего влечения — самца к самке, Мужчины к Женщине? Потому что сама природа требует нежности в момент совокупления; чтобы произвести потомство, необходимо стать добрым, хотя бы на время. Вступая в половую связь, даже самый грубый дикарь, самый кровожадный канибал, просто вынужден быть и нежным, и ласковым. И по сей день самый отвратительный мерзавец, обладая женщиной, неизбежно становится чуточку лучше и чище...

...Впрочем, ты что-то увлекся, Андрей. Увлекся и врешь. Кажд ы й ли? Действительно ли в сем в такой момент необходимо быть нежными и ласковыми?..

...Господи, как же ты допустил, чтобы акт Любви мог совершаться без любви? Почему действие, призванное даровать счастье или, по крайней мере, удовольствие, может совершаться даже вопреки желанию?!

Что там кто-то пытается разглагольствовать про совершенство Человека, когда сама Природа несовершенна!..

## Воспоминания светлой юности

..Более Надя не препятствовала его рукам проникать под ее юбку. Однако при том стискивала колени с такой силой, что Андрею казалось вполне уместным применение домкрата. Как маленький ребенок, которого растравили рекламой «Сникерса», он уже не хотел довольствоваться прикосновениями к шелку и всеми правдами и неправдами пытался добраться до внутренней стороны очаровательных бедер, чтобы затем, опираясь на данный плацдарм, успешно развивать дальнейшее наступление. Он то надеялся усыпить бдительность противника, то использовал эффект неожиданности, не говоря уж о многочисленных попытках по-доброму договориться о капитуляции. Но все его поползновения кончались плачевно; стройные ножки девушки были подобны стальной пружине и, несмотря на то, что при ласках лицо Нади краснело, а кожа покрывалась гусиными пупырышками от удовольствия и возбуждения, никак не желали разомкнуться.

Андрей штурмовал неприступную цитадель несколько дней и однажды потерял терпение.

— Зачем ты так сжимаешь ноги? — напрямую спросил он, тщетно пытаясь подавить раздражение. — Тебе неприятны мои прикосновения?

— Приятны, — томно прошептала Надя, привлекая его к себе за затылок. Он, однако, боднул головой, увернувшись от коралловых губок, и продолжал углублять тему:

— Чего же ты боишься? В постель я тебя не потащу, честное слово!

— Я знаю, — улынулась она, заглядывая в его глаза темными зрачками. — Ты очень сильно возбужден...

— Ну и что? — не понял Андрей. — К чему ты это сказала? Я, по-твоему, не в состоянии себя контролировать?

— Думаю, в состоянии, — тем же горячим шепотом ответила девушка. — А тебе приятно, когда ты так возбужден?

— Куда там приятно! — проворчал он. — Кажется, яйца сейчас лопнут...

— Вот видишь! — Надя засмеялась, кокетливо откинув голову, чтобы открыть его взгляду нежную шейку. — Если ты сейчас залезешь мне в трусы, я тоже могу слишком сильно возбудиться. Я ведь не железная.

— Ну и возбуждайся себе! — не совсем приветливо пробурчал Андрей, чувствуя, как напряжение внизу живота знакомо начинает переходить в гнетущую боль. — Могла бы из солидарности пострадать со мной на пару...

— Зачем? Ты же сам знаешь, что все равно ничего нельзя.

В самом деле, ничего было нельзя. В любой момент могла появиться мама с предложением покушать или попить чаю, да и всякий неприглушенный звук свободно вырывался за пределы комнаты и гулял по квартире, проникая в каждый уголок в почти первозданном виде. Такова была горькая судьба Андрея в течение всей разумной жизни, и различимая перспектива не сулила каких-либо перемен в данном отношении.

«Господи, когда же родители уедут?!»

До отъезда родителей в традиционный ежегодный отпуск было по меньшей мере полгода. Мысль об этом вызвала в нем острое сожаление о безвозвратно уходящей молодости. Уныло вздохнув, он отодвинулся от Нади и, уперев в лоб кулак, замер в позе роденовского «Мыслителя».

Девушка, лаская Андрея соболезнующей улыбкой, протянула руку и тонкими пальчиками начала поправлять ему спутанные на затылке волосы.

— А потому, — резюмировала она, — не стоит попусту заводить и себя, и меня... Лучше расскажи что-нибудь.

— Что?

— Ну, например, сколько у тебя было женщин.

— Мало. — Андрей вздохнул. — Позорно мало. Если считать по пальцам, все уместятся на одной руке.

— А последний раз — давно?

Он смутился, несколько секунд неуверенно молчал, косясь на ее лицо с иезуитски-лукавой улыбкой; потом решил не врать.

— Перед нашей с тобой первой встречей. Я ехал от нее.

— Вот как... — не меняя выражения, протянула Надя. — А после вы с ней виделись?

— Нет. Она замужем. Все получилось совершенно случайно.

— А ты, однако, потаскун! — пропела девушка. Закончив поправлять волосы Андрея, она стала легкими пальчиками ласкать его ухо; прикосновения ее были коварно-будоражающими.

— А у тебя, — уходя от опасного поворота беседы, поспешил спросить Андрей, — много было мужчин?

— Один, — тем же певучим голосом ответила она. — Причем всего один раз.

— Почему? Тоже случайно?

— Нет, совсем не случайно. Это было логическое завершение школьного романа, а тянулся роман почти полтора года.

— Одноклассник?

— Нет. Он был на год старше меня. Все происходило более чем классически. Мне он давно нравился. Такой видный парень с русыми волосами и плечами атлета! После он говорил, что тоже давно обратил на меня внимание... Перед Новым годом в нашей школе была дискотека. Он пригласил меня на медленный танец. А так как, подобно прочим, был слегка «под газом», то героически объяснился в своих чувствах в процессе кружения под елкой, увешанной гирляндами.

Андрей засмеялся: ему чертовски нравилось, как Надя ведет рассказ, не меняя плавного тона и красиво составляя фразы. Выражаясь языком маклеров, ее акции росли на его бирже стремительно и непрерывно.

— А потом?

— Потом он стал приходить ко мне домой, я приходила к нему. Все было чудно и романтично. Наши родители в конце концов привыкли к мысли о том, что мы неизбежно вступим в законный брак и обеспечим их счастливую старость общими внуками.

— Что же воспрепятствовало закономерному «хепши-энду»?

— Он ведь был мужчиной...

— Что значит «был»? — усмехнулся Андрей.

— Он был мужчиной, — повторила Надя, и Андрей заметил, как улыбка стерлась с ее лица. — А мужчинам по достижении восемнадцати лет надлежит исполнять воинский долг перед Родиной. Поэтому спустя год после окончания школы мой нежный возлюбленный был призван в ряды Советской Армии — тогда еще Советской. А поскольку парень он был рослый и крепкий, то попал в воздушно-десантные войска, чем я весьма гордилась... Вот на его проводах все и случилось. Целый день родственники, друзья и подруги бурно прощались с ним у него дома, осыпая добрыми пожеланиями, делясь опытом, давая различные наставления, как вести себя в армейской обстановке, чтобы не ударить в грязь лицом. Часа в два ночи одни разошлись, другие попадали по разным углам квартиры в абсолютно бесчувственном состоянии. Я же осталась. Мы закрылись в его маленькой комнатке, и мой принц благополучно лишил меня девственности. А наутро ушел служить...

Она замолчала, продолжая осторожно тереть его ухо. Но при этом кончики пальцев ее стали холодными.

— И что? — подозрительно спросил Андрей. — Как всегда бывает — ушел и разонравился?

— Отнюдь. Я честно плакала и писала ему нежные письма. Я готова была ждать его хоть двадцать лет... А он пришел через пять месяцев. И пришел совсем другой.

Почувствовав, что ее пальцы больше не прикасаются к нему, Андрей покосился на девушку. Надя сидела, положив подбородок на прижатые к груди колени, и не мигая смотрела в стену.

— Комиссовали? — осторожно спросил он.

— Угу.

— А что случилось?

— Он сказал, что у него трещина на позвоночнике и повреждены какие-то внутренние органы. Какие, не захотел уточнять. Впрочем, я и не настаивала.

— И как это получилось... с органами?

— Он сказал, что парашют не раскрылся.

— Парашют не раскрылся? — Андрей недоверчиво прищурился. — И так много раз подряд?!

— Он так сказал: не раскрылся парашют, теперь ты невеста инвалида. Но я все равно была счастлива, потому что он вернулся живым и потому что не придется ждать его еще полтора года. Он был по-прежнему красив; мне даже показалось, что плечи стали шире и весь облик как-то... мужественнее... Но только это был уже не он... Не тот, кого я провожала и ждала.

— То есть?

— У него были холодные глаза. Абсолютно холодные, ледяные. И в глазах появлялось временами что-то стальное, звериное... Я ему вешалась на шею, готова была на все... Он же сначала целовал меня, а потом отталкивал — и плакал. Плакал жутко, навзрыд. Когда я пыталась успокоить его, обнять — отстранялся и смотрел... Смотрел с такой лютой ненавистью, как смотрят на злейшего врага... И после сразу уходил. Потом долго не появлялся; я сама шла к нему, у него дома все повторялось. Только теперь он не уходил, а выгонял меня... просто вышвыривал. Его родители это видели, но они молчали и опускали глаза. Я ничего не понимала, думала, может, ему кто-то сказал про меня что-нибудь отвратительное... Но он никогда не был ревнив...

Она надолго замолчала, и Андрей не решался ее побеспокоить. В тишине явственно слышался голос московского диктора, передающего последние новости: в комнате родителей работал телевизор. Наконец Надя решила закончить свою повесть и, глубоко вздохнув, заговорила:

— Однажды он пришел ко мне в стельку пьяный. Я никогда его таким не видела, даже не представляла. А он сразу стал меня обни-

мать, просить прощения... Я пыталась узнать у него, что же все-таки с ним случилось, в чем я перед ним виновата, за что он меня ненавидит... Он ничего не отвечал, только рыдал и просил прощения. Я обняла его, стала целовать... А он вдруг заревел в голос, схватил меня за руки, хотел оторвать от себя. Но я ухватила за его шею и все старалась притянуть к себе его лицо. И вот тогда он обозвал меня... ну, ты знаешь, каким словом большее всего оскорбляют женщину... Он заорал это громко; наверно, на улице было слышно. А потом размахнулся и ударил меня. Кулаком. У меня искры из глаз полетели... Он же повернулся и убежал. У меня все лицо было в крови, нос разбит вдребезги — хорошо, хоть на сторону не повернулся... Еле отговорила родителей не идти в милицию — целый концерт с истерикой пришлось закатить по этому поводу. После выяснилось, что он на следующий день уехал из города... Навсегда.

— Попрощаться, стало быть, заглянул... — мрачно уронил Андрей, тщетно сиюсь представить, как можно по такому милому личику бить кулаком со всей мужской дури.

Надя обратила к нему строгое лицо с внимательными серыми глазами и тем же ровным голосом договорила:

— Потом я встретилась с самым близким его другом. Рассказала в двух словах... Он мне пояснил, по большому секрету, что никакой трещины на позвоночнике у моего Ромео не было. И внутренние органы также были в порядке.

— Почему же его комиссовали?

— Ему в родной казарме отбили... те самые, которые у тебя вот-вот лопнут... Отбили настолько, что их пришлось удалить...

У Андрея перехватило дыхание. Пальцы на руках и ногах заledenели. Совершенно произвольно он уточнил:

— Оба?..

Надя коротко кивнула и стала тереть ладонями побелевшие щеки.

Андрей тяжело поднялся. Встав возле открытой форточки, взял с подоконника пачку «Магны», закурил и долго глядел через стекло на копошащихся внизу прохожих. Сизый дым лениво струился на улицу, пепел, обрываясь, падал, рассыпался по подоконнику... В конце концов, в очередной раз ухватив губами фильтр, Андрей сморщился от отвратительного вкуса тлеющей бумаги. Сообразив, что покурить так и не вышло, достал другую сигарету. Глянув исподлобья, спросил:

— Тех, кто это сделал, судили?

— Его друг говорил, что он ничего так и не сказал следовательно. Не хотел «стучать».

— Идиот! — Андрей в сердцах сплюнул в пепельницу. — Те сейчас живут себе дома, трахают баб и со смехом рассказывают корешам, как отбили «бурому духу» гениталии, лишив его единственной радости в этой паршивой жизни. А он простил этих вы-

родков, списав им все вчистую, — агнец божий!.. Небось, еще и гордится своей стойкостью на допросах...

— Как я слышала, сначала в самом деле гордился. А ближе к отъезду постоянно сыпал проклятьями...

— Дошло, значит... А главное, вовремя! — зло ощерился Андрей. — Сколько живу — не перестаю удивляться человеческой тупости. Тупость людей настолько велика, что превосходит даже инстинкт самосохранения! Сколько подобного я сам насмотрелся, пока два года топтал монгольские степи! Сколько видел изувеченных, героически выгораживавших своих палачей! Их били, калечили, унижали их достоинство, доходя часто до мужеложства, — они же воспринимали это все как должное, только потому, что так было принято!.. А после сами становились палачами — и тоже считали, что так должно быть. По логике, тот, кто на себе испытал унижения и издевательства, должен преисполниться состраданием к тому, кто переносит то же самое... А вот хрен там! Очень скоро униженные превращались в унижающих — и так же били, издевались, выдумывали разные фокусы, чтобы как можно более изощренно раздавить человеческое достоинство, чтобы истребить его совсем... И ведь они не были прирожденными садистами, ведь я явственно видел в их глазах огонек сочувствия — но только поначалу. Ибо каждый из них считал своим долгом поскорее убить в себе Человека — чтобы стать Солдатом. Потому что солдат — это бездушная машина, способная исполнять любые, самые свирепые приказы, не задумываясь об их сути, — чтобы, не дай бог, не возникло опасных для военной машины колебаний в том месте, где у Человека должна находиться совесть. Именно этого и добивались господа офицеры, именно для этого они взращивали и пестовали «дедовщину» как могли. Ведь «дедовщина» — не стихийное, неуправляемое явление, как преподносил нам замполит, — нет, это государственная политика, позволяющая легко управлять подданными по древнему принципу: «Разделяй и властвуй!» В армейской среде такой принцип принимает наиболее уродливые формы и масштабы — там вообще все гиперболизируется до крайних пределов. Лицемерное понятие о «воинском товариществе» — самый циничный миф из всех, изобретенных за века государственной пропагандой! В волчьей стае не может быть товарищей — там каждый за себя. И только тот имеет право на существование, кто способен в нужный момент оскалить клыки...

— Я понимаю, что людей можно превратить в волков, — подала голос Надя. — Но как из них делают кроликов? Мне доводилось слышать об армии, о «дедовщине» от одноклассников, от студентов, их подруг. Мне всегда казалось преувеличением то, что они рассказывали. Если верить им, едва попав в воинскую часть, доселе гордый — подчас чрезмерно — парень тотчас становится бессловесным рабом, позволяющим делать с собою буквально все, без исклю-

чения... Но ведь так не может быть, чтобы человек вдруг полностью изменялся, стоит ему только попасть в иные условия!

— Бессловесный раб?.. Рабы иногда восставали, в отличие от наших военнослужащих... А что до мгновенного превращения — я и сам не вполне понимаю, как оно происходило. В самом деле, в прежней гражданской жизни эти парни не позволяли ни унижить себя, ни оскорбить, подчас не переносили косо брошенного взгляда. Многие не боялись драться в одиночку против целой толпы, потому что считали делом чести сопротивляться до последней возможности... Попав же в казарму, моментально становились шелковыми; из них, как из пластилина, можно было вылепить любую фигуру. Даже мысли о сопротивлении не возникало, несмотря на то, что подчас «молодых» в роте бывало намного больше, чем старослужащих. Такое впечатление, что при выдаче обмундирования в головы вместо живых мозгов искусственно внедряется некий электронный блок, как роботам, с однозначной установкой: так должно быть, так было всегда... Это даже нельзя назвать трусостью, это в самом деле твердое убеждение! В нашей роте один из моего призыва был комиссован с лопнувшей селезенкой — в восемнадцать лет уже не жилец в полном объеме данного понятия. Двоим другим частыми сильными пинками отбивали ноги, и те потом гноились по нескольку месяцев. Однако никто из них не назвал своих мучителей ни замполиту части, ни следователю, ни особисту. Держались, как Зоя Космодемьянская перед фашистами!.. Еще одного избили особенно жестоко, причем били головой о кафель в умывальнике. И у него с тех пор началось что-то вроде эпилепсии: он мог стоять рядом с тобой, спокойно разговаривать, а потом внезапно закатывал глаза и падал ничком. Приходя в себя, не помнил, что с ним случилось. Ему не повезло — он дослужил весь срок от звонка до звонка — и все два года доставал окружающих рассказами о своем непоколебимом героизме, с которым он молчал на допросах, никого из «дедов» не выдав. Восхищенные «деды», разумеется, после этого стали к нему относиться лояльно; он получил особые привилегии — вроде права стирать портянки только самым авторитетным старослужащим. А если его били, то уже не до потери пульса... Теперь-то, может, он и поумнел, прожив несколько лет на «гражданке», — наверняка его падучая уже не раз горько отрыгнулась...

— А ты... — осторожно спросила Надя. — Ты тоже терпел?

— Терпел... Я не из породы героев — не могу воевать один. Для борьбы мне необходима опора — пусть не физическая, хотя бы моральная. Если бы хоть на кого-то я мог рассчитывать... Я пытался поговорить по этому поводу с одним... который мне казался самым надежным. Но он сразу выщучил глаза и пропичал в безграничном ужасе: «Ты что! Нас же вообще в цинковый гроб уложат!» Тогда мне окончательно стало ясно, что я нахожусь уже

не среди людей, а в самом настоящем зверинце, где одни рычат, другие блеют. И в момент этого прозрения в моей душе возник такой ужас, какого я никогда больше не испытывал... Вот так и во мне поселился, как ты выразилась, кролик.

Он замолчал, отвернувшись к окну, но притихшая было девушка снова спросила:

— Что, совсем никто не пробовал сопротивляться?

— Были отдельные случаи, — дернул плечом Андрей. — Иногда «молодые» стреляли «дедов», иногда резали штык-ножами, чаще сами вешались или пускались в бега. Но это были не формы протеста, а жесты отчаяния. Просто люди доходили до определенной точки, до некоей планки, когда перестаешь соображать и контролировать собственные действия. Мужеством это никак не назвать... Мужеством в армии считается жестокость. Чтобы иметь авторитет, надо никому не сочувствовать, надо бить «духов» особенно больно, издеваться над ними максимально изощренно, при том желательно проявлять побольше фантазии, и чем извращенней, тем лучше. Например, избив «молодого» до беспомощности, можно заставить его с горячей искренностью поблагодарить себя «за науку». Или потребовать, чтобы он разделся догола посреди казармы и изобразил наглядно, как он занимался любовью с девушкой, приславшей ему письмо...

Андрей обернулся, желая видеть, какое впечатление произвели на Надю его откровения. Девушка сидела неподвижно, широко распахнув серые глаза, немного напоминая сову, ослепшую при дневном свете. На щеках ее розовыми пятнами лежал неестественный румянец.

— И многие так... развлекались? — проговорила она, болезненно скривив губы.

— Да почти все. Те самые милые ребята, которые сейчас живут рядом с нами, работают, учатся в институтах, говорят дамам комплименты, нежно любят своих жен и детей, — почти все они, оказавшись в данном зоопарке, очень скоро становились зверями. Я говорил, что это вряд ли большинству доставляло удовольствие. Просто там приходилось притворяться, играть в зверей. Чтобы выжить в армии, как и на зоне, нужно быть как все, иначе не уживешься со стаей и будешь до дембеля «белой вороной»... Я вот ни одного «молодого» за всю службу пальцем не тронул, и меня за это от души презирала вся рота, включая собственный призыв. У меня постоянно воровали ремень, портянки, срезали пуговицы с кителя. Полтора года я держался, как апостол. Но потом на утренних осмотрах, когда на мне не доставало ремня или пуговицы, старшина начал публично обливать меня таким презрением, что терпеть дальше стало абсолютно невозможно. По всему полку уже пошли легенды о «чмырном деде». В один прекрасный момент я плюнул на предрассудки и тайком срезал все пугови-

цы с шинели одного ублюдка, так как непосредственно перед тем их в очередной раз срезали с моей. И впредь поступал подобным же образом. Надо честно признать, жизнь моя в результате заметно облегчилась. Стая начала в какой-то мере меня признавать. Впрочем, общепринятой долей жестокости я так и не обзавелся, поэтому офицеры до последнего дня считали меня ущербным. Хотя ведь это они — ущербные, — причем для них самих это вовсе не секрет. Они на всю жизнь сами себя обрекли на повседневное подхалимство и холуйскую зависимость от начальников. Очень часто им собственных жен приходится подкладывать в постель вышестоящего, лишь бы заслужить его благорасположение. Они ведь даже мужчинами себя считать не могут с полным правом!.. И сознавая свою неполноценность, господа офицеры из солдат стараются вывести такое жуткое дерьмо, чтобы за счет этого самим хоть как-то возвыситься в собственных глазах! Они даже не волков стремятся сделать из людей, а цепных кобелей, готовых порвать кого угодно по свистку хозяина... Однажды двое «молодых» из танковой роты совершили побег. Ясно, что не от хорошей жизни... Мне-то еще крупно повезло: я попал в роту связи, она в основном состояла из славян. А вот танкисты и пехота на три четверти набирались из диких «чурок» — братьев наших среднеазиатских и кавказских. Что там творилось, я даже вообразить не могу! Русский, попавший в такую хищную свору, обречен был пройти все семь кругов ада: он там являлся и рабочей скотиной, и мальчиком для битья, а иногда ишаком для... ты понимаешь, для чего... И вот двое бежали — русский и украинец. Тотчас подняли на уши полдивизии — в погоню за дезертирами. И пошла охота! Почти двое суток мы прочесывали степь. Отдыхать практически не приходилось; есть не давали, как легавым, чтобы злее были... Как офицеры науськивали нас на тех несчастных! «Это из-за них вы не спите по нескольку суток! Из-за этих чмырей, забывших присягу, отматываете километр за километром по пересеченной местности на своих двоих! Они вас подставили, чтобы вы захлебнулись собственным потом!..» Много ли надо, чтобы разбудить в человеке зверя!.. Наконец наша рота вышла на беглецов. Мы окружили их, голодных и испуганных до смерти. Потом, с молчаливого одобрения ротного и двух взводных, их били все по очереди. Когда уставали одни, подходили другие — и били без перерыва с полчаса, не меньше. А три золотопогонника стояли поодаль, курили и травили анекдоты... Вот когда я впервые плотоядно возненавидел весь род людской! Одно желание было у меня: передрнуть затвор и порезать всю эту мразь до последнего подонка... Настолько сильное было искушение, что пришлось отойти далеко в сторону. Так и просидел там на кочке все время экзекуции... С тех пор офицеры именовали меня то «чмырём», то «уродом», но в глубине-то души прекрасно сознавали, кто есть кто, — это их и бесило. Потому что очень неприятно ежедневно иметь перед глаза-

ми того, кто так и не опустился до твоего уровня, так и не испачкался наравне с тобой!.. А тех двоих после трое суток терзали на полковой «губе», пока не отправили в трибунал...

Оттолкнувшись от подоконника, Андрей вернулся и опустился на тахту. С минуту оба молчали. Надя крутила пальцем локон, он сосредоточенно глядел на свою покачивающуюся ступню. Потом хмыкнул:

— Странно: почему-то отчетливее всего помнится именно второй год службы — и так у всех. Хотя впечатлений явно больше на первом. Видимо, память настолько старательно пытается стереть ненужные воспоминания, что в конце концов это у нее получается.

— Как ты думаешь, — спросила Надя, — все это и сейчас так или что-то изменилось?

Он пожал плечами.

— Сейчас — не знаю. Принципы армейских взаимоотношений наверняка остались прежними; правда, «восточных братьев» не стало. Впрочем, и в нашей семье уродов более чем достаточно. Того, будущего эпилептика, били трое. Среди них один был русский, и с тех пор я возненавидел его больше всех. Потому что для «чурок», наверно, естественно быть кровожадными, но он-то был славянин!.. А иногда он бывал таким хорошим, душевным, добрым, как ободрившийся хищник... Когда он увольнялся, я провожал его до места сбора «дембелей» — обычай такой, нечто, символизирующее преемственность поколений. Старшина отправил донести старшему товарищу чемоданчик и пожелать счастливого пути. Всю дорогу я прикидывал, как сейчас скажу в глаза все, что о нем думаю, наугаю тем, что «застучу», как он искалечил моего одноклассника, испортил настроение на целую дорогу, чтобы он не улыбался так счастливо... А потом пожал ему руку, и сам тепло улыбнулся, и пожелал счастливого пути, и от него напутствие достойно слушать выслушал с признательностью. Ибо не все еще «дембеля» на тот день были уволены, отправку могли отложить в последний момент, как иногда случалось, а тогда мне этот жест дорого бы обошелся. Я же поставил себе целью вернуться домой живым и здоровым; один еще день побыть на воле — один день! — а там хоть на тот свет... Ведь не война же! А погибнуть здесь, в вонючей казарме, под сапогами мерзавцев — не очень привлекательная участь. Этой установкой я два года оправдывал свою низость, свою трусость, свою подлость... И я вернулся. Может быть, не такой надломленный, как твой друг. Но это лишь потому, что мои яйца на месте... Вот так. А говорят, будто миром правит Любовь. Нет, господа оптимисты, миром правят Ненависть, Страх и Жестокость. Именно эти гадкие качества определяют и поведение общества, и поступки отдельной личности. Если не согласны, попробуйте доказать обратное!

— А ты не утрируешь? Может, жестокость свойственна лишь немногим? По крайней мере, далеко не всем?..

— Когда характеризуют многочисленную группу людей, о ней судят по большинству, — угрюмо возразил Андрей. — Кроме того, равнодушные к чужим страданиям — та же жестокость, даже, пожалуй, более гнусная... Знаешь, я тут с полгода тому назад пытался «подбить клинья» к одной довольно милой девушке. Она была такая симпатичная, веселая, и я ей, кажется, нравился. И все шло к обоюдному удовольствию, пока однажды она не поведала мне, как ездила навестить брата в одну из воинских частей — тот дослуживал второй год. Дежурный по полку отправил ее с солдатом с КПП, чтобы тот проводил леди до нужной казармы. Так вот, заходит она в казарму, а там, ввиду отсутствия офицеров по случаю выходного дня, старослужащие как раз устроили представление в своем вкусе. Несколько «молодых», без штанов, но в сапогах, ползают на четвереньках по кругу, а ее братец стоит в центре этого круга и время от времени хлещет по голым задницам медной бляхой. По ее словам, столь экзотическое зрелище доставило ей неописуемое удовольствие, да и вспоминая, она смеялась взахлеб... Я спросил: «Тебе это понравилось?» Не знаю, какое у меня при том было выражение лица, но она вышучила глаза и умолкла. Я же еще спросил: «Вот если тебя раздеть и поставить раком, кто-нибудь станет лупить тебя по заднице, а рядом будет находиться заливающийся смехом мужчина — как ты к этому отнесешься?» Она ничего не ответила: ей, видимо, подобное в голову не приходило. Но роман наш тогда и закончился, так и не начавшись.

— Тебе надо поговорить с моим отцом, — сказала Надя, глядя сбоку в его пунцовое ухо. — Он тоже все беды мира воспринимает как личные. Вы с ним, пожалуй, нашли бы общий язык.

— Кто он?

— Сейчас никто, просто пенсионер. В прошлом — горкомовский работник.

— Ух ты... — вполне равнодушно отреагировал Андрей. — Наверняка стойкий ленинец старой закваски?

— Ленинец. Но не из породы фанатиков. Напротив, очень грамотный человек, выше всего в людях ценящий ясность ума. Ты бы ему понравился.

«Ну вот, — подытожил его внутренний голос. — Когда ты доберешься до ее тела, сам черт не знает, а с родителями уже пора знакомиться!»

Меж тем Надя решила воспользоваться его растерянностью, чтобы соскочить с тяжелой темы. Она откинулась назад, опершись на локти, так что пирамидки ее груди дерзко уставились в потолок, и, дотянувшись пальцами до его затылка, участливо осведомилась:

— Что, возбуждение улеглось? Ничто больше не лопается и ночью ты будешь спать спокойно?

— Какое уж тут возбуждение! — кисло усмехнулся Андрей. — Тело воспряло за счет угнетения духа...

Снова повисло тягучее молчание. Андрей, сумрачно хмурясь, перебирал в памяти так некстати всплывшие серые картинки. Однако погрузиться в пучину воспоминаний полностью девушка не позволила. Нетерпеливо заерзав, она потребовала:

— Так ты собираешься еще меня целовать или мне уже пора домой?

Ну что он мог на это ответить? Конечно, собираюсь! И пусть потом мне будет хуже!..

*...О чем только он с Ней не говорил: и о политике, и об излюбленной своей истории, и о классической литературе, о правах, о морали, о религии!.. Словно горная речка, обреченно зажатая тесными ущельями, он нашел наконец свое удобное русло и изливался мутным, рычащим потоком, низвергая на Ее легкомысленную женскую головку могучий водопад слов и невосстребованных мыслей. И ведь слушала! Даже время от времени пыталась полемизировать, тем доказывая свой искренний интерес к его философским измышлениям. Он же в тысячный раз теплел и таял, переполняемый нежной благодарностью, и не знал, чем достойно воздать Ей за все. Потому что он за всё был Ей благодарен; и из этого прекрасного чувства стремительно, как на дрожжах, выросло и вспучивалось другое, здорово пугающее, вызывающее недоумение... Он тихо паниковал, торопливо прикрывая тяжелой крышкой кастрюльку своей души, прижимая эту крышку изо всех сил. Однако дрожжи были сильнее, и странное чувство, досадливо бухтя, пробивалось таки наружу, заставляя волей-неволей обращать на себя внимание. И старый язвительный собеседник, внутренний голос, притворно сочувственно искажаясь, ядовито спрашивал: «Что с тобой, друг мой? Уж не влюбился ли ты, грешным делом?» — «Да ну, глупости какие! — небрежно отмахивался Андрей, демонстративно игнорируя бурлящую на сильном огне кастрюльку. — Я не могу любить. Я слишком привык все анализировать, обо всем рассуждать критически, во всем отыскивать изъяны и недостатки. Я не склонен что-либо и кого-либо идеализировать. Любовь же требует идеализации...» Но внутренний голос не верил, а тон его с насмешливого круто менялся на отечески-покровительственный: «Не лицемерь, Андрей, не обманывай сам себя. Что произошло, то произошло — куда денешься! Правда, конечно, что любовь посещает лишь очень немногих, множество же прочих только разглагольствуют о ней или занимаются самовнушением в этом смысле. Но вот с тобой, как ни странно, такое случилось. И тебе чертовски повезло!»*

*В глубине души он сам понимал, что внутренний голос прав. И понимание это, неслышно перебирая крохотными лапками, мохнатой сороконожкой мало-помалу переползло из подсознания*

*в сознание и здесь угнездились окончательно. А иначе разве затащила бы его Надя к себе домой, чтобы познакомить со своими родителями? А ведь затащила. И Андрей, надо сказать, ничуть не упирался — потому что к тому моменту уже знал окончательно, что совсем скоро обречен навсегда расстаться со своей драгоценной независимостью...*

*Когда же это случилось, вспомнить вовсе не составляет проблемы. Потому что было 31 декабря, преддверие самого сказочного, самого волшебного праздника на свете... Когда Андрей с двумя бутылками шампанского и одной литровой «Смирнова» в руках позвонил в дверь Надиной квартиры, был поздний вечер — последний вечер уходящего года. Город, как всегда в такой вечер, притих, затаился, мирно собирая на столы специально припасенную снедь и вожделем поглядывая на стоящий на почетном месте в полной боевой готовности пенисто-пузырящийся напиток, со сладостным нетерпением ожидая, когда же, наконец, наступит Новогодняя ночь... Самая прекрасная ночь в его жизни...*

## Самая прекрасная ночь

### 1

Мать Нади, Мария Федоровна, оказалась приветливой статной женщиной пятидесяти лет с жизнерадостно лучащимися глазами и красноречивыми следами былой красоты. Она шумно суежилась вокруг смущенного Андрея, участливо расспрашивая о всяких незначительных личных мелочах, старалась усадить поудобнее и вообще всячески выражала свое удовлетворение и его визитом, и им самим. Наконец, избавив гостя от чрезмерно навязчивого внимания к его персоне, мать и дочь удалились на кухню доделывать праздничный пирог, оставив мужчин тет-а-тет выяснять отношения.

Именно «выяснять отношения», потому что Надин отец, как Андрей вполне и ожидал от бывшего парташаратчика, сразу, без проволочек, учинил над молодым человеком «проверку на вшивость». Денис Иванович был на десять лет старше жены, но его эмоциональная активность вполне соответствовала легендарному образу пламенного ленинца и исчерпывающе объясняла не по годам стойкое тело высокой бодростью духа.

Сначала бывший горкомовский работник очень осторожно закинул удочку, традиционно для тех дней вопросив гостя о его отношении к октябрьским событиям в Москве. Данный индикатор был проверен и безошибочен: с первых же фраз Андрея Денис Иванович понял, что видит перед собою политического противника, и, аки Демосфен на Филиппа, обрушил всю гневную горяч-

ность соскучившегося без публики трибуна и на Ельцина, и на демократов, и на все молодое поколение в целом. С плотоядной жестокостью перемыв косточки членам правительства, «новым русским» и продажным средствам массовой информации, он добрался до современной культуры и литературы, потом, наконец, и до эстрады. Облив изрядной дозой презрения всех, кто так или иначе воспевал пресловутое освобождение от тоталитаризма, Денис Иванович особо остановился на Талькове, ибо покойный бард в его глазах характернее прочих олицетворял собою нынешние антикоммунистические настроения.

— ...Вот ваш кумир! Вот тот пассионарий, что ведет за собою восторженное стадо не способных думать юнцов! Он готов ниспровергать все и вся без разбора, и именно этим привлекает миллионы оболтусов, не знающих, куда им деть избыток своей молодой энергии. Таким, как он, необходимо постоянно бунтовать. Против чего и кого — не столь важно: Тальковы бунтуют против любой власти!.. Его послушать, так красные прямо дикие звери, людоеды, губители России! Надо же! А колчаковцы, выходит, в белых перчатках воевали?! А эта его песенка... как ее?.. «Господа демократы минувшего века»! Ведь все в ней обрушил, всех лучших людей нашей истории унизил и обесчестил! Радищева, и того достал. По его рассуждению, Радищев должен был молчать, наблюдая страдания крепостных, его гражданский долг, видите ли, заключался в том, чтобы закрыть глаза на всякую несправедливость и терпеливо дожидаться, пока общество медленно, естественно эволюционирует! «Спешка нужна при охоте на блох», — так ведь у него... Даже заморским якобинцам на орехи досталось: они, по Талькову, «истребили цвет нации мечом Робеспьера». Это великосветские интриганы и проститутки — цвет нации?! Дармоеды, прожигавшие миллионы, менявшие чуть ли не ежедневно роскошные наряды, драгоценности и кареты, в то время как Франция голодала и умирающие младенцы валялись на улицах Парижа рядом с уже умершими матерями! Они — цвет нации?!

— Видите ли, — улучив минутку, раскрыл рот Андрей. — Если брать нашу гражданскую войну, то большевики ведь в самом деле, производя массовые расстрелы, карали вовсе не эксплуататоров. Российские толстосумы еще в семнадцатом году благополучно свалили за кордон, увезя с собою саквояжи с золотом. Воевали в белых армиях, как правило, те же неимущие, что и в Красной, — офицеры, интеллигенты, казаки да крестьяне. И оскорбленный патриотизм Талькова также можно понять: в своей пропаганде классовых идей коммунисты доходили подчас до отрицания самого понятия Отечества. А на что было похоже, когда вся русская армия под воздействием большевистской агитации попросту ушла из окопов, открыв фронт германцам? Немцы в восемнадцатом году дошли до Дона, не встречая сопротивления. Они бы и до Тихого океана так дотопали, не случись у них дома своей революции!

— Молодой человек, — скептически скривив губы, снисходительно покачал головой Денис Иванович. — Взявшись рассуждать о поступках людей, не судите однобоко. Если не хотите ошибиться, постарайтесь понять мотивы поступков, для чего просто поставьте себя на место тех людей. Когда несправедливость правит миром, гражданам становится наплевать на Отечество, так как для них оно отождествляется с недостойными правителями — с этими мерзавцами! — ибо именно мерзавцы правят Отечеством. Отсюда и разинщина, и пугачевщина, и якобинцы. У людей, доведенных несправедливостью до отчаяния, не остается патриотизма. У них есть одна безграничная ненависть, беспредельная ярость... Не осуждайте тех, кто рубил барам головы и жег их заживо — те того вполне заслуживали.

— Может, и заслуживали. Правда, вряд ли все. А что до Талькова... Я согласен — его эмоции часто перекрывали доводы рассудка; большинство песен написаны им явно в горячке. Но что тут поделаешь — переломная эпоха! Так всегда бывает, когда старое рушится, а новое, едва родившись, еще не успело встать на ноги и повзрослеть. Не один Тальков был захвачен восторженным хаосом Перестройки — десятки миллионов человек перестали здраво соображать, лишившись привычного идола, на которого можно было бы истово молиться. Мы, русские, народ особый в том смысле, что духовная сторона жизни для нас всегда значит больше материальной. Дух наш смутен и неспокоен, когда пусто в красном углу. И покуда новый идол не займет образовавшейся вакансии, и дух наш будет пребывать в беспокойстве, и ум в смятении.

Тут Андрей вспомнил, как три месяца назад доказывал примерно то же самое помощнику прокурора Капустину — поборнику Конституции и правового государства. «Интересно, в чем здесь не согласится со мной старый большевик?»

— А не проще ли вернуться к прежнему идолу, чем искать нового? — спросил Денис Иванович. — Когда мы найдем его — неясно, да и каков-то он еще окажется?!

— Нет уж! — Обреченно готовясь к неизбежной схватке, Андрей агрессивно набылся. — Возвращение коммунистов к власти означает тупик во всяком развитии.

— А правление демократов — путь в могилу!

— Пусть в могилу. Но даже погибать лучше в движении. Ждать смерти, будучи прикованным к постели, слишком тоскливо и безнадежно. Нынешнее же положение, кстати, вовсе не безнадежно. По крайней мере, есть перспектива.

— Какая перспектива?! — Денис Иванович заметно начал выходить из себя.

— Какая? Ну, например, сегодня в Кремле сидят плохие демократы, а завтра положение может измениться, и к власти придет кто получше. Если же вы вернетесь в Кремль — о всякой

возможности политического прогресса можно забыть надолго, если не навсегда.

— То есть вы готовы видеть на троне любое дерьмо, лишь бы правитель не был коммунистом?!

— А любой политик — дерьмо, — угрюмо закипая, отчеканил Андрей. Хороших политиков не бывает. Слишком грязное занятие — борьба за власть. Очень приходится пачкаться, барахтаясь в мутной воде, а что обычно всплывает на поверхность — вы сами знаете. При вас дерьмо просто сильно воняло, а теперь оно воняет в десять раз сильнее; но сущность дерьма от этого не меняется.

— Не все среди нас были дерьмом! — вскинулся Денис Иванович, и суровые глаза его фосфорически вспыхнули. — Я тоже в какой-то степени был политиком — как-никак много лет проработал в партийном аппарате, — однако дерьмом себя не считаю. Продвигаясь по партийной лестнице, мы не учились терять совесть — напротив, чувствовали возрастающую ответственность. И сами учили людей только достойному, и уверяю вас, учили искренне, без лицемерия. А чему учат сейчас? В каком духе правящая партия воспитывает граждан? Демократы обвиняли нас в культе личности, сами же создали культ порока и слабостей. Этот культ гораздо страшнее и опаснее прежнего, поскольку культ личности, при всей его безобразности и дикости, все же объединял и мобилизовывал людей, культ же слабостей разъедает их души, убивая в человеке изнутри все, что в нем есть достойного. Сейчас очень модно оправдывать человеческие грехи, а подчас они откровенно воспеваются и навязываются. Со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров нам настойчиво вдалбливают, что человек имеет право на слабости, что это нормально и естественно, что так и должно быть! И не стоит сопротивляться своим слабостям, упаси бог! Капля за каплей падает нам на темя, скрупулёзно и надёжно приучая нас к этой мысли: она не виновата, что стала проституткой, — просто очень хотела красиво жить, а денег на это не хватало... он не мог не стать бандитом, потому что папа его был алкоголик и систематически избивал его в детстве... он поступил абсолютно правильно, что сдался душманам — ведь их было больше, и, не сложив оружия, он рисковал сложить голову... а этот совершенно прав, что позволил завербовать себя ЦРУ, ибо был шибко умный и, прозрев раньше прочих, люто возненавидел коммунистов!.. Но — у нас было много умных, и многие не признавали существующий режим; они боролись с ним, страдали, погибали — однако не шпионили в пользу враждебных государств. Во многих семьях папы заливают за воротник, зачастую на пару с мамами, но не все дети таких паршивцев становятся бандитами. Не все наши солдаты при первой серьёзной опасности поднимали руки перед врагом — многие способны были на подвиг и достойную смерть. Нако-

нец, абсолютное большинство наших несчастных женщин живет в ненормальных условиях — так что же, все женщины России непременно должны стать платными шлюхами?! Нет, Андрей, нельзя признавать порок, недопустимо оправдывать слабости. Простить — можно, оправдать — ни в коем случае! И слабость, и порок — это всегда плохо!.. Куда же мы придем с такой пропагандой? Во что превратимся? Ведь вся эта новая агитация, это «новое мышление» — не что иное, как убийство! Духовное убийство целого народа!

— Да, народ сейчас убивают духовно, — мрачно кивнул Андрей. — Но только духовно. Вы же убивали его и духовно, и физически. Когда я слушаю вас и ваших многочисленных сторонников, мне всегда хочется спросить: люди, вас истребили несколько миллионов — сколько еще нужно истребить, чтобы вы наконец прозрели? Десять миллионов? Сто? А может быть, если уничтожить вас всех, то и тогда последний оставшийся в живых будет по-прежнему гордо размахивать красным знаменем?!

Денис Иванович ссутулился, с минуту, раздумывая, глядел себе под ноги. Когда он вновь поднял глаза на собеседника, голос его стал трагично-глухим.

— Да, мы прошли через эту безумную мясорубку. Но страна продолжала жить даже в самые мрачные времена. И продолжала оставаться великой. Даже в эпоху всеобщего страха мы имели сильный дух: мы победили в ужасной войне, мы на голом энтузиазме восстановили страну из руин, мы сделали ее вновь могучей державой. А что сможете вы, случись нечто подобное? Ничего. Ибо у вас не осталось духа. У вас нет даже морали, а мораль — это костяк всякого общественного организма. Она может деформироваться, изменяться с течением времени, с изменением каких-то объективных условий, — но она непременно должна быть.

— Ценна не мораль, а нравственность. Я надеюсь, вы не путаете два эти совершенно различные понятия? Мораль — установка общества, нравственность — установка совести. Совесть порождает героев; мораль — подчас фанатиков, то есть людей не думающих, не анализирующих, а слепо следующих определенному предписанию или приказу. У вас была именно мораль; нравственность же вы, большевики, выкорчевали еще в ходе революции и гражданской войны, а последние ростки выпололи окончательно при Сталине. Нынешняя тотальная безнравственность — не прямое ли следствие семнадцатого года?!

— Невозможно от всего общества требовать высокой нравственности: святость — достоинство немногих, избранных. Но если существует хотя бы мораль — пусть искаженная, извращенная, вывернутая наизнанку, — она все же корректирует действия несовершенных в большинстве своем людей, заставляет их не становиться хуже, а подчас понуждает и стать лучше. Вот мы

в свое время, какие бы уж ни были молодые дураки и фанатики, все-таки уважали старших, искренне готовы были костями лечь за правое дело, на улицах не бесчинствовали и каким-нибудь подонкам бесчинствовать не позволяли. От ваших же парней только шарахаются в сторону, а девушки сегодня готовы продавать себя за банку «Пепси». На какую-то помощь от нынешних молодых смешно и надеяться. А среди нас было очень много порядочных, добрых людей, готовых помочь в любое время, даже незнакомому. И помогали, делились часто последним куском...

— И между делом «стучали» друг на друга в НКВД!

— Да, многие «стучали». Но если сейчас создать те же условия, то «стучали» бы все. А героев не было бы вовсе.

Андрей раскрыл было рот, собираясь возразить, но неожиданно задумался: «А в самом деле, что тогда было бы?..» Он опустил глаза и притих, размышляя и фантазируя.

В это время дверь в комнату распахнулась, и с дымящимся пирогом на подносе вошла Мария Федоровна. Следом за ней Надя внесла и поставила на стол стопку тарелок. Гордая своим удачным произведением, Мария Федоровна напоминала какого-то веселого Будду с сияющим неземным удовольствием лицом. Она установила пирог посередине стола; взглянув на тяжело молчащих оппонентов, сокрушенно покачала головой и тотчас набросилась на мужа.

— Что, опять приставал к человеку со своей политикой? Нашел-таки свободные уши, да? Ты посмотри — совсем замучил мальчишку, на нем и лица не стало!

— Да чего ты напустилась! — враз потеряв всю воинственность, неловко отбивался Денис Иванович. — У нас тут мужской разговор... выяснение гражданской позиции, так сказать...

Надя, улыбаясь из-за плеча матери, проворковала:

— Судя по всему, взгляды ваши не совпали по самым основным моментам!

— Да, вот, — угрюмо признал Денис Иванович. — Жених твой тоже из породы демократов.

— И похоже, баталия была похлеще Полтавской! — засмеялась Надя.

— Коммунисты, ельцинисты!.. — горестно всплеснула руками Мария Федоровна. — Господи боже мой, как мне все это надоело! Не страна, а огромный парламент, и все говорят, говорят, доказывают что-то... То бастуют, то митингуют, то целые выходные но улицам лазают с транспарантами!.. Содом и Гоморра! Одни — непримиримые большевики, другие — оголтелые демократы! А нормальных-то людей в России что — совсем не осталось?!

Она и далее продолжала бы распекать сконфуженного супруга, но тут внезапно вмешался Андрей. Подняв на недавнего соседа строгое лицо, он вдруг заявил:

— Наверно, вы правы, Денис Иванович. Видимо, в ваше время достойных людей было больше. Гораздо больше... Да, несомненно, вы правы!

Такого не ожидал никто, а менее всех сам Денис Иванович. Он до того был поражен столь честной капитуляцией, что совсем растерялся и не нашел, что сказать. Таким образом, последнее слово осталось за Андреем.

Более смущенный, нежели гордый своим триумфом, хозяин весь вечер был с Андреем необычайно приветлив и дружелюбен. А когда собрались проводить уходящий год, Денис Иванович в знак искреннего примирения торжественно провозгласил компромиссный тост во славу и процветание Отечества.

## 2

По истечении первого часа нового года молодые люди, еще раз тепло поздравив старшее поколение с праздником и пообещав отсутствовать не всю ночь, покинули квартиру и вышли в ликующий город.

Звонкий мороз ободряюще щипал жгучими пальцами за кончик носа. Черный воздух был прорезан многочисленными пылающими струями ракетниц, насыщен пьяными воплями, визгом, треском петард и хлопушек. Мириады гладко отшлифованных снежинок отражали неоновую луну, свет окон и разноцветные огни иллюминации, устилая земную твердь искрящимся покрывалом. Со всех сторон неслась импортная и отечественная музыка, кто-то неподалеку виртуозно наяривал на аккордеоне, а с балкона девятого этажа не в меру дружелюбный гражданин истошно орал от всей широты славянской души: «С Новым годом, лю-уди!» Лица наполнивших улицы горожан были возбуждены, радостны и все до единого лучились приветливостью и добротой, что случалось только раз в году. Как всегда в такую ночь, на душе было легко, уютно, смутно хотелось чего-то чудесного, сказочного, причем поскорее, так как любая ночь не вечна, а Новогодняя и вовсе имеет свойство кончаться слишком скоро.

Ах, люди, почему бы вам не быть такими каждый день!..

Андрей с Надей, слегка хмельные и оживленные после нескольких бутылок шампанского, опустошенных за минувший час, вцепившись друг в дружку, бодро скользили по бугристому льду между домами, в унисон падали и, забыв отряхнуться, бежали дальше. Выйдя к величественной городской елке, бесстрашно нырнули в людской водоворот. Чтобы не потеряться среди хаотически мигрирующих вокруг пуховиков, дубленок, шуб и шапок, Надя мертвой хваткой впиалась в его карман. Он тянул ее за собою, как буксир баржу, а она визжала паровой сиреной, когда возникала угроза отрыва от поводыря. Трещины, синхронно вопя во весь голос одновременно с сотней других голо-

сов, они в неестественных позах стоя прокатились с гигантской горки; поглазели на группу Дедов Морозов, с неясной целью сгуртовавшихся вместе без единой Снегурочки; выпили еще шампанского с какой-то кучкой радушной молодежи... Вырвавшись наконец из бурлящего муравейника на оперативный простор, Андрей, переполненный самыми лучшими чувствами, несколько раз попытался крепко поцеловать Надю. Но девушка, ловко выворачиваясь из его объятий, всякий раз с хохотом убегала. Андрей, скользя и падая, догонял ее, затем повторялось точь-в-точь то же самое. От такой бесперспективной охоты Надя получила столько удовольствия, что в конце концов от смеха стала заикаться. Так, перебежками, с падениями, остановками и систематическими отклонениями от маршрута, они достигли-таки дома, в котором проживало семейство Капустиных.

В жилище помощника городского прокурора, как всегда в дни праздников и всяких памятных дат, дым стоял коромыслом. Вся лестничная клетка была насыщена звуками, исходящими из-за массивной двери его квартиры. В прихожей и коридоре слонялись взад-вперед полупьяные гости, из комнат и кухни вырывалась музыка всех возможных жанров и направлений, взрывы гомерического хохота пугали самих смеющихся. Дверь пришедшим открыл некто, абсолютно Андрею незнакомый, а в прихожей их восторженно приветствовали две изуверски размалеванные, безумно взлохмаченные молодые леди. Одна из них долго изумленно верещала, выпучив глаза на Надю, чем сумела привлечь к их появлению всеобщий повышенный интерес. Озадаченный столь бурной реакцией, Андрей повнимательнее взгляделся в восторженную лахудру и, немало потрудившись, опознал Веру Капустину.

Надя произвела в обществе настоящий фурор. Когда она, сняв шубу, шапку и сапожки, вошла в веселящийся зал, плывя в декольтированном облегающем платье с длинным разрезом, смех и голоса разом стихли и десятки восхищенных глаз одновременно устремились к ней. Она же, лишь слегка зарумянившись, не подавала виду, что всеобщее внимание как-то на нее воздействует, и держала себя подобно признанной супермодели, давно привыкшей к собственной неотразимости. Мало-помалу информация о заскочившей на огонек неведомой красавице достигла самых отдаленных уголков квартиры, и в зал немедленно стали стекаться многочисленные гости обоих полов, чтобы оценить самим то, о чем говорили другие. Очень скоро дерзкие поклонники красоты отбили Надю у Андрея и увлекли в центр зала. Тотчас мажорные ритмы бодрых рок-групп сменились романтически тоскующим голосом Хулио Иглесиаса, и Надя, поочередно меняя партнеров, закружилась в непрерывной череде медленных танцев.

Впервые в жизни Андрей испытал, как приятно может быть чужая зависть! Он пришел сюда с самой красивой девушкой города, и бывалые казановы изнывали, глядя на нее, а их подруги,

зло косясь в ту же сторону, оскорбленно поджимали губы. Все знали, что она его девушка, что именно он имеет право ежедневно видеть это грациозное тело, ласкать белый бархат этой кожи, что именно его обнимают эти руки и целуют эти уста! Только ему дано право на что-то большее, чем танец, и лишь при встрече с ним это очаровательное личико озаряется искренней радостью! Он смотрел на нее вместе со всеми и с удивлением признавался сам себе, что прежде и не понимал, как ему повезло, что Надя ведь гораздо красивее, чем ему даже казалось до сих пор... Чем же он привлек ее? Что такого особенного сумела обнаружить в нем, обыкновенном, невзрачном работяге, эта сказочная принцесса, эта фея, эта волшебница из «Тысячи и одной ночи»?.. Как гибко извивается ее стройное тело, подчеркнутое длинным вечерним платьем! Как соблазнительно движутся плавными кругами ее идеально гармоничные бедра!.. И как нагло лапает ее грациозную талию этот усатый таракан в зеленом галстуке!

— ...Да, Андрей, — с горечью констатировал стоящий рядом Серёга. — Сегодня ты сразил меня в самое сердце... Черт тебя разберет: то у тебя годами никого нет, потом вдруг сразу — Афродита!

Вера, также оказавшаяся поблизости, ревниво оглядывая Надю сверху донизу, завистливо выпятила нижнюю губу:

— Мне бы ее попку! Ноги-то, положим, у меня не хуже... Где ты ее нашел?

— Да вот, шел, шел — и нашел.

— Подскажи, где поискать, — попросил Серёга.

Андрей, усмехнувшись, ответил честно:

— В общественном транспорте. В час пик.

— Что, серьезно?

— Вполне. На следующий день после твоего юбилея столкнулись нос к носу в автобусе.

— Ну, это судьба! — философски изрек Капустин-младший и, не сводя с Нади тоскующих глаз, обреченно вздохнул: — Нет, нам так не жить!..

Красавица меж тем явно потеряла последний стыд. Она цинично прижалась всем телом к очередному партнеру, руки ее плотно обвили его шею, а диапазон вращения ее бедер заметно увеличился. Андрей прекрасно понял, что эта мелкая пакость предназначена специально для подогрева его эмоций, но лишь усмехнулся.

— Ты не ревнуешь? — поинтересовалась Вера, испытующе косясь на него сбоку.

— Нет, — искренно ответил Андрей. — Ревность присуща одним глупцам и эгоистам.

— Но говорят: кто не ревнует, тот не любит...

— Какой абсурд! Любовь — это в каком-то смысле самопожертвование, самоотречение. Для любящего важно прежде все-

го, чтобы любимый человек был счастлив. Как у Пушкина: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим». Ревнующий же в первую очередь переживает за себя. Он себя любит больше и именно себе желает счастья, а уже после себя — тому, кто с ним. Ревность — это чувство частной собственности на другого человека. А любовь может быть только свободной.

— А если бы Надя взяла да ушла к другому — неужели ты и тогда не ревновал бы?

— Я огорчился бы. Очень огорчился бы. Для меня это было бы огромной потерей. Но я не стал бы бегать по стенам, рвать на голове волосы и вообще устраивать сцены. Я, может быть, постарался бы убедить ее остаться со мною, но не стал бы заявлять о каких-то своих правах и предъявлять претензии. А само по себе огорчение ревностью назвать нельзя.

— Как я погляжу, Андрей, ты — большой демократ!

— Твой комплимент мне вовсе не льстит, — засмеялся Андрей. — В наше время такие эпитеты, как «демократ» или «депутат», звучат скорее как оскорбление...

Однако на следующий танец пригласил Надю сам. Огорченные до глубины души претенденты на очередной контакт с роскошным телом вынуждены были либо обратить свое внимание на иные кандидатуры, либо просто расползтись по углам, чтобы оттуда продолжать созерцать вожаделенный объект в объятиях законного владельца.

Прильнув к Андрею упругими бугорками груди, Надя уткнула раскрасневшееся личико в его свитер. Он погрузился губами и носом в мягкие заросли каштановых волос, вдыхая едва уловимый аромат духов. Трепетное благодарное чувство захлестнуло его полностью. Он сознавал, что счастлив, и нестерпимо, невыносимо желал как-то отплатить этой волшебнице, этой мифической богине, покровительствующей ему ни за что, просто так, по доброте своей или прихоти, дарящей ему это счастье. Он ощущал некую незаконченность, какой-то маленький пузырек вакуума внутри, мешающий ему целиком заполниться счастьем... И он решил — будь что будет! — выдавить этот пузырек именно сейчас. Потому что была Новогодняя ночь. Потому что сказка настойчиво требовала своего «хешпи-энда». Просто потому, что он и сам хотел того же.

Андрей бережно прижал гибкое тело плотнее к себе. Надя, подняв улыбающееся личико, мягко обхватила руками его шею. Тогда, глядя в милые серые глаза, он прошептал:

— Я люблю тебя...

Она на мгновение прикрыла веки. Губки ее сложились в загадочную улыбку Джоконды. Так же шепотом спросила:

— А дальше?

— Что?.. — потерялся Андрей.

Надя открыла глаза и тихо засмеялась. Потом пояснила:

— Как правило, заодно с сердцем предлагают и руку.

Конечно, это была провокация. Но в логике прелестной плутовке отказать было невозможно. Серые глаза не мигая, выжидающе смотрели на него. Андрей понял, что сейчас одним словом он может разрушить и теперешнее романтическое очарование, и ощущение счастья, и сладостную близость их тел, глаз, сердец... И он сломался.

«...Остановись, несчастный! — отчаянно защищал откуда-то из безмятежной нирваны сознания бдительный страж его интересов — внутренний голос. — Одумайся: ради одной приятной минуты, ради того, чтобы продлить одно прекрасное мгновение, ты обрекаешь себя на всю жизнь!..»

«Да ладно уж, пусть себе! — отмахнулся беспечный разум. — Раз уж сам напросился... Вообще, ведь когда-то нужно жениться. Лучше же нее все равно никого не встречу. Сейчас прозеваю — после буду жалеть. А если постараться подольше протянуть столь неопределенные отношения, так можно запросто и просчитаться — шустряков на такую внешность знаешь сколько!.. Решено. Сдаюсь!»

Глубоко вздохнув, Андрей обреченно проговорил:

— Я окружен со всех сторон. Спасенья от тебя нет нигде. Принято решение выбросить белый флаг. Казавшаяся незыблемой крепость пала... Я предлагаю тебе, Надя, стать моей женой. И матерью моих детей.

Девушка опять опустила голову, прижавшись щекой к его груди. Прождав ответа до конца мелодии, Андрей склонился к розовому ушку:

— А ты?

Вновь подняв на него серые глаза, в которых дрожащими линзами стояли слезы, Надя прошептала:

— Я тоже... капитулирую.

— Как будто не ты меня завоевала, а я тебя, — усмехнулся Андрей. — С такими дипломатическими способностями тебе не в «пéде» бы учиться, а в МИМО!

— Скажи, а как после свадьбы будет звучать моя фамилия?

— Белкина.

— Белкина? — вскинула брови Надя, и ее смеющееся личико снова уткнулось в свитер, пропитывая мохнатую шерсть счастливой влагой...

...Странно, но у него, вопреки ожиданиям, не возникало тягостного чувства принятия на себя какого-то вынужденного обязательства. Напротив, ему вдруг стало необычайно легко и спокойно, словно он только что принял решение, которое давно и неизбежно должен был принять. «Если я так спокоен, значит, я поступил хорошо. А раз я поступил хорошо, значит, я прав...»

Уже под утро Надя опять затащила его к себе домой. Раздевшись в прихожей, погасили свет и очень осторожно двинулись по темному коридору, стараясь не скрипеть полами и ни на что не наткаться. Родители Нади давно спали, и Андрей недоумевал, зачем он вообще здесь нужен. Впрочем, вряд ли он был чем-то недоволен, особенно желанием подруги не отпускать его подольше.

Войдя на цыпочках в свою комнату, Надя включила тусклый торшер, затем телевизор, предусмотрительно отрегулировав звук в соответствии со временем суток. Андрей опустился на заправленную постель, облокотился о стену и слегка плывущим от обильных возлияний взором уперся в голубой экран.

Надя тем временем повернула вертикально вверх ручку двери, заперев ее изнутри, и, загадочно улыбаясь, встала перед ним. Когда Андрей поднял на нее вопросительный взгляд, девушка, усмехнувшись, медленно потянула вверх длинный подол узкого вечернего платья. Как только грациозные ножки ее оказались на свободе, Надя полезла прямо на Андрея и вмиг оседлала его, широко расставив колени. Не дав опомниться, вцепилась в плечи и приникла к его губам горячим поцелуем. Жадно, тихо постанывая, она втягивала в себя его губы и язык; дыхание ее слегка отдавало кислым привкусом шампанского. Два упругих клубочка плотно вжимались в его грудь, округлые бедра нежным хомутом стискивали его с двух сторон, и Андрей пьянел от этого больше, чем от всего, что вышел за последние часы. Замирая от восторга, он гладил ее чудесные ноги, проникая пальцами дальше под платье и сжимая тугие полушария ягодиц. Он сосал ее пылающие губы, впитывая ее желание и страсть, словно пытался высосать сладкий нектар из розового бутона... Дыхание девушки постепенно становилось неровным, прерывистым. Наконец, с шумным всхлипом отстранясь от него, она обеими руками требовательно потянула кверху его свитер. Андрей покорно поднял руки, и свитер, взлохматив шевелюру, вмиг оказался снятым через голову. Не произнося ни звука, Надя одну за другой расстегнула пуговицы его рубашки — и прильнула к его голой груди, покрывая кожу короткими лишними поцелуями.

Андрей задохнулся от неожиданной ласки, ощутив возбужденную дрожь в конечностях и приятное напряжение во всем теле. Притянув к себе голову девушки, он впилился в сладкие губы, а руками неловко попытался потянуть вверх ее платье.

Однако платье сидело в обтяжку; одному справиться с данной задачей не представлялось возможным. Поняв это, Надя выпрямилась и сама скинула свой наряд через голову. Отбросив платье в сторону, она эротично изогнула спину и, медленно заведя руки назад, расстегнула и сняла кружевной лифчик.

Обомлевший Андрей перестал дышать, разглядев в желтом полумраке два заманчиво подрагивающих молочно-белых чуда с

маленькими яркими сосками, задорно торчащими чуть в стороны... Крепко обхватив гибкое тело юной нимфы горячими ладонями, он изъязвил раскаленным клеймом поцелуев сначала ее личико, затем тонкую шейку, плечи, ключицы... Наконец, трепетно пройдясь губами по нежной коже ее груди, Андрей достиг твердого бугорка соска. Надя коротко застонала, судорожно вцепившись в его волосы. Затаив дыхание, она несколько мгновений оставалась неподвижной, приоткрыв ротик и закатив глаза. Потом с силой оторвала от себя его лицо.

— Постой... подожди... — прошептала девушка. Соскочив на пол, попросила: — Поднимись на минутку.

Андрей встал с постели. Обольстительница одним движением сдернула покрывало и, скомкав, бросила рядом с торшером на письменный стол. Встав вплотную к обалдевшему вконец молодому человеку, она тонкими пальцами расстегнула ремень на его брюках и недвусмысленно потянула вниз «молнию». Вдруг смутившись, он непроизвольно удержал ее руку, испуганно прошептал:

— А если кто-нибудь войдет?..

— Никто не войдет, — вязким, завораживающим шепотом заверила Надя. — Я же закрыла дверь.

— А вдруг услышат?

— Не услышат. А если и услышат, так сделают вид, что не слышали. Успокойся. Расслабься. Сегодня Новогодняя ночь, ночь исполнения желаний...

— Все равно... Как-то неудобно...

— Какой ты пугливый! — тихо засмеялась она. Протянув руку, немного прибавила громкость телевизора и тесно прижалась к Андрею жаждающим телом. — Не бойся ничего. Через час уйдешь, и никто ни о чем не догадается... Обними меня покрепче!..

— Послушай... а может... ну... презерватив нужен?

— Нет. Я две недели назад поставила спираль.

Вновь чувство великой благодарности приливной волною поднялось в груди, мягко стиснув дыхание и увлажнив глаза. Он ладонями приподнял ее голову, с обожанием взгляделся в румяное лицо.

— Ты поставила спираль специально для меня?

— Дурачок! Для кого же еще!.. — Обвив его шею тонкими лианами рук, Надя приблизила пылающие губы и жарко прошептала ему прямо в полуоткрытый рот: — Не сдерживай себя, Андрюша!.. Кроме телевизора, они ничего не услышат. А стонать я постараюсь потише...

## Надежда с большой буквы

*...И ведь это в самом деле было! В самом деле самая милая, самая красивая на свете девушка горячо и страстно ласкала его*

и сама безумно упивалась его ласками!.. Многим ли на этой планете так невероятно везло, как ему? И везло ли хоть кому-нибудь? Ведь красавицы не любят просто так. Прекрасно отдавая себе отчет во всемогуществе своих чар, они требуют большего, нежели только чувства. Чтобы заслужить благосклонность красавицы, надо весьма заметно выделяться из общего ряда смертных — так же, как она выделяется среди женщин. Необходимо быть либо богатым, либо известным, либо перспективным — уж это по меньшей мере! Не имея подобных достоинств, можно еще обладать особым шармом, некоей интригующей необычностью, загадочностью — словом, быть по жизни актером и психологом, знатоком, так сказать, тайных струн души. Либо просто красавцем, подобным Аполлону... Но у Андрея ничего из данного ассортимента мужских прелестей и в помине не было, и не намечалось когда-либо быть. Тем не менее она отдавалась именно ему, любила его, и сорвалась лишь однажды, когда э т о и случилось; лишь один раз Она не сумела обуздать в себе того коварного, бескомпромиссного дьявола, который зовется женской натурой, женской слабостью. И дьявол, спеша воспользоваться этим е д и н с т в е н н ы м своим успехом, в тот же вечер отобрал у него Надю, отнял надежно и безвозвратно, навсегда...

Но все это случилось много позже. А целых полгода до того Андрей ощущал себя неким библейским великомучеником, который, жестоко отстрадав всю свою долгую тернистую жизнь, наконец попал в райские кущи. Он уже тогда сознавал, что такого внезапного, ослепительного, такого безмерного счастья, как в ту Новогоднюю ночь, у него более никогда не будет. Ему было немножко грустно, потому что самый чудесный момент его жизни уже ушел в прошлое и невозможно надеяться на его повторение. И одновременно безгранично радостно, ибо момент этот в его жизни б ы л , — значит, ему удалось узнать, ч т о т а к о е счастье! Воистину, на нем была особая благодать: ведь, как правило, чтобы узнать счастье, человеку бывает необходимо как минимум умереть!..

Задумываясь о грядущей супружеской жизни, он томился противоречивыми чувствами. С одной стороны, у него каждый день, постоянно — всегда! — будет Надя. Она будет его женой. Она о б я з а н а будет любить его, а он станет обладать Ею вполне закономерно и в любое время! С другой стороны, эти чудесные моменты близости, слившись в длинную, бесконечную вереницу, перестанут быть праздниками, станут обыденными, похожими, как яйца в инкубаторе. Обладание друг другом, высший акт любви, превратится для них в нечто традиционно-ритуальное, безобразно названное какими-то беспольными идиотами «исполнением супружеских обязанностей». Разве любовь может быть обязанностью! Неужели к счастью можно привыкнуть! Там, где появляется привычка, счастьем не остается места...

Правда, все существо Андрея активно бутовало против столь унылых выводов, упорно не веря, что можно привыкнуть к обладанию феей. А сам он, всегда пугавшийся слова «брак» как какого-то воскресшего динозавра, теперь ждал этого брака с нетерпением мажорально-озабоченного подростка. Раз отведав запретного плода, он неудержимо стремился вновь к райскому древу... Но, похоже, до свадьбы нечего было и мечтать о следующих сериях прекрасной сказки: уважительных причин для того, чтобы ночью остаться у Нади в комнате, после Нового года не подворачивалось, и Она у него, естественно, также заочевать не могла. Мама Андрея около двух лет как была на пенсии, отец Нади тоже; таким образом, в обеих жилищах постоянно находился представитель старшего поколения, одним своим присутствием сводя на нет благородную идею уединения двух влюбленных созданий. Оставалось лишь в сердцах роптать на собственную Родину, Советскую власть и нынешнюю демократию за то, что несчастная молодёжь одной шестой части суши извечно страдает одними и теми же проблемами, и разрешения тупиковой ситуации в обозримом будущем не предвидится. Так и живут — и будут жить — до преклонных лет миллионы сексуально активных граждан в одних стенах с их родителями! Русские же родители — не французы и не немцы: им не напомнишь о собственных подобных трудностях в их молодости. Не признаются; будут лишь сладкоречиво петь о приобретенной ими с пеленок белоснежно-стерильной правдивости да ужасаться аморальности нынешних юнцов, животню спаривающихся то в подвалах, то в лифтах, то на заднем сиденье автомобиля... Конечно, когда-нибудь и у этих юнцов появятся свои собственные, от д е л ь н ы е квартиры. Только скажите на милость — на кой хрен тогда-то они им станут нужны?!

Ничего не оставалось, кроме как безропотно ждать июня. Летом его родители всегда уезжали на пару месяцев в Самару, в край своих предков, откуда они явились в ударно-комсомольскую глухомань, когда Андрей еще беззащитно писался в хлопчатобумажные ползунки... Ждать пришлось целую вечность — пять месяцев! И каждый нерабочий день, все эти пять месяцев, он ласкал и тискал возделенное тело невесты, не встречая уже никакого сопротивления, забираясь в самые интимные уголки сладкой плоти, бестолково возбуждая и Ее, и себя, — а после часами бродил из угла в угол комнаты, тщетно силясь обуздать восставшего беса и, аки тигр, рыча на все живое. Тысячу раз с внутренним испугом и стыдом он ловил себя на кощунственной мысли, что все чаще смотрит на своих неповинных родителей, как на врагов народа. Тогда на душе становилось гадко и пошло, и Андрей искренне безжалостно презирал себя за то, что подлая плоть его столь откровенно владеет благородным духом...

...Вернуть бы сейчас те страдания! Чего бы он не отдал сейчас за то, чтобы страдать так до скончания века! Ничего не

*жалко... Потому что ничего у него и не осталось. А тогда было все — все, что нужно человеку, чтобы жить и хотеть жить. Разве когда-нибудь еще в нем было столько жизни, столько безумной жажды ее, столько сил и лучезарных надежд, как в те полгода — особенно в конце весны, когда он, ликуя, переворачивал каждый лист отрывного календаря, скрупулёзно хороня очередную день и тем приближая еще на сутки отъезд несчастных, не подозревающих о своем преступлении, родителей! Разве возможно быть более бодрым и более радостным, чем он был тогда, смакуя в фантазиях сладостный момент предстоящего соития с любимой и до мелочей планируя грядущие ласки!.. Воистину, самое прекрасное — это ожидание прекрасного. И никогда человек так не счастлив, как в предвкушении счастья...*

## 1

Свадьбу запланировали где-нибудь на середину сентября, недели через три после возвращения родителей Андрея из Самары. Как раз в это время у него должен был по рабочему графику начаться отпуск, и молодые рассчитывали тряхнуть мощной, закатившись в свадебное путешествие куда-нибудь на Северный Кавказ. Крайне неприятную процедуру знакомства родителей жениха и невесты также решили отложить до возвращения первых. За несколько дней до отъезда мамы- и папы-Белкиных Андрей уже точно знал, что Надя будет у него дома в тот же день ровно в шесть вечера, через час после отправления Самарского поезда.

...На железнодорожном вокзале было в три слоя наплевано, налузгано и набросано. Пахло годами разлагающимся мусором, мазутом, какой-то копотью и табачным дымом. Одним словом, пахло дорогой. Андрей равнодушно вдыхал этот запах, украдкой поглядывал на часы и вполуха слушал торопливые наставления умудренных жизнью предков по поводу выживания в условиях двухмесячного одиночества, осторожности и взвешенности действий. Окончив назидания, мама сменила пластинку, и из уст ее ароматной патокой полились восторженные гимны будущей невестке. В постскриптуме к славословиям красавице и умнице Наденьке мама выразила глубокую скорбь по поводу отсутствия оной на проводах будущих родственников.

— Сегодня же суббота, — пояснил Андрей. — Студентам отдыхать не положено. Надя как раз сейчас зачет сдает.

Долгожданной райской арфой прозвучал гудок поезда. Ожидющие люди зачем-то заранее дружно вскочили на ноги, загалдели, засуетились. Многие панически хватали чемоданы, узлы и рюкзаки только для того, чтобы, опомнившись, недоуменно поставить их на место. Немногочисленные в середине июня встречающие

зарысили к перрону, растекаясь вдоль железнодорожного полотна. Замедляя ход, надсадно тормозя, состав грозно приближался к вокзалу.

— Так... — занервничал отец, выхватывая из кармана голубые с коричневым лоскуты билетов. — Какой вагон-то у нас?

— Тринадцатый, — подсказала мама.

— Тринадцатый?.. Точно. Ох, и вагон взяла! Другого не было, что ли?

— Ладно уж! — возмутилась мама. — Глядите-ка, какие мы суеверные стали на старости лет!

— На старости лет... Я всегда такой был — не замечала, что ли?

— Всегда? А чего ж из ЗАГСа не удрал, когда со мной расписывался? Помнишь, какого сентября дело-то было?

— Ну все, пойдем, — решительно пресек прения отец. — Про ЗАГС в дороге расскажешь, все равно трое суток пилить!..

Посадив родителей в «несчастливый» вагон, Андрей еще минут пятнадцать тактично стоял на перроне, беседуя с ними через стекло окна на языке тургеневского Герасима. Нервно дергая коленкой, он угрожающе косился на неподвижный локомотив. «Черт бы тебя побрал, когда же ты тронешься!» Потом вспомнил про железный закон расписания, про то, что Надя придет к нему не ранее шести часов, и несколько успокоился. Он вообще не терпел долгих прощаний, а сегодня у него, помимо прочего, были особые причины торопить время. Поэтому, когда поезд наконец сердито зашипел, конвульсивно вздрогнул всем длинным иитоньим телом и нехотя качнулся в сторону запада, лицо Андрея просветлело, и он прощально поднял руку, одарив маму с папой самой искренней улыбкой. Родные лица, удаляясь, постепенно сузились, затем исчезли, растворившись в зеркальном блеске стекла. Усталый состав громоздко, с одышкой, потопал в Самару.

Проследив за его гибко уползающим хвостом, Андрей сошел с перрона и направился к стайке автомобилей, в которых лихие частники терпеливо ожидали щедрых клиентов. Не торгуясь, сел в машину и через десять минут уже высадился возле своего дома. Посмотрев на часы, заглянул в ближайший киоск и прихватил с собой две пузатые бутылки «Сангрии», а также безразмерную шоколадку с орехами, со стороны похожую на красивую детскую книжку страниц в триста. Снова сверившись с ленивым циферблатом, медленно-медленно пошел домой.

Дома он до зеркального блеска начистил зубы, слегка sprыснул туалетной водой, отыскал в бессистемной куче кассет самую мелодичную, заблаговременно воткнул ее в магнитофон, кое-как накрыл на стол, аккуратно поправил постель, взбил подушки и даже местами подмел пол. Завершив столь необъятную массу дел, позволил себе еще раз взглянуть на часы. До шести оставалось пятнадцать минут. Слишком стремительно выкурив сигарету, Ан-

дрей беспокойно заметался по квартире, из угла в угол меряя шагами все сорок с лишним метров полезной жилплощади. Пометавшись минут пять, снова закурил, с бессильной досадой признавшись себе, что никакого романтического вечера под нежную музыку и красное вино у них с Надей не получится, потому что, как только девушка появится в пределах его территории, он тотчас без разговоров потащит ее в постель...

Стрелка перевалила через заветный рубеж. Нади не было. Выглянув за дверь, Андрей проверил, работает ли звонок. Затем еще пометался по квартире и сумрачно прилип к окну, обозревая вход в подъезд и нетерпеливо кусая ногти. Настроение падало, подобно шкале барометра, предвещающего ухудшение погоды. Легкое облачко, набежавшее на лицо Андрея, скоро сменилось грозовой тучей, обещавшей неизбежные гром и молнию. Раздражение бегом перешло в гнев; нервно барабанил по подоконнику костяшками пальцев, Андрей уже представлял, как вытянется круглое Надино личико, когда он прямо у порога спросит ее: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?!»

В четверть седьмого Андрей, от ярости черный, как сам Отелло, понуро поплелся в свою комнату, чтобы в очередной раз покурить в форточку. Когда фильтр уже уперся белыми волокнами в зубы, а огонек зажигалки хищно лизнул кончик сигареты, из прихожей ликующим тимпаном зазвучал звонок. Гепардом пронесясь по коридору, Андрей настежь распахнул дверь. Ослепительно улыбающаяся Надя грациозно переступила через порог, округлой попкой захолопнула дверь и, заведя руки назад, прислонилась к ней спиной. Серые глаза, устремленные на Андрея, лучились радостью и лукавством; сочные губки маняще змеились, загадочно подрагивая уголками.

Весь желчный гнев Андрея в один миг бесследно улетучился. Он смог лишь кротко, покорно вздохнуть, опустив смиренный взгляд на стройные ножки своей Дездемоны.

— Что вздыхаешь? — сдержанно спросила Надя вместо «здравствуй».

— Если бы ты знала, как я не переношу непунктуальности! — отозвался он, медленно подняв глаза до соблазнительных конусов ее груди.

— И так запыхалась, пока до тебя добежала! Только что забрала у профессора зачетку.

— И как наши успехи в области древнерусского?

— Сдала. А ты как? Родителей проводил?

— Проводил.

— Значит, мы дома одни?

— Одни, — подтвердил Андрей, облизывая ее всю плотоядным взором. — И уж теперь-то ты от меня никуда не денешься!..

Звонко засмеявшись, Надя оттолкнулась от двери и с силой упала в его объятия. Встав на цыпочки, она, словно удав, обвила

руками голову Андрея и, властно притянув к себе, прилипла к его губам знойным, головокружительным поцелуем...

## 2

«...Любимая, как я хочу, чтобы красота твоя сохранилась вечно! Как я хочу быть художником, скульптором, всемогущим волшебником, чтобы не позволить времени, земным законам разрушить это нерукотворное чудо, свести на нет живую гармонию, воплощенную в тебе, в твоём божественном теле! Мне ясно стремление древних и новых талантов из века в век изображать обнажённую Женщину, я понимаю их неудержимую страсть — запечатлеть, зафиксировать в долговечном камне или на холсте столь преходящее Совершенство, потому что ум человеческий не желает мириться с тленностью всего на свете, даже такого чуда, как абсолютная, идеальная Красота. Неужели когда-нибудь отяжелеет и поблекнет грация твоей фигуры и упругие полусферы груди потеряют свою округлость! Неужели нежная кожа твоя станет сухой и дряблой, а тугие ягодицы перестанут отливать медным румянцем! Как это может быть, чтобы великолепные ноги твои перестали притягивать восхищенные взгляды и заставляя сладко замирать сердце!

Но земные законы непреложны. И справедливы — ибо, в отличие от человеческих, ни для кого не делают исключения, воздавая равно и в свое время добру и злу, великому владыке и безвестному божу, красавице и дурнушке. Они уравнивают, рано или поздно, всякого со всяким, и никому не дано отсрочить неумолимого приговора. Ты, как все, понимаешь, что не всегда будешь столь ослепительна, столь заманчива и вожделенна. И спеша сотворить чудо, даришь мне все, чем обладаешь, все без остатка, ничего не скрывая и ни о чем не жалея. Ты даришь мне большее, нежели прочие земные ценности, ибо никакие иные богатства не заключают в себе ни гармонии, ни совершенства. Я же принимаю великий подарок безвозмездно, потому что мне нечем отдариться, кроме одной благодарности. Ты не можешь представить, как я благодарен тебе! Благодарность моя столь безгранична, что разрывает мне грудь, переполнив ее нежностью. Благодарность моя даже больше, чем любовь. А может, она и есть Любовь?

Я благодарен тебе всей — и каждой твоей частичке. Я люблю всю тебя — и каждую твою клеточку, каждую волосинку на твоей коже, каждую капельку твоего пота, твоей влаги. Я люблю твои глаза, отражающие меня серым зеркалом радужной оболочки. Я люблю твои губы, в миг нашего слияния прерывисто шепчущие милые несвязные глупости. Люблю твою шею, твое горло, исторгающее сладостные стоны; твою грудь, напряженными сосками щекочущую меня, приводя в трепет. Люблю твой живот с дрожа-

щим в экстазе пупком; твои ягодицы, сводящие с ума своей соблазнительной прелестью. Я обожаю твои ноги — этот нерукотворный, неземной Идеал; я изнываю от благодарности к ним, когда они райскими вратами распахиваются передо мною настезь, призывая войти в тебя, хоть на несколько минут слиться с тобою в единое целое! И я не в состоянии выразить, как я благодарен твоему щедрому лону, принимающему меня с искренней радостью, как долгожданного гостя!.. Я люблю твои пальчики, твой носик, твои волосы... Я люблю все, что ты мне предлагаешь, все, что дает мне Счастье!

Счастье — в любви? Как банально! И как полемично! Ведь любовь гораздо чаще — причина страданий и отчаяния. Она — счастье, лишь когда взаимна. Только очень уж мала вероятность взаимного чувства: слишком много есть на свете мужчин и женщин, чтобы можно было всерьез надеяться на возможность встречи со своей Половинкой... Однако мне невероятно повезло, и я Ее встретил. Я полюбил самую прекрасную из женщин, и она чудесным образом полюбила меня.

Чем я заслужил такое чудо? За что мне дано счастье по-настоящему любить и быть любимым? Чьи и какие доводы убедили Судьбу одарить меня, недостойного, столь сказочной, фантастической, нереальной милостью? Ведь подобное даруется единицам среди миллиардов живущих! Ведь далеко не всем доводится испытать даже безответное чувство!.. Впрочем, не все в том и нуждаются. Не всем для радости, для удовлетворения необходимы глубокие чувства. Чаще всего бывает вполне достаточно наличия в постели безотказного соблазнительного тела — или хотя бы близкого к тому, чтобы называться соблазнительным... Бог с ними; каждому свое.

Веками люди ломали головы над древним, как сам человек, вопросом: для чего мы существуем в этом мире, в чем великий смысл нашей разумной жизни? И до сего дня так определенно и не ответили. Ясно, что жизнь правителей, признанных гениев, полководцев, изобретателей, ученых — тех, кто более или менее заметно влияет на ход истории, — обладает значимостью и сознанием осмысленности. А что остается десяткам, сотням миллионов «серых мышек», именуемых презрительно-снисходительно «простыми смертными»? Они — для чего? Только ли для того, чтобы служить орудием сильным мира сего? Сколько весит на весах истории их незаметная жизнь, маленькая жизнь каждого из них?

Да, пожалуй, ничего не весит. Когда скончается вдруг какой-нибудь Хомейни, Феллини или академик Сахаров, весь мир вздрагивает, как от ядерного взрыва, бурно ликуя или, напротив, погружаясь в траур. Если же кто-то из вас, безвестные Иваны, Джоны или Жаны, отойдет в небытие, то кто заметит ваше отсутствие? Пожалуй, одни только родственники да знакомые. А планета истории общественного развития будет по-прежнему равно-

мерно, бесстрастно вращаться вокруг какого-то своего светила, и не сойдет с курса, и с орбиты не сойдет... Так что угомонитесь, Иваны, и не тщитесь в естественном отыскать глубинную суть! Нет этой глубинной сути в вашем присутствии среди прочих на грешной Земле. Нет никакой Вселенской тайны в факте вашей жизни. Просто родились себе — вот и живете... Так пусть вам будет хотя бы приятно жить, каждому — по его разумению, раз уж на нечто большее уповать не приходится! Пусть всем будет хорошо — вот как мне сейчас! Потому что в каждой жизни обязательно должно быть по меньшей мере одно из двух: или смысл, или удовольствие. Когда нет ни того, ни другого, приходится уже не жить, а доживать, прожигая год за годом совершенно бесполезное, ненужное, гроша не стоящее бытие...

Мне же опять повезло больше всех. Я, кажется, обладаю и тем, и другим, потому и убежден в своем Счастье. Наличие удовольствия доказывать нет необходимости — это и так всякий признает, едва взглянув на мою невесту! А смысл... Да какой еще нужен смысл! Надя любит меня, ей со мной хорошо, я могу дарить ей радость. Если кому-то со мной хорошо, если кто-то искренно рад моему существованию — значит, я уже не зря родился! Значит, мне действительно стоит жить на этом свете!»

### 3

...Когда Андрей, измотанный двухчасовыми восторгами, бесчувственным поленом замер на тахте, Надя легла на бок, подперев рукой голову, и начала острым пальчиком нежно царапать его мокрую грудь. Лакированный ноготок описывал по его коже причудливые трассы, и Андрей досадливо морщился от неуместной щекотки. Однако протестовать вслух, а тем более двигаться, было лень, поэтому он мужественно терпел, надеясь, что проказнице скоро самой надоест ему докучать.

Но девушка, явно нуждаясь в дополнительном общении, никак не хотела отстать. Не дождавшись от Андрея никакой реакции на щекотку, она спросила:

— А правда, что мужчина после сексуального контакта теряет интерес к женщине?

Немного подумав, Андрей признал:

— Обычно так и бывает. После завершения контакта почти мгновенно наступает какое-то отчуждение... Иногда хочется вообще отодвинуться подальше от недавно столь желаемого объекта. Такой перепад и самому мужчине крайне неприятен; но что поделаешь, если природа так нелепо устроила нашу половую структуру! По-моему, в основе влечения к женщине лежит некое любопытство, сродни любопытству открывателя новых земель. Terra incognita манит, притягивает, будоражит воображе-

ние... Когда же любопытство удовлетворено, желаемое перестает казаться столь заманчивым, так как оно уже достигнуто... Но все это касается случайных, мимолетных связей. К тебе же совершенно не относится.

— Хм! А почему?

— Потому что к тебе я испытываю нечто большее, чем только влечение. И еще. До того, как мы с тобой в первый раз... ну, воссоединились, что ли... до этого ты была для меня просто девушкой, которая мне симпатична. После же этого появилось ощущение нашей обоюдной принадлежности друг другу, слитности... Ты стала мне ближе, родней, ты стала частью меня самого...

На губах Нади привычно заиграла улыбка Джоконды. Серые глаза внимательно воззрились на Андрея, перехватив его взгляд.

— Что ты так смотришь? — воркующе спросила она.

— Боюсь.

— Чего боишься?

— Я боюсь, что ты недолго со мной останешься. Совсем скоро ты, наверно, разлюбишь меня.

— Какой странный! С чего ты это взял?

— Ты слишком красива. Во мне же нет ничего, что могло бы удержать тебя надолго.

— Красота не вечна. И она не способна привязать тебя намертво...

— Мне кажется, я и так уже привязан — дальше некуда!

— Нет, Андрей. У тебя есть твой внутренний мир, мир твоих мыслей, взглядов, рассуждений. И этим миром ты дорожишь гораздо больше, чем мною и всем остальным... Помолчи! — Мягкой ладошкой Надя прикрыла ему рот. — Я думаю, мне никогда не удастся стать тебе настолько близкой, чтобы действительно завладеть тобою. Ты никого не допустишь в мир своих мыслей, не дашь погрузиться в глубину своих переживаний. А сама я не донырну... И этот мир у тебя будет всегда, и ты всегда будешь принадлежать ему. Я же красивой буду не всегда. Так что — кто кому надоест раньше? Скорее, я тебе.

Андрей поцеловал ее влажную ладонь, прижал к щеке. Теплый прилив нежности наполнил его до краев и неожиданно хрустальной каплей пробился наружу.

— Что с тобой? Ты плачешь?

— Нет... Просто до нашей встречи я был замороженный. Душа моя напоминала огромный айсберг — такой крепкий ледяной монолит. А с тобою рядом я растаял — и потек... Милая моя, прекрасная женщина, куда же я от тебя денусь! Ведь нигде больше мне не найти подобной тебе, потому что ты не похожа на других. Ты особенная, неповторимая. Ты — единственная! Я не смог бы оставить тебя, даже если бы захотел...

— Даже если бы захотел? Это как?

— Да вот так.

— Объясни!

— Попробую... Раньше, пока тебя не было, меня с жизнью связывало тонкое, но прочное звено, называемое надеждой. В абсолютном большинстве своем люди вряд ли когда-либо бывают по-настоящему счастливы — их тоже связывает с жизнью только это звено. А я к ним уже не отношусь. Я обладаю тобою; ты рядом, ты разговариваешь со мной, обнимаешь меня, ты отдаешься мне — и я счастлив. Я гораздо счастливее того абсолютно-го большинства людей. Потому звеном, соединяющим меня и жизнь, уже не является надежда. Этим звеном являешься ты — Надежда с большой буквы... Смотри: даже имя у тебя символическое, и в том я, честное слово, вижу перст божий!.. До сих пор я жил надеждой, сейчас живу тобой. Ты заменила собою то звено. И если тебя у меня не станет — связующее звено исчезнет, лопнет, и тогда ничто не будет скреплять меня с миром...

— Какие страшные вещи ты говоришь, Андрей! Что ты имеешь в виду?

— Нет, я не подразумевал самоубийства — я не отношусь к породе кретинов! Каждый обязан нести свой крест до конца пути, до самой вершины Голгофы. Но на этой земле человек может пребывать лишь в одном из двух возможных состояний: либо жить, либо ждать смерти... Я вот сейчас живу — благодаря тебе.

Пряча счастливую улыбку, Надя положила голову ему на грудь, затылком к его лицу. Пылающее ушко приятно грело кожу. Поглаживая девушку по спине и ягодицам, Андрей попросил:

— Скажи честно, а что ты умудрилась найти во мне? Почему тогда, в автобусе, ты согласилась со мной встретиться?

Ощувив кожей движение ее щеки, он понял, что красавица усмежается. Немного помедлив, Надя ответила:

— Ты старался выглядеть этаким Казановой, крутым соблазнителем! Храбрился изо всех сил — а сам был такой жалкий, смущенный... И лицо было красное, как у Чингачгука! И на красном лице ясно было написано абсолютное неверие в то, что тебе может что-то удалиться...

— Пожалела?

— Тогда — да... А вообще, сразу поняла, что ты очень отличаешься от прочих...

Донельзя польщенный Андрей зацвел широчайшей улыбкой.

— С тобой страшно, — сказал он.

— Почему?

— Ты сразу все видишь насквозь.

— Но ты ведь тоже все видишь!

— Да. Только я не привык, чтобы видели меня...

## «Мы не виноваты!..»

### 1

Воскресенье выдалось замечательное. Солнце грело ласково, не давая замерзнуть и одновременно не прожаривая насквозь. Народ во всем своем неисчислимом множестве высыпал на улицы, наглядно демонстрируя неистребимую живучесть российского генофонда и его колоссальные потенциальные возможности. Детишки оккупировали пространства между домами, терроризируя бродячих собак и тарзанами раскачиваясь на гибких стволах зеленых насаждений. По тротуарам шуршали спицами колес многочисленные детские коляски. Беременные женщины гордо несли свои животы, вселяя радужные надежды в сердца будущих отцов и служащих военкомата, уставших от хронических проблем с недобором призывников.

Надя грациозно вышагивала стройными ножками рядом с Андреем. Короткое легкое платьице до крайних пределов скромности открывало то, что она при себе имела, заставляя воображение бурно трудиться, чтобы дорисовать все остальное. Мужчины самых разных возрастов, тщетно стремясь сохранить непробиваемо-солидное лицо, хмуро косились ей вслед, безнадежно теряя воскресное настроение от зависти к негодяю, держащему ее под руку. Попадавшиеся навстречу молодые дамы, в таких же легких платьицах, отводили в сторону мраморные физиономии, демонстративно игнорируя могучую конкурентку. Все было чертовски здорово!

Они сходили к ней домой, пару часов приятно пообщались с Надиными родителями и двинулись в направлении его дома уже к вечеру. Солнце, натужно покраснев, удалялось греть европейскую часть материка. Над утомленной топотом многочисленных ног земель установился полный штиль. Ветки молодых берез и кустов уныло поникли, а кровожадные комары, радующиеся безветрию, повисли в воздухе хрупкими столбами, внимательно высматривая себе жертву по вкусу.

Андрей с Надей не спеша брели по широкому бульвару мимо городского парка. Из-за ржавой решетки ограды доносились бодрящие звуки модных мелодий, гнусавый голос дискжокея и восторженный визг тусующейся молодежи. Надя вдруг потянула Андрея ко входу в парк.

- Пойдем на дискотеку!
- Да что там делать-то?
- Пойдем, потанцуем чуть-чуть!
- Пацан я, что ли, — рядом с малолетками прыгать!
- Ну пошли, заглянем только!..

Пришлось принять во внимание незрелый возраст невесты, ветер в голове и тому подобное, что присуще вообще всем моло-

дым девушкам без исключения. Нехотя Андрей позволил увлечь себя в парк, и через минуту они оказались на открытой танцплощадке, в центре которой громоздящаяся на небольшом деревянном возвышении аппаратура целенаправленно сокрушала барабанные перепонки окружающих могучими децибелами. Около сотни молодых людей, непонятно балдея под наркозом собственной оглушённости, синхронно конвульсировали под заданный усилителями ритм, подобно скопищу празднующих добычу людоедов из старого фильма про Робинзона Крузо.

Андрей не любил таких сборищ. Ему было жутко неуютно среди множества незнакомых людей, нездорово возбужденных агрессивным тамтамом рока. И сейчас, стоя неподвижно рядом с беспечно дергающейся в унисон с толпою Надей, он настороженно стрелял глазами по сторонам. Вокруг них группировались стаями подпитые юнцы с бритыми черепами и тупыми физиономиями. Они нагло передавали по кругу ароматные «косяки» с анашой и беспричинно громогласно ржали, отвесив выпяченные губы врожденных дебилов. Стекланные глаза их бесстрастно рыскали по толпе. Андрей, стараясь не встречаться с ними взглядами, ощутил привычную ноющую тревогу, как с ним всегда случалось в подобных местах.

— Что стоишь?! — прокричала Надя сквозь грохот ударника и визг соло-гитары.

Он хотел ответить, но музыка внезапно оборвалась и воздух взорвался восторженными воплями, свистом и рукоплесканиями. Вслед за тем из усилителей полилась какая-то спокойная мелодия, и Надя, повиснув на шее, вынудила его принять участие в медленном танце.

— Сейчас потанцуем и пойдем! — проревел он ей на ухо. Девушка согласно кивнула и прижалась щекой к его груди.

Площадка мигом наполнилась танцующими парами. В страшной тесноте Андрей наступал на чьи-то ноги, сталкивался спиной с потными спинами парней, девушек и подростков. Глухое раздражение перемешалось в голове с недоумением: в чем Надя, его умная, нежная невеста, находит прелесть среди всего этого безумства? Страстно мечтая, чтобы мелодия поскорее закончилась и он тогда смог бы утащить Надю из данного вертепа, Андрей терпеливо перетаптывался вокруг своей оси, по возможности ограждая партнершу от толчков соседей.

В стороне от них вдруг послышались яростные вскрики, тотчас перекрытые визгом и истошными воплями девиц. Плотный бисер голов хаотично заколебался в одном районе, словно воронка на водной глади, и, поредев, сразу рассыпался по сторонам. Несколько бритых черепов броуновскими молекулами активно замелькали на расчищенном пространстве.

«Что там, бабу не поделили, что ли?» — досадливо предположил Андрей, пытаясь поверх голов разглядеть, в чем суть конф-

ликта. Толпа, сжавшись тесней, раздалась в стороны, и на открытом пятачке возникла отвратительная сцена. Пятеро здоровых парней жестоко пинали одного, скорчившегося под их ногами и слабо старавшегося прикрыть руками голову. Музыка оборвалась; стали отчетливо слышны дикие вскрики жертвы и глухие звуки ударов в мягкое живое тело.

Окружив своеобразную арену, молодежь молча стояла плотной стеною, с холодным любопытством созерцая избиение. После какого-то особенно болезненного удара несчастный, судорожно всхлипнув, вскинулся и рухнул на бок. По открытому лицу тотчас с оттягом дважды врезал чей-то тяжелый ботинок. Алая кровь волною окатила бледное лицо жертвы. Упавший перекатился на спину и лег неподвижно, перестав ощущать боль ватным телом. Из бьющей пятерки сейчас же выскочил шустрый детина в черной рубашке. Высоко подпрыгнув, он с хрустом опустил обеими ногами на грудь жертвы. Толпа ахнула — и продолжала наблюдать увлекательное действие с удвоенным интересом.

Кинув на Андрея испуганный взгляд, Надя кошкой вцепилась в его плечо и панически заверещала:

— Андрей, стой!.. Не ходи туда, не надо!

— Отпусти, — еле слышно проговорил Андрей. — Я же не сумасшедший...

Он стоял, опустив глаза, весь полыхая жгучим румянцем. Самому злейшему недругу не пожелал бы Андрей пережить свое теперешнее состояние. Он ощущал себя полным ничтожеством. Ничтожеством, так любящим красивые слова о долге, чести и достоинстве!.. Подобное с ним случалось и раньше, но сейчас рядом стояла Надя, и он был ничтожеством уже не только в своих глазах. Ему ничего не хотелось, кроме как немедленно провалиться в преисподнюю вместе со всем этим скопищем троглодитов, подобных ему самому...

— Андрей, пойдем отсюда!.. Ну, пожалуйста, пойдем... Андрюша, иди же!..

Надя с силой тянула его за руку. Покорно качнувшись, он сдвинулся с места и поплелся за нею, втянув голову в плечи, невольно ловя напряженным слухом звуки непрекращающихся ударов. Вытащив Андрея на асфальтовую дорожку, Надя, всхлипывая и смахивая ладошкой черные от туши слезы, повлекла его в сторону выхода из парка.

«Боже мой, да ведь они убьют его!.. Наверно, даже — уже убили...»

Внезапный одновременный крик сотни глоток заставил их разом обернуться. Возле танцплощадки замелькали синие форменные рубашки и красные околышки милицейских фуражек. В один миг вся толпа была оцеплена кругом. Образовав цепь, стражи порядка отсекали тусовку от внешнего мира.

— Моя милиция меня бережет! — язвительно процедил Андрей. — Явились, как всегда, вовремя, чтобы успешно собрать трупы... Интересно: если их тут сейчас так много, где же они до сих пор ковали?!.

Прервав критический монолог, мимо них с топотом промчалось человек десять коренастых вышибал в темной камуфляжной форме с резиновыми дубинками в руках. Заметив их приближение, толпа панически заметалась, ревя коровьим стадом, пригнанным на бойню. Обречены были практически все, правые и виновные, ибо для омонцовцев, оперативно прибывших на место происшествия, никогда, в общем-то, не существовало принципиальной разницы между этими взаимоисключающими понятиями. И если уж толпа и была похожа на коровье стадо, то молодцы в темных «камуфляжах» точно были прирожденными мясниками!

Последующая сцена наглядно показала Андрею, насколько мудра и предусмотрительна была Надя, выведя его из западни, аки Лота из Содома. Омонцовцы беспардонно разомкнули цепь милиционеров и клином, напоподобие тевтонцев, вломились в беззащитную толпу. Над головами заметавшегося стада взвились черные стержни дубинок, и отрывистое щелканье тугой резины по мягкой плоти наполнило воздух. Толпа, разноголосно моля о пощаде, рванулась сразу во все стороны. Милицейская цепь от напора распалась на отдельные звенья, а вырвавшиеся счастливики кинулись спасаться, бросив своих дам на милость победителей. Прочих «менты» ловили, сбивали с ног и, прижав к земле, заламывали руки. Расходившиеся омонцовцы во все стороны со вкусом раздавали жгучие удары, добивая парализованных внезапной болью тяжелыми шнурованными ботинками. Девицы оглушительно визжали, «менты» в голос орали матом, избиваемые бесполезно надрывали глотки, пытаясь убедить стражей порядка в своей лояльности к действующему законодательству. Над побоищем реял дух вселенского ужаса. Казалось, что у вершащих скорый суд одна цель — как можно больше отхлестать, опрокинуть и повязать бритоголовых. Неясно было только, интересуется ли кого-нибудь судьба той, первой жертвы...

— Пойдем, пойдем отсюда! — снова запричитала Надя, цепляясь за рукав его рубашки.

Андрей дал себя вывести за пределы парка и, отцепив от длинных ногтей невесты ткань одежды, медленно побрел по бульвару. Лицо его, враз осунувшееся, подавленно опустилось долу, спина сгорбилась, плечи ссутулились. Руки беспомощно мелко подрагивали в карманах брюк.

Несколько минут Надя сопровождала его молча, пытливо косясь сбоку. Наконец осторожно взяла под локоть.

— Что с тобой?.. Не молчи, скажи что-нибудь!

Андрей не ответил. Отвечать было нечего.

— Я же не знала, что так получится!.. Если хочешь, мы никогда больше не пойдём ни на какую дискотеку... Ну, не молчи так, а то мне становится не по себе! В общем, все ведь хорошо закончилось: с танцплощадки мы вовремя ушли... Ну, Андрей! Что случилось?

Он на мгновение поднял на девушку мутный взгляд — и тут же опустил глаза. Губы его скорбно дрогнули.

— Ты полагаешь, очень приятно чувствовать себя последней мразью?..

— Ой, что ты говоришь, Андрей! Успокойся... Ну что ты мог сделать?..

— Вот именно, что ничего! — вдруг злобно ощетинился он. — Сколько воют и в прессе, и по телевизору, и в школе во время уроков истории и литературы, что человек должен быть храбрым, мужественным, достойным! А как возможно быть храбрым? Я безоружен. Любой д'Артаньян, лишившись шпаги, утратил бы львиную долю своей отваги. У меня же этой шпаги никогда и не было — могу ли я быть похожим на д'Артаньяна? — Андрей нервно сплюнул, замедляя невольное ускорившийся шаг. — Как министерство внутренних дел горячо протестует против изменения закона об оружии! Как убеждает и депутатов, и общественное мнение в нецелесообразности его изменения! Разумеется, позицию Органов понять можно: им ведь в случае принятия нового закона пришлось бы работать с большим риском. «Брать» вооружённого гораздо сложнее, чем вшестером выкручивать руки безоружному! «Не хотим допустить тотального вооружения криминального мира» — так заявляют эти сраные лицемеры! Только ведь преступник вооружён в с е г д а, и ему побоку, имеет ли он на это законное право. Мы же, законопослушные, всегда разоружены и потому чувствуем себя перед преступником, как ягнята перед волком. Волк — один против нашего множества, но в его полной власти перерезать столько ягнят, сколько заблагорассудится, потому что ему есть ч е м резать!.. Мне кажется, стоит сейчас вооружить всех поголовно, как на Диком Западе, — и не станет в таких масштабах ни грабежей, ни разбоев, ни рэкета. И не будут такие вот шакалы безбоязненно терзать одного целой стаей — ибо маленький «кольт» может в один миг свести на нет всякое численное превосходство. А милицию в таком случае можно было бы и распустить ничтоже сумняшеся — все равно толку с них как с козла молока; никакому криминалу они в последнее время не препятствуют... Разумеется, наше столь «популярное» демократическое государство на это ни за что не пойдёт: ведь обретя оружие, — получив таким образом возможность защищать свою честь, свое достоинство, — мы из безропотных баранов неизбежно превратились бы в гордых граждан, умеющих уважать себя и требующих уважения к себе от окружающих. Как тогда сидеть у нас на шее?

Как проводить на живых людях бесчисленные экономические эксперименты? Конечно, граждане с достоинством никак не нужны ни правительству, ни тем более МВД!..

«Браво! — ехидно поздравил внутренний голос. — Речь, достойная Цицерона и Жириновского! Как ловко ты перевел стрелки! Уже не ты сам, а МВД виновато в твоей трусости!»

Андрей осекся, густо покраснел и, в конце концов решив не щадить своего малодушия, мрачно констатировал:

— Как бы там ни было, а я в очередной раз проявил себя полным ничтожеством...

— Ну вот, опять затянул «за упокой»! — возмутилась Надя. — Скажи честно: ты мог что-то сделать?

— Мог.

— Что?

— Разбить морду кому-нибудь из тех подонков.

— И героически погибнуть заодно с тем несчастным?!

— По крайней мере, героически... — пробормотал Андрей, жадно ожидая, что еще скажет невеста в его оправдание.

— Подумай сам: если бы ты действительно родился абсолютно бесстрашным, то вряд ли дожил бы до совершеннолетия! Вообще, не стоит отождествлять абсолютно разные вещи: трусость — и естественную реакцию на опасность, то есть инстинкт самосохранения, предусмотренный природой для всех живых существ...

— Человек разумен, одухотворен — потому он выше прочих живых существ; на нем лежит гораздо бóльшая ответственность. Если он желает именоваться Человеком — значит, обязан быть выше инстинктов.

— По-твоему, человек не должен дорожить своей жизнью?

Андрей смешался. Помолчав, подумав, сказал:

— Я не могу ответить однозначно. Такими рассуждениями можно оправдать любую низость... Не знаю. Знаю только, что на сегодняшний день я не могу не дорожить жизнью, потому что мне есть что терять. — Он обернулся к Наде, кончиками пальцев бережно убрал прядь волос с ее щеки. — Мне есть что терять, потому что у меня есть ты... Видишь, какое я в твоём лице обрел удобное оправдание своей трусости!..

— Пойдем, Андрей! Пойдем к тебе... Забудь обо всем. Мы же не виноваты, что родились именно в это время и именно среди этих людей... Честное слово, мы не виноваты!

## 2

— ...Грех одного — грех. Грехи всех — добродетель. Те уроды даже не подозревают о том, что совершили зло. Потому что так принято. Потому что жестокость — норма этого общества. Так поступали их отцы, и их деды, и прадеды — так поступают и они.

Их не убедить, что они не правы, ибо присущее большинству считается нормальным. А для того, чтобы постичь обратное, нужно, по крайней мере, иметь мозги.

Они лежали на его тахте, обнаженные, блаженно усталые. Андрей, левой рукою придерживая на груди пепельницу, курил «Магну». Надя, тонкой ручкой подперев голову, наблюдала, как рыхлыми струями поднимается к потолку сизый дым, вырываясь из его легких. Волны дыма стелились по поверхности потолка, клубясь и сгущаясь, создавая иллюзию фантастической перевернутости мироздания.

— Я не люблю людей. Веками эти неудачные создания Творца умножают одно только зло; добро же, как неленое исключение, лишь мерцает микроскопическими звездочками в черном океане тьмы. Они есть, эти звездочки, но им не под силу рассеять мрака. Люди погрязли в собственных пороках, как в нечистотах, и продолжают погрязать все более. Самое жуткое, что им и в голову не приходит попытаться выбраться из нечистот — нет нужды, и так сойдет!.. Иногда мне хочется, чтобы все человечество разом сгнуло вместе со злом, которое оно порождает!

— Но тогда вместе с человечеством исчезнет и добро.

— Добро — это только противовес злу. Если не станет зла, не будет нужным и добро. Останется лишь естественность.

Андрей затушил сигарету, оставил пепельницу на табуретку возле тахты и обнял упругое, томное тело невесты.

— Ах, Надя! Мир так жесток, так ужасен! Если бы было возможно укрыться от него, спрятаться в тебе, опустить лицо между твоих милых грудей — и ничего и никого вокруг не видеть! И не думать ни о чем...

— Так не думай, кто тебя заставляет!

— Думаю я или нет — жизнь от этого не изменяется. И никуда не исчезают из нее ни убийцы, ни садисты, ни маньяки, ни насильники... Они здесь, они живут рядом с нами, и от близкого присутствия их никуда не убежать, ничем надежно не оградиться. Потому что они — везде. А все хорошее так хрупко!.. Вот сейчас мне легко, приятно, я счастлив. Но в любой момент какой-нибудь изверг может ворваться в чужую жизнь и искалечить ее. Или какая-то дикая случайность в один миг разрушит все к черту, отняв у меня или тебя, или здоровье, или, к примеру, конечность какую-нибудь...

— Андрей, перестань! От твоих фантазий с ума можно сойти! — запротестовала было Надя. Однако, помолчав, спросила сама: — А ты смог бы меня любить, если бы меня вдруг покалечило? Если бы я стала инвалидом?

— Конечно, я продолжал бы тебя любить. Любят ведь не за одну красоту.

— А если бы меня очень сильно покалечило... просто изуродовало бы совсем?!

— Даже если бы от тебя осталась только голова... И хотя бы одна ножка!

— Ах, как ты ценишь мои ноги!.. И все же, если бы мне каким-нибудь поездом отрезало обе ноги сразу?

— Все равно любил бы... Надеюсь, хоть грудь-то сохранилась бы?

Оба засмеялись. Обхватив красавицу за плечи, Андрей ласково прижал ее к себе. Сладко вздохнув, Надя размечталась:

— Скорей бы свадьба!.. Мы дадим друг другу обет верности и скрепим его своими подписями... А потом все будут кричать: «Горько!» — и мы будем целоваться при них, без всякого стыда, потому что станем законными супругами... После съездим в Сочи... или в Крым?

— Лучше в Сочи.

— Значит, в Сочи. И там пройдет наш медовый месяц. Мы везде будем появляться только вместе, и я стану спать с тобой каждую ночь! И днем тоже — когда захочу, а не украдкой, словно совершаю нечто предосудительное... Когда же все наконец случится?! Мне кажется, у меня не хватит терпения и сил, чтобы дожить до этого...

— Доживем. Будет и свадьба, и свадебное путешествие, и медовый месяц... Если только...

— Что? — всерьез насторожилась Надя.

— Ну, мало ли что! Зарекаться никогда не стоит: пути господни неисповедимы.

— Нет уж, давай говори, что такое вдруг может случиться?!

— Откуда я знаю! — решил слегка поиздеваться Андрей. — Может, я внезапно передумаю? Все-таки самая лучшая из женщин — это Свобода!

— Я тебе дам свободу! — возмутилась Надя. Широко раскинув ножки, она мигом оседлала Андрея, руками прижав к постели его кисти. Тугие груди с напряженными сосками нависли над его лицом спелыми плодами. — Ах, ты еще и улыбаешься! — воскликнула нимфа и, быстро склонившись, больно укусила Андрея за кончик носа. — Чтоб впрямь у меня забыл обо всех женщинах на свете! В том числе и о Свободе! Понял?

— Понял, — согласился Андрей, с безграничной нежностью взирая снизу на свою богиню. — Прелестная моя Надежда! Загляни в мои глаза — ты, наверно, отражаешься в них — и скажи: разве от тебя можно быть свободным?! И зачем мне свобода, если ради нее я должен был бы отказаться от тебя, от собственного счастья?..

Загадочно улыбнувшись, Надя легла на него, тесно прижалась каждой частицей великолепного тела и стала покрывать лицо жениха мягкими, обволакивающими поцелуями. Андрей ощущал липкие прикосновения ее губ, чувствуя, как беспомощно и стремительно заражается живительной энергией извечного желания. Жесткие

волосы ее лобка похотливо терлись о его живот; каштановые пряди, ниспадая с милой головы, приятно щекотали шею и щеки... Древний инстинкт, молниеносно овладев безвольным сознанием, не позволил Андрею растянуть удовольствие, оставаясь лежать неподвижно. Взвившись стальной пружиной, он опрокинул девушку на спину и долго, безжалостно ласкал роскошное тело, наслаждаясь ее стонами и вскриками, теряя голову при виде блаженно извивающегося перед ним чуда. Горячие руки его скользили по волшебным выпуклостям и погружались в сказочные впадины, исследуя все потаенные уголки сладостно трепещущей плоти, исторгая из нее влагу и наслаждение. Надя изгибалась дугою и опадала вновь, разбрасывала и снова сжимала колени, безумно страдая от возбуждения и не имея сил прекратить страданий. Она слабо молила учителя остановиться — и не желала, чтобы он послушался...

Наконец она сумела прервать сладкую пытку, перехватив его руку и отведя в сторону. Серые глаза, подернутые мутной пеленой, смотрели на Андрея призывно и таинственно темными колдцами расширенных зрачков. Плавающие губки приоткрылись, и жаркий, беззвучный шепот вдохнул в него ее страсть:

— Иди сюда... Иди скорей!..

...Почему христиане полагают, что праведников у входа в рай встречает святой Петръ, гремящий ключами от его врат? Вряд ли любимый ученик Иисуса годится для такой роли: слишком суров лик его и очень уж дика борода, подолгу не стриженная! Да и способен ли непреклонный подвижник символизировать собою покой и радость в небесных чертогах?

Нет, видимо, не зря ангелов изображают с женственными лицами, нежными, безусыми и безбородыми. Ведь только женщине дано вселять в душу любовь и умиротворение. И у райских врат, распахнутых перед входящими, непременно стоит божественно прекрасная женщина, очень похожая на Надю, и ее милая улыбка побуждает навсегда забыть о страданиях и невзгодах земной жизни. И слова ее, обращенные к счастливым, чей тернистый путь остался в прошлом, звучат примерно так же, с тем же призывным выражением, сулящим неземное счастье: «Иди сюда... Иди скорей!..»

### 3

...Уютно устроившись щекою на плече Андрея, Надя безмятежно спала, измотанная бесконечной серией утомительных ласк. Безобразно взлохмаченная простыня неравномерными волнами окутывала мягкое, расслабленное тело. Злобный комар, угрожающе гудя, бесцеремонно опустился на очаровательную попку с явным намерением испортить чудо природы безобразным волдырем. Андрей дунул на голодного кровососа, и маленький хищник, подражая военному вертолету, взмыл вертикально вверх.

Уже и полночь скоро. Давно пора возвратить невесту ее семейству: все-таки они еще не муж и жена. Для Надиных родителей молодые люди просто гуляют, взявшись за руки, или сидят у него дома, наслаждаясь невинными объятиями и целомудренными поцелуями. Надо бы разбудить подругу. Смотри-ка, взяла да отключилась! И спит так спокойно, сопит в две дырки и ни о чем не волнуется, будто уже в супружеской постели! Будить ее невыносимо жалко... «Ладно, схожу покурю, потом растолкаю».

Андрей осторожно снял растрепанную голову девушки со своего плеча, тихо поднялся, зацепил из пачки на табуретке сигарету и вышел на кухню. Встав возле открытой форточки, закурил.

Напоенное приятной истомой, тело блаженно расслаблялось. Удовлетворенный сверх чайний бес миролюбиво свернулся калачиком, отпустив плененное сознание. Трезвые мысли дождевыми червями поползли по извилинам ожившего мозга. Почему-то прежде всего прочего всплыл в памяти невпопад начатый в постели разговор.

«В самом деле, — думал Андрей, стискивая фильтр сигареты сладкими от Надиной помады губами, — ведь в любой момент может произойти какая угодно гадость: можно попасть под машину, отравиться некачественной водкой, нарваться в темном углу на «перо» или «ствол», заболеть раком... Блаженны не думающие ни о чем до поры! Мне бы их беспечность! Но я-то, к несчастью своему, прекрасно осознаю всемогущий закон всеобщего равновесия: «Блаженны плачущие, ибо воссмеетесь. Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете!» Слишком мне сейчас хорошо, чтобы не страшиться неизбежной расплаты за счастье... Хотя почему неизбежной? Живут же многие всю жизнь в здоровье и радости, и ни нелепые случайности, ни личные трагедии их существования не омрачают!..»

Да куда уж там! Многие ли? И как это — «никакие личные трагедии»? Конец-то все равно один; никуда от него не сбежишь, не спрячешься. Фортуна бескомпромиссна: раз положено чему-то в определенный момент произойти, так будь уверен — оно непременно произойдет, а твоим мнением по данному вопросу никто на Олимпе не поинтересуется. Можешь весь день просидеть дома — и, один черт, какая-нибудь беспричинно обрушившаяся балка тебя достанет!.. Что тут поделаешь! Пока ничего не случилось, будем жить и по мере возможностей наслаждаться случайными крохами счастья, перепадающими нам временами от щедрот судьбы!.. А с Надей можно быть счастливым. И я буду счастлив с нею всю жизнь — сколько уж мне ее отпущено. И думать о чем-то плохом мне, право, совсем не хочется!»

Но внутренний голос злорадным аспидом зашипел в уши: «А если она умрет раньше тебя?»

Андрей похолодел. Сердце больно оторвалось и, затихнув, провалилось куда-то в желудок.

«Что ты так потерялся? — мерзко хихикал отвратительный аспид. — Или доселе подобная мысль не посещала твою светлую голову? Подумай: если что-то вдруг случится с Надей, не проклянешь ли ты тот день, когда встретил ее? Не лучше ли жить спокойно, без этого твоего «счастья» — но и без возможности вдруг лишиться его?»

Несколько раз глубоко вдохнув, Андрей заставил сердце испуганным стуком напомнить о своем присутствии. Дважды сильно затянулся и задумчиво, тщательно затушил сигарету. Потом, помолчав, вполне уверенно ответил аспиду:

«Нет. Только пустоте присущ полный покой. Но в пустоте нет жизни... Пусть все остается, как есть. Будущего нам знать не дано, за настоящее же я судьбе благодарен! Чем бы ни закончилось мое счастье — это все равно лучше, нежели спокойный, мертвый вакуум, наполняющий бесстрастную душу. Существование без эмоций безмятежно — но и бессмысленно, бесцветно и прозрачно, как стекло снятых с глаз очков. А в жизни должно — непременно должно! — присутствовать что-то насыщенное цветом, что-то светлое, яркое! Даже если это яркое — обжигает...»

*Не уповай на постоянство,  
Гони навязчивую блажь,  
Когда бесцветное пространство  
Вдруг оживит цветной мираж.*

*Он — только плод воображенья,  
Мечта тоскующей души.  
Отринув трезвые сомнения,  
Привыкнуть к чуду не спеши —*

*Тотчас безжалостная сила,  
Как кость у гладного раба,  
Отнимет то, чем поманила  
Тебя насмешница Судьба...*



## Часть вторая

*«Когда я чаял добра, пришло зло;  
когда ожидал света, пришла тьма».*  
Книга Иова. 30, 26.

*«Не удаляйся от меня, ибо скорбь  
близка...»*

Псалтирь. 21,12.

...На девять месяцев ушло полчаса воспоминаний. Для оставшихся полутора часов есть всего два неполных месяца... Правда, эти два месяца стоят нескольких жизней. Ведь время, как все в этом мире, — понятие относительное. Вот и в учебниках истории четырем годам Войны уделено столько же места, сколько сорока годам последующего мирного строительства. И люди, пережившие Войну, а после прожившие еще почти полвека, вспоминают именно тот отрезок жизни особенно ярко и подробно, словно четыре года поглотили всю остальную жизнь, оставив лишь жалкие, незначительные крохи — будто только для разнообразия... Да, время — вещь относительная. Все на Земле относительно. Абсолютны только понятия Добра и Зла, ибо они одни вечны и неизменны.

...Где же начало всему случившемуся после? Где исток того ужаса, отрезавшего, отбросившего всю предыдущую жизнь куда-то в область нереального, сделавшего все проблемы мелкими, радости и огорчения ничтожными, не имеющими совершенно никакого смысла и значения? Где первое звено этой цепи? Мог ли он сделать так, чтобы этого звена не было, чтобы не возник, не оформился крохотный элемент, породивший череду взаимозависимых случайностей, совпадений, уже неизбежных и predeterminedенных предыдущими? Или и его действия подчинялись фатальности, и он делал шаг за шагом обреченно, заранее запрограммированно? Может, вообще все запрограммировано, мы же лишь наивно полагаем, будто о чем-то думаем, что-то планируем, совершаем благородные и недостойные поступки, изменяем собственную судьбу и участвуем в судьбах окружающих людей, государств, континентов, самой цивилизации? А все идет по заранее расчерченному плану, и происходящее с каждым человеком является маленькой составной частью грандиозного проекта, твердо и неуклонно ведущего к какой-то нам, убогим, неведомой цели? И можно ли надеяться, что цель эта — светла, а все жертвы — необходимы?

...Как отрадно было бы думать именно так! Ни в чем не раскаиваться, ни за что себя не казнить, а главное — ни за что не волноваться. Не грести изо всех сил веслами, пытаясь угадать верное направление, — а спокойно лечь на дно лодки под крепким парусом и безмятежно глазеть в синее небо, терпеливо ожидая, когда тебя вынесет на спасительный берег или разобьет в щепки о подводные камни... Только кто же станет за тебя совершать все то, что ты должен совершить? Или все происходит само собою, без твоей вины и твоей заслуги? То есть: ученым предначертано делать открытия, героям предписано совершать подвиги, инквизиторы обречены были жечь еретиков, а убийцы — умерщвлять живых людей?! И существуют ли, в таком случае, Добро и Зло как конкретные явления, раз никого ни за что нельзя осудить, и никем и ничем невозможно восхититься? Ведь в с е м — в с ё было изначально предписано свыше, и никто ни за что не может нести ответственности!

«...Ах, если бы можно было так просто себя обмануть! Только я знаю, что мои поступки зависят от моей воли, ибо мой разум — частица Бога, и у него тоже широкие полномочия. Я знаю, насколько я виновен. Мне известно, что я запросто мог не допустить самого страшного, мог не позволить этому произойти. И как легко это было сделать!..»

...Все началось с его громкого увольнения. С того эффектного жеста, перечеркнувшего разом все лучезарные планы, отсрочив их исполнение на неопределенное время. Если бы Андрей не бросил на стол перед начальником цеха свое наспех накарябанное заявление, не было бы того рокового звена, влекущего цепь... Но мог ли он не написать того заявления? Нет. Вот здесь-то, пожалуй, предопределение сыграло решающую роль. Потому что Андрей слишком часто учил других правильно жить; он упрямо и навязчиво понуждал людей видеть себя во всей своей жалкой ничтожности, трусливой неприглядности; он слишком убежденно доказывал им, что Достоинство и Принцип — превыше всего. И тогда, столкнувшись лицом к лицу с привычным, заурядным человеческим свинством, он не мог поступить, как они, ибо сразу превратился бы в одного из них — в безликого плебея, деталь толпы. Он перестал бы существовать как Андрей Белкин не только для окружающих, но и для себя самого.

...Однако само по себе увольнение не могло быть первым звеном: ведь сначала было то, что явилось поводом для увольнения. Было общецеховое собрание. А до того было несколько кляуз от мастера Хакимова...

Вот оно, начало всех начал — назначение нового мастера в их бригаду!.. Да, именно с этого момента черед событий перестала зависеть от одной воли Андрея. Именно тогда на смену ожиданиям и планам явилась слепая, безумная, бессмысленная кровавая рулетка...

# Алое на сиреновом

## 1

Хакимова кто-то явно искусственно протолкнул на эту должность. С самого его появления стало ясно, что он с их видом производства незнаком и даже в самых общих чертах не представляет, чем здесь занимаются рабочие. Зато распоряжения отдавал четко, грозно, ни к чьим советам не прислушиваясь и никакой корректировки не допуская. От его «творчества» у подчиненных сводило челюсти; мужики ржали взахлеб, пересказывая друг другу очередные приказы «новой метлы», как свежие анекдоты, — правда, втихаря, когда страшного татарина, пользующегося безусловным доверием и покровительством начальства, поблизости не наблюдалось. Петрович же — бывалый волк, не без оснований верящий в то, что двадцатилетний стаж ударной работы на родном предприятии и общее признание в нем высококлассного специалиста служат ему непробиваемой броней от любых репрессий. И он презирал мастера открыто. А однажды, взвинченный очередной глобальной «мудростью» шефа, при всей бригаде назвал его в глаза долбо..ом. Так и сказал: «Хакимов, да ты долб..б!» Хакимов никак не отреагировал, будто не расслышал, и впредь вел себя как обычно, ничем не выказывая своего отношения к оскорблению. Но с того дня в контору ручейком потекли из-под его пера компроматы на Петровича.

Сначала появился компромат № 1: такого-то числа такой-то находился на рабочем месте в нетрезвом виде; через несколько дней последовал компромат № 2 — близнец первого; на следующей неделе — близнецы 3 и 4... Надо сказать, что в бригаде, в самом деле, любили приложиться к зеленому штофу — также, как любят это в любой бригаде на любом предприятии, поднимающем разрушенную Перестройкой экономику Российской Федерации. Пили все — но компроматы поступали только на Петровича. Сам Хакимов при личных встречах с начальством как мог подливал масла в огонь.

Вода камень точит. В конце концов в «верхах» сложилось мнение, что высококлассный специалист Петрович — самый зловредный тунеядец и пьяница Западной Сибири, который, — хуже любого диверсанта, — внедрившись в доселе трудолюбивую непьющую бригаду, не только сам на глазах деградирует, но и успешно разлагает весь коллектив. Начальник цеха, а затем и сам ведущий инженер лично пытались воздействовать на уснувшую совесть старого вредителя и неоднократно предупреждали Петровича о неизбежных последствиях. Но, судя по неиссякающему потоку докладных записок от мастера, тот не желал внять добрым советам, а напротив, заметно активизировал свою подрывную де-

тельность. Особенно наглядно это проявилось семнадцатого июля, когда Петрович, используя в качестве предлога свой день рождения, принес на работу два литра отменной «Столичной», втянув в грязную провокацию всех членов бригады. Данное событие послужило для долготерпения высоко нравственных руководителей последней каплей, переполнившей чашу. По своевременному сигналу (в виде телефонного звонка) бдительного Хакимова большие начальники внезапно появились на «банкете» в момент, когда один из пожилых членов коллектива аккуратно и уважительно дергал Петровича за уши. Четыре опустошенных бутылки, пятнадцать пятидесятиграммовых стопок и сам виновник торжества, таким образом, были взяты с поличным.

Через день, как раз в конце Андреевой вахты, было назначено общецеховое собрание по вопросу повышения трудовой дисциплины. Что конкретно означала данная формулировка, было ясно как божий день. В преддверии предстоящих испытаний коллеги в один голос поклялись Петровичу, что будут отстаивать его, а также свои честь и достоинство, до последней возможности. Героические ребята были настроены чуть ли не на массовое самоожжение!

Однако, по мере приближения решающего момента, боевой пыл угасал, аки свечной фитиль, лишившийся восковой оболочки. Войдя в заполненный зал, потомки героев Полтавы и Бородино попытались тихонько юркнуть за спины впередисидящих. Но председательствующий на собрании начальник цеха трубным голосом потребовал: «Третья бригада — вперед!» — и доблестные закулисные ораторы побитыми щенками поплелись к специально для них оставленным местам в первом ряду.

Затем все пошло по обычному плану. После вялого обсуждения текущих вопросов перешли непосредственно к дисциплине, а от дисциплины естественным путем — непосредственно к Петровичу. Незадачливого именинника попросили выйти к президиуму, и пока он стоял в позе закоренелого двоечника на родительском собрании — сцепив перед собою кисти рук и опустив глаза долу, — председательствующий с выражением, уместным, пожалуй, при цитировании монолога Гамлета, зачитал по очереди все хакимовские кляузы.

По залу пробежала зыбь крайнего недоумения. Потрясенные взоры обратились на автора декламируемых творений. Хакимов сам сидел в президиуме, поэтому смотреть на него всем было удобно. Андрея тогда поразило его лицо — спокойное, немного усталое, лицо человека, честно и до конца исполнившего свой долг. Хакимов не отводил глаз, не краснел и не напускал на себя стыдливой озабоченности — нет, он смотрел людям в зале прямо в глаза, строго и внимательно, а подбородок его был даже приподнят чуть выше обычного уровня. Он был горд собой; он в самом деле, и с к р е н н о, считал, что выполнил свой долг!

«Ну что ж, — подумал тогда Андрей, чувствуя, как закипающая где-то внутри него желчь стремительно поглощает привычное ощущение робости. — Пора и нам исполнять свой долг! — И, прислушавшись к гробовой тишине в первом ряду, сделал наивнейший вывод: — Напряглись и ждут лишь сигнала! Видно, в любом деле нужен застрельщик. И сегодня им придется быть мне, молодому...»

## 2

... — Какие будут предложения по Кузнецову? — Начальник цеха гипсовой мумией уставился в зал.

Зал молчал. Это было вполне предусмотрено; выдержав необходимую паузу, ведущий инженер изрек судьбу Петровича:

— Мне кажется, мы и так слишком долго нянчились с Кузнецовым — из уважения к прежним заслугам. Мы предупреждали его несколько раз. Он все наши предупреждения игнорировал... Да еще и своего мастера оскорбил при всем коллективе... нецензурно. Это уж ни в какие рамки!.. — Ведущий инженер потерянно развел руками, пытаясь лучше донести до публики весь ужас последнего преступления, и, вновь сложив руки на столе, приговорил: — Я предлагаю Кузнецова уволить. По тридцать третьей статье трудового законодательства.

— Так, — монотонно откликнулся председательствующий, вставая и ощупывая зал взглядом удава. — Другие предложения есть?

Несколько секунд тщетно прождав, что подаст голос кто-нибудь постарше и поавторитетней его, Андрей досадливо дернул головой и поднялся с места.

— Есть!

Это не было запрограммировано. Устремив на него десятки пар глаз, зал затаил дыхание.

Андрей судорожно сглотнул и произнес немного срывающимся голосом:

— Я предлагаю взять Кузнецова на поруки...

— Ну-у, это можно было раньше, когда его предупреждали! — перебил начальник цеха, безнадежно махнув рукой.

— Я не закончил, — угрюмо парировал Андрей. — Я предлагаю взять Кузнецова на поруки, а Хакимова — уволить.

Членов президиума будто током дернуло; даже у Хакимова глаза стали большими, как у истинного арийца.

— За что? — спросил потрясенный председатель собрания.

— За подлость!

Андрей ожидал восторженного гула голосов, одобрительных выкриков, может быть, даже оваций. Но парадоксальным образом тишина в зале сгустилась еще сильнее. Члены президиума молча сверлили его глазами; даже обреченный Петрович смотрел испод-

лобья взглядом кролика. Начальнику цеха, ввиду исполнения обязанностей председателя, пришлось опомниться первым.

— Ты, Белкин, давай не умничай! — В голосе его явственно звучало раздражение. — Садись на место!

— А чего вы меня сажаете! — взъярился Андрей, кажется, излишне выпучив глаза. — Вам поступило предложение — ставьте на голосование! — И, немного собравшись, уточнил членораздельно: — Вы обязаны поставить предложение на голосование.

— Я лучше знаю, что я обязан! — повысил голос председатель. Он неловко потоптался на месте; однако деваться было некуда — показуха есть показуха! — Хорошо. Кто за предложение Белкина, прошу голосовать.

Андрей обернулся к залу. Ни одной руки, поднявшейся ему в поддержку! Стадо молчало, даже не блеяло хотя бы вполголоса. Соратники смотрели на него, как на новые ворота, в их глазах было удивление — и ничего более... Андрей ощутил, как помимо воли лицо его скорчивается в безмерно презрительной гримасе.

— Кто за первое предложение... — Голос председателя заметно оживился. — ...уволить Кузнецова, прошу голосовать.

И, словно дулом автомата, повел глазами по рядам. Под его взглядом медленно, неохотно поднимались над головами руки, пока наконец ими не заполнился весь зал.

— Решение принято, — облегченно констатировал председатель. — Единогласно. — Он поудобнее угнездился на стуле — и внезапно зло воскликнул: — Да сядь ты, Белкин! Выше все равно не вырастешь!

— Кончай гавкать! — агрессивно огрызнулся Андрей. Не обращая внимания на окостеневших в священном трепете членов президиума, засунув обе руки в карманы ветровки, он уставился на толпу. Помолчал и выдал: — Бараны! — Помолчал еще и выдал дальше: — Ведь среди вас половина — беспробудные алкаши! А другая половина — злостные прогульщики и откровенные саботажники...

— Белкин! — истошно заорал начальник цеха, в панике успев забыть про личный моральный ущерб. — Ты здесь не на улице! Чего митингуешь!

— В самом деле, — согласился Андрей, удивленно дернув плечом. — Перед кем здесь митинговать и кому что доказывать? Среди вас ведь нет ни одного человека. Только бараны! — (В это слово он произвольно вложил все свое безграничное презрение, потому слово получилось похожим на тигриное рычание.) — Черт его знает, как я вместе с вами работал столько лет!..

Отвернувшись от немого зала, он подошел к столу президиума, вытащил из-под руки опешившего секретаря кипу бумажных листов, поверх которых красовался протокол собрания. Затем вытянул чистый лист, из руки того же секретаря выдернул ручку; разложив лист

на столе, быстро и небрежно набросал заявление на увольнение по собственному желанию со следующего дня и, развернув на сто семьдесят градусов, оставил его перед начальником цеха. Вернул ручку секретарю и, стараясь не встретиться ни с кем взглядами, обогнул по-прежнему траурно молчащие ряды кресел и вышел из зала, совершенно непреднамеренно хлопнув дверью.

### 3

— ...Значит, теперь ты безработный... — упавшим голосом подвела черту Надя, выслушав его рассказ.

Андрей пожал плечами.

— Выходит, так.

— Но, наверно, ты можешь забрать заявление?.. Сделать что-нибудь; объяснить, что погорячился?

Андрей изумленно воззрился на нее. Он рассчитывал встретить сочувствие и одобрение своему гордому, мужественному постуку. Он ожидал, что предстанет перед любимой девушкой еще большим ковбоем, чем прежде, хотел услышать слова поддержки и ободрения. Вместо этого Надя пронзала его ледяным взглядом, и ни солидарности, ни простого сочувствия в ее взгляде не ощущалось.

— Ну что ты смотришь! — Она возмущенно взметнула стрелки бровей. — Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я тебя не понимаю, — потерянно промямлил Андрей. — Ты что же, предлагаешь мне пойти с повинной?

— Да! — жестоко подтвердила Надя. — Поговорить с начальником цеха, с ведущим инженером, с этим вашим Хакимовым. Объяснить им, что ты был не прав, но впредь подобного не повторится. Они тоже люди, должны понять.

Андрей понемногу начал приходить в себя. Он продолжал пристально смотреть в лицо невесты, такое незнакомое сейчас, с непривычным холодным взглядом серых глаз, и жуткая горечь поднималась откуда-то из желудка, горячей спазмой подкатывала к горлу. Он чувствовал: еще немного — и из-под век его ручьем побегут слезы, поэтому усиленно щурился, боясь говорить, так как голос, дрогнув, мог выдать его слабость. Наконец он все же решился и спросил, слегка растягивая слова:

— Ты предлагаешь мне полизать пятки этим засранцам?

— А что ты еще сможешь! — воскликнула Надя. — Ты прямо сейчас найдешь работу, да еще чтобы тебе сразу дали оплачиваемый отпуск? Ты забыл, что у тебя через два месяца свадьба?!

Она отвернулась и застыла неподвижно, подперев кулачком подбородок. Андрей опустил глаза в пол и долго молчал, прислушиваясь к гулкому, как в колодце, набату в груди. Уши его пылали; дыхание было настолько горячим, что обжигало горло... Потом спокойно сказал:

— Я не пойду с повинной и не стану никому лизать пятки.

Надя безнадежно махнула рукой и возвела глаза к потолку, словно вопрошая: Господи, за что мне такое наказание? Тяжело-тяжело вздохнув, подвела итоги:

— Короче, и поженились, и съездили в свадебное путешествие... В чем-то ты куда как умный, а здесь оказался дурак дураком!

Это было самое худшее, что она могла сказать. Ведь Надя знала Андрея очень хорошо. Он раскрывался перед нею, как бутон перед солнцем, не замыкаясь и не надевая масок, как делал это, общаясь с другими. Он открылся ей полностью, открылся изнутри, как открываются, наверно, только перед Богом. Он доверчиво показал ей мишень своей души, будучи уверен, что Надя никогда этой мишенью не воспользуется. А она выстрелила — и попала в «десятку»...

Андрей ответил ей. Он вложил в короткую фразу все свое разочарование, всю обиду и отчаяние:

— И ты такова же, как все!

— Как все?! — вскинулась Надя, задохнувшись от гнева. — А в чем, собственно, ты меня упрекаешь? Да, я обычная женщина, чего ты никогда не желал замечать. Я просто женщина, и я не хочу быть Жанной д'Арк. Я не хочу постоянно идти на костер! Я хочу быть просто по-женски счастливой: хочу иметь нормального мужа, нормальных детей, нормальный дом и нормальный доход. Мне не светит все время волноваться за других и ежедневно ожидать, что мой супруг-филантроп может ввязаться в какие-то неприятности, заступившись за очередного алкаша! Мне не нужны твои вечные проблемы, связанные с железными принципами и высокими идеалами! Я хочу жить уютно и спокойно; и я имею право на обычное человеческое, женское счастье!

Теперь и Андрей ощутил, как горячая спазма обиды уступает холодной злости. Он терпеливо дослушал тираду невесты, затем заговорил сам. И слова его, произносимые спокойным, ровным голосом, падали на территорию противника тяжелыми снарядами.

— Да, так оно и есть. Одним женщинам для счастья нужно уважать своего мужчину. Другим — чтобы он не высывался за установленные ею рамки. Ты, как только что выяснилось, относишься ко вторым... Но сама ты здорово ошиблась в выборе. Я не стану тихонько сидеть в определенных тобою границах. Потому что я — мужчина, а не слизняк, всю жизнь липнувший к бабьему подолу!

Надя рывком вскочила с дивана и почти бегом устремилась в прихожую. Андрей, сумрачно хмурясь, автоматически определял по доносившимся звукам порядок срывания с вешалки деталей одежды. Когда неровно затукали надеваемые туфли, он тяжело поднялся и вышел к ней.

— Я тебя провожу.

— Не надо! — Девушка нервно забивала пятку в лодочку туфли. Плащ был распахнут, и ее рука торопливо зашивала в карманы болтающиеся концы пояса.

— Как бы там ни было, а проводить тебя я обязан. Одиннадцатый час как-никак...

Надя резко повернулась к двери и с металлическим грохотом начала вращать один за другим вертушки замков. Она часто и громко всхлипывала. Узкие плечи беспомощно вздрагивали.

— Подожди... — Андрей осторожно ухватил ее за рукав. Надя вырвалась и, распахнув дверь, выскочила наружу. По ступеням лестничной клетки гулко загрохотали быстро удаляющиеся каблуки.

Андрей раздраженно захлопнул дверь, несколько секунд столбом простоял в прихожей, переваривая все случившееся, потом поспешно пересек квартиру и выглянул в окно. Внизу сердито взмахнул сиреневым крылом Надин плащ. В наползающих на город сумерках девушка, на ходу застегиваясь, стремительно удалялась.

Когда сливающееся с сумерками пятно плаща растворилось за углом, Андрей уселся в кресло, закурил и долго внимательно наблюдал за штормящим под потолком озером дыма. Выбитый из колеи событиями бурного дня, мозг с пониманием воспринял новую задачу — отвлечься и успокоиться.

Незаметно закончилась одна сигарета, затем вторая... Затухив третью, Андрей уже прикидывал: завтра пойти к невесте с мирной инициативой или выждать дня три, чтобы Надя посильнее соскучилась. Может, она даже испугается, что Андрей никогда больше не придет, и явится к нему сама... Он встретит ее молча, без слов отстранится от двери, пропустив в квартиру, и так же молча захлопнет дверь. Взгляд его будет суровым — но не осуждающим, а скорее грустным. Надя же будет жалкой, растерянной, горько страдающей из-за того, что по своей девичьей глупости едва не лишилась такого достойного, такого надежного, умного... словом, весьма незаурядного мужчины. Глядя на него снизу вверх сквозь заплаканные ресницы, она станет — также молча, одними глазами — умолять его о великодушии. И тут он обнимет ее, крепко-крепко прижмет к себе, привычно утопая лицом в каштановых волосах. А Надя вдруг бурно разрыдается, насквозь промочив слезами его рубашку; после же, судорожно всхлипывая, дрожащими губками пролопочет: «Я не знаю, что тогда со мной случилось. Как будто кто-то все говорил за меня моим языком... Знаешь, наверно, это из-за того, что в тот день у меня начались месячные...»

Андрей засмеялся и, подавившись дымом четвертой сигареты, громко закашлялся. «Какие глупости в голову лезут!..» Курить больше было не вмоготу, а пепельница переполнена. Он подошел к окну, выбросил окурки в форточку и некоторое время стоял, прижавшись лбом к стеклу, и смотрел на то место, где скрылся от его

глаз сиреневый плащ. Недавние сумерки налились чернилами, слишком быстро переходя в короткую июльскую ночь.

«Надо было все-таки ее проводить», — досадливо подумал он, ловя краем уха нецензурные выкрики беснующейся на улице пьяной либо обкуренной молодежи. Сердце вдруг стиснуло какой-то неясной тревогой. Он несколько раз глубоко вдохнул; однако грудь продолжало стискивать, словно панцирем. «Вот черт! После всего ныне случившегося вполне естественно было бы помереть от инфаркта!..»

Андрей включил магнитофон, опустил в кресло и закрыл глаза. Он всегда легко расслаблялся под мелодичное пение нежногласного Дэвида... Но время шло, композиция сменяла композицию, а сердце стискивало так же сильно. Потом Андрей кожей ощутил ползущие со лба на переносицу струйки пота. Мотор в груди стучал с натугой, будто некто сдерживал его работу, зажав в кулак. Андрею стало не по себе. Он залез в шкаф, долго рылся среди разнообразных медицинских препаратов, кусков марли и ваты; наконец выудил пузырек с валериановой настойкой. Тщательно изучив предписание о дозировке, выпил, сколько положено. Опять опустил в кресло и стал ожидать результата.

Минутная стрелка на циферблате совершала оборот за оборотом. Легче Андрею не становилось. Напротив, мотор стучал со все большим надрывом, а дикая, безотчетная тревога разрасталась, охватывая все существо, леденя пальцы, осушая горло и рот, постепенно переходя в какое-то необузданное, хаотическое смятение...

«Может, «скорую» вызвать? Или еще валерьянки?.. Что-то она медленно действует...»

...В одно мгновение боль исчезла. Тревога как-то враз улетучилась; рука, сжимавшая мотор, разжала стальные пальцы. Внутри тела воцарилась легкая, безмятежная пустота, словно сердце там вовсе отсутствовало. Пульс, однако, был на месте — стало быть, нормальное функционирование организма восстановилось. Андрей с наслаждением вдохнул полной грудью и блаженно обмяк в кресле.

«Надо же, как нервишки сказываются!.. Вообще, стоит научиться воспринимать все происходящее более философски. Чуть коньки не откинул — а собственно, из-за чего! Подумаешь, с невестой поцапались — не в последний раз, я полагаю... Ну, Надежда! Ну, нежная подруга! Воистину, ни одна женщина не заслуживает столько внимания, сколько она требует... А все-таки, что это со мной было?..»

#### 4

...Лучше бы ему никогда не узнать ответа на этот вопрос. Лучше бы сердце его, не выдержав железной хватки неведомой руки, остановилось совсем, и разум, прочувствовавший совершающееся

на расстоянии, погас бы с последним его ударом... Но получилось иначе, и он обречен был узнать, как все было. Он после выяснил, довольно подробно, как это происходило, а воображение постепенно дополнило, дорисовало, оформило до мельчайших деталей то, что с тех пор, подобно видеозаписи, навязчиво прокручивается перед его глазами сотни и сотни раз. Он придумывал, искусственно создавал это видение, перебирая варианты; гнал его от себя — и призывал вновь, пока наконец не обрел его в законченном виде. После он видел всегда одно и то же — неизменно и постоянно, и он был уверен, он знал, что это было именно так, и никак иначе, словно он сам присутствовал там. Словно он все-таки провожал Ее — незримо и бестелесно. Словно душа его, все видящая и слышащая, но неспособная ничего изменить, шла за Ней по пятам...

...Вот Она быстро движется по скудно освещенной улице, потом сворачивает в проходной двор. Почти бегущие ножки мелкими шажками прочерчивают по диагонали клетку двора и выносят девушку к узкому проходу между глухим забором детского садика и горячей электрическим светом вереницей окон высокого трёхкорпусного дома. Она продолжает торопливо перебирать ножками, бессознательно стремясь скорее проскочить своеобразный туннель, беззвучно кляня себя за то, что, охваченная обидой и злой досадой на Андрея, помчалась по темному городу пешком, вместо того, чтобы остановить на улице машину или подождать последнего автобуса. Досада и злость медленно, нехотя успокаиваются, подобно зубной боли, зато обида растет, заливая штормовой волной, впитываясь в мозг, как в губку. Сквозь висящие на ресницах мутными шариками слезы преломляются, дрожа и неестественно растягиваясь, светящиеся слева окна. От этого света тьма под окнами сгущается еще сильнее, совсем поглощая противоположащий забор, злорадно подставляя кочки и мелкие ямки в песке. Надя чуть не на каждом шагу спотыкается, всякий раз громко всхлипывая от неожиданности.

Половина мрачного туннеля осталась позади. С другого конца его на густо-синем фоне, разделяющем дом с забором, возникают, как призраки, три черных силуэта. Слегка покачиваясь, они медленно движутся навстречу. Девушка невольно замедляет шаг, затем, приняв в сторону, идет почти бегом, рукою придерживая открывающиеся на ходу коленки полы плаща. Силуэты впереди движутся молча, не меняя скорости и никак не реагируя на встречу. Когда до них остается не более пяти шагов, Она краем глаза замечает выплывший справа вечно распахнутый вход в садик с разведенными половинками высоких ворот в виде абстрактного узора из металлических прутьев. Вот три мужских фигуры поравнялись с Ней... Вдруг одна из них резко прыгает в Ее сторону; девушка по инерции втыкается лицом в чужой подбородок. Испу-

ганно отпрянув, Она останавливается напротив мужчины, широко раскрыв глаза. Фигуры раздражаются отвратительным издевательским смехом. Но смех как-то сразу обрывается — и Она внезапно осознает, что окружена. Трое пьяных молодых людей с вожделенным любопытством разглядывают Ее, а девушка вертится на месте, как попавший в западню зверек.

— Ух ты!.. — с восторженным удивлением выдыхает один из них. — Какая телка, бля-а!..

— Ну вот, а ты базарил: баб не найдем! — Второй радостно сверкает стальными фиксами. — Не зря шампанское взяли.

— Не бойся, красавица, — хриловато произносит третий, слясь растянуть сумрачное лицо в несвойственной ему улыбке. Он на голову выше остальных; плечистая фигура, надвигаясь на Надю, закрывает синеющий в нескольких шагах конец туннеля. Она пятится от него и, упершись спиной в другого, отскакивает, словно обжегшись.

— Да не бойся, — негромко убеждает высокий. — Мы — ребята хорошие, ничего плохого не сделаем. Пойдем в садик! Посидим, пообщаемся, шампанского выпьем!

— Специально для тебя взяли, — вворачивает тот, что стоит сбоку, и в доказательство дружеских намерений демонстрирует зажатое в кулаке толстостенное горлышко.

— Пропустите... Что вам нужно?.. — лопочет Надя сдавленным голосом. — Меня дома ждут...

— Ы-ы-ы... — плачуще тянут двое.

Высокий назидательно произносит:

— Приличные девушки в такое время давно лежат в постельке со своими е..рями. Одни б..ди по улицам шарахаются. Так что не пой нам, красавица! Мы ведь по-хорошему с тобой разговариваем, как с честной женщиной...

— Мне, правда, надо домой... — едва не плачет девушка. — Пропустите, ребята...

— Тихо! — внушительно говорит высокий, придвигаясь вплотную. От его ровного, без эмоций, голоса Она замирает в ужасе. — Тебе что, целку терять? Трех мужиков не выдержишь, что ли? На дворе лето, жопа не замерзнет. А у нашего корефана сегодня день рождения. — Высокий кивает на того, что с бутылкой. — Четвертак разменял. Надо отметить по полной программе, а денег на шалав, как назло, нету. Войди в наше положение!

Девушка в безумной надежде оглядывается на освещенные окна и делает резкий вдох, намереваясь закричать. Но мокрая ладонь стоящего сзади зажимает Ей рот; высокий, оторвав от земли, подхватывает за ноги и приглушенно приказывает:

— Давай туда!

Она извивается, обеими руками пытаясь оторвать от лица душащую Ее ладонь. Но силы у трех мужиков на одну девушку

хватает с избытком. Стиснув гибкое тело железной хваткой, мерзавцы несут Ее, как украденную ценность, вглубь детского садика, вносят в беседку и опускают на пол. Надя забивается в угол и из мрака глядит на мучителей распахнутыми отчаянием глазами.

— Только не кричи! — многообещающе внушает высокий. — Я тебя прошу...

— Что вам надо?.. — снова бессильно стонет девушка. Двое скотов, удалившись от жилого дома на безопасное расстояние, позволяют себе громогласно заржать. Однако высокий обрывает:

— Тихо, бля!.. — Затем, удивленно вскинув брови, обращается к жертве: — Ты что, совсем глухая или прикидываешься? Не знаешь, что бывает надо молодым мужикам от таких телок?..

Он протягивает пальцы к поясу Ее плаща. На запястье чудовища криво пляшут четыре фиолетовые буквы: КОЛЯ. Надя с силой толкает его в грудь и, как в омут, бросается к выходу из беседки.

Но могучие руки перехватывают Ее и швыряют обратно, в глухую темноту. Высокий, сжав тонкие губы, наотмашь бьет Ее мозолистой ладонью по уху. Девушка отлетает в угол, ударяется головой о скамейку... Голова звенит; в глазах качается, переливаясь, темно-синяя пелена, просеенная мгновенно вспыхивающими микроскопическими искрами... Сквозь равномерный, нудный гул Она безотчетно улавливает деловые распоряжения главаря:

— Зае..ла, падла! Все, хорош выё..ваться... Чё, Лёха, начинай — ты ж именинник! Мы подержим. Давай пузырь...

Именинник отдает бутылку с шампанским высокому. Трое палачей, возбужденно сопя, стискивают девушку, прижимая руки и плечи к полу, а голову к стене беседки. Лёха, криво улыбаясь, тщательно расстегивает ремень и пуговицы на брюках...

«Нет! — истошно вопит взвихренное сознание. — Этого не может быть! Это происходит не со мной!! Этого не может со мной произойти!!!»

С отчаянной силой Надя вскидывает ногу и бьет нависающего над Ней мерзавца каблуком куда-то в центр его бесформенного силуэта. Вскрикнув, тот отскакивает назад.

— Ах ты, с-су-ука! — изумленно шипит жуткий голос главного зверя. Железная пятерня хватается Ее за волосы и трижды сильно ударяет затылком о дерево стены. Девушка обмякает, на мгновение перестав ощущать напряженное тело... Но сознание воздействием ужаса и тревоги вырывает Ее из молниеносного забытья. Она уже стоит на коленях. Могучие руки фантастических великанов удерживают Ее с двух сторон, а раненное Ею животное вновь нависает над миром, вплотную прислоняя себя к Ее лицу. Она пытается отвернуть лицо, изо всех сил сжимает губы... Но демонический голос сверху, из черных космических глубин, яростно грохочет:

— ...твою мать! Да куда ж ты, падла, денешься!..

Железные пальцы зажимают Ей ноздри. Помимо воли, не вникая уже голосу парализованного рассудка, задыхающийся организм заставляет рот широко раскрыться... Вселенная рушится, летит в бездну, унося с собою в огромную черную дыру сознание, чувства, физические ощущения — все, все... Лишь последняя искра исчезающего мира, последний импульс бывшей жизни, дает Ей способность остатком сил стиснуть зубами омерзительную плоть зверя...

— А-а-а!!! — дико орет животное и, сломавшись пополам, исчезает, проваливается куда-то вдаль...

— ...Лёха! Ты чего?!. Что она тебе сделала?! — кричит другой мерзавец, вытаращив на именинника круглые глаза. Тот, скрючившись, не может издать ни звука; он упал на идущую вдоль стены скамейку и судорожно держится за низ живота. Со скамейки, просочившись меж его пальцев, ползёт на пол тонкая черная струя.

— Стер-р-р-ва! — рычит вожак и сокрушительно ударяет жертву тяжелой бутылкой по голове. — Падла, бля!! — звереет он и наносит все новые удары.

— Колян, хорош! Колян, кончай! — вопит второй, перехватывая его руку. Потом мгновение пялится вниз — и орет вожаку в морду: — Колян, да ты убил ее, на х..!

Высокий с минуту смотрит на распростертую перед ним девушку. Она лежит на боку, подогнув сжатые вместе колени; под щекой Ее расширяется вязкое пятно.

Двое палачей оторопело стоят над телом казненной, время от времени переводя взгляды на корчащегося в стороне Лёху. Наконец высокий овладевает собой.

— Ладно, валим отсюда! — распоряжается он. — Потом побазарим.

Двое выроdkов подхватывают третьего и поспешно беззвучно ныряют в темноту.

Растрезанное юное тело остается лежать неподвижно. Вязкое пятно, продолжая медленно расширяться, впитывается в рукав сиреневого плаща...

## Крушение мира

### 1

Всю ночь Андрею не спалось. Он упорно смыкал веки, стараясь сконцентрироваться на чем-нибудь приятном, отвлекающем. Раньше в постели он обычно мечтал о женщинах, и когда ему удавалось устремить мысль по данному руслу, переходил ко сну как-то незаметно, органично. Сейчас он не мог направить сознание по тысячекратно проверенному пути, потому что в образе женщины неизменно являлась Надя. Думая же о ней, невольно при-

ходилось возвращаться ко вчерашним и завтрашним проблемам, а это не способствовало расслаблению и умиротворению сном. Андрей крутился с боку на бок, вставал, курил, сумрачно глядя в окно, снова падал в постель и крутился до изнеможения... Уснул, лишь когда наглое летнее солнце назойливо гвоздило его по затылку, легко проникая сквозь светлые шторы и образуя на полу многометровую солнечную ванну. Проснувшись, ужаснулся: часы показывали без пятнадцати три.

Андрей вскочил, собираясь бежать в ванную, — и снова устало опустил на матрац, вспомнив всю жуть минувшего дня. На душе стало пасмурно. Солнечный свет раздражал только что продранные глаза, а голова, выбитая из обычного графика засыпания и пробуждения, легко позванивала.

«Хорошо, хоть на работу не вставать», — неуверенно ободрил внутренний голос.

Однако данная слабая попытка откопать в дерьме что-нибудь съедобное весьма мало содействовала оптимистическому настрою. Требовалось неспешно и тщательно обдумать сложившееся положение. Для этого Андрей двинулся к телевизору, включил его в сеть и с пультом дистанционного управления угнездился в кресле. Самая верная подруга — сигарета — ядовито заструила в потолок сизый дым, привычно переходя из твердого состояния в газообразное. На просветлевшем экране возникла хитрющая физиономия Угольниковова, бодро отбивающего успевший набить всей стране оскомину рекламный степ.

— У нас — автомобили «ВАЗ», — жизнерадостно отрапортовал он. — Для Вас!

— А у нас «Тойота» — для кого-то, — хмуро парировал Андрей, переключая программу.

На втором общероссийском канале пронзительно ныла Таня Буланова. Андрей вообще терпеть ее не мог, а уж думать под звук тоскливой пилорамы нечего было и пытаться. Пришлось включить местную программу, хотя в это время, кроме той же рекламы да объявлений о проблемах городского масштаба, рассчитывать было не на что. Аккуратно причесанная раскосая дикторша, чересчур усердно жестикулируя головой в такт словам, мелодично ворковала:

— ...Городское управление внутренних дел обращается к гражданам с просьбой оказать помощь в установлении личности трупа, обнаруженного сегодня утром в районе улицы Революции, в одной из беседок детского сада номер восемнадцать, с признаками насильственной смерти...

«Опять кого-то пришили, — привычно-рассеянно отреагировал мозг. — «Личность трупа» — абсурд какой-то! Что они там, в милиции, ни разу не грамотные, что ли!..»

— ...Труп принадлежит девушке восемнадцати — двадцати двух лет..

...Андрею показалось, что остановилось сердце. Дыхание, посторонние шумы, экран телевизора — все разом исчезло. Остались только лицо дикторши и ледяные, протокольные слова, вереницей слетающие с ее губ.

— ...Приметы: рост один метр семьдесят один сантиметр, волосы каштановые, глаза серые. Телосложение: худощавая, стройная...

«Что это?.. Что она говорит?!. Про кого она говорит?!»

— ...Одега в длинный плащ сиреневого цвета, с поясом... Под плащом... короткое платье... туфли...

Голос дикторши тоже исчез и уже не пробивался рывками. Ничего больше не было вокруг — ни звуков, ни образов. Одни вызывающе напомаженные губы, бесстрастно шевелящиеся цитированием официального текста. Время остановилось, замерло вместе с ним; оно не двигалось, как ему изначально положено, а оглохло и ослепло, потеряв ориентир в самом себе. Потеряв себя, подобно ему...

Но время не может останавливаться надолго — просто не имеет такого права. Оно может лишь исчезнуть совсем, навсегда — для того, кто умер. Для живых же оно должно идти — как бы там ни было, что бы ни случилось! И если уж ты жив, оно будет идти и для тебя.

...Постепенно, крадучись, зрение и слух восстанавливались. Спасительные мысли, поддерживая, как только возможно, жизненные силы организма, ненавязчиво проникали в мозг.

«Ведь это не может быть она... Конечно, не может! Что ей делать в беседке в детском саду?! Как она могла туда попасть?! Нет, исключено... К тому же Надя ведь не додумалась бы потащиться на своих двоих через весь город в одиннадцать часов... Боже мой, почему я ее не проводил?!. Ну почему я её не проводил?! Нужно было проводить как угодно, пусть даже она проклинала бы меня всю дорогу!.. Захлопнул бы дверь и не пустил никуда, пока сам не обуюсь!.. Или хотя бы незаметно пойти следом...»

Андрей провел рукою по лбу. Вытертый пот соленым блеском залоснился на ладони. Сигарета давно истлела, обсыпав его голую ногу бархатным пеплом. Он автоматически бросил оплавленный фильтр в пепельницу.

«Да нет, что это я! В городе тысячи девушек от восемнадцати до двадцати двух. Сотни носят сиреневые плащи и почти каждая — короткое платье. Почему же это должна быть она? Это просто не может быть она, потому что слишком уж много в городе девушек!!! А у меня нервишки — ни к черту. Кажется, пора лечиться. Или уже «крышу рвет»?.. Надя, разумеется, села вчера в автобус или поймала «тачку» — и нормально добралась до дома. Что она — совсем дура, что ли, — идти пешком в такую даль! Само собой, поймала «тачку»... А убили в беседке, как оно обыкновенно случается, какую-нибудь...»

Но нелестный термин застыл и рассыпался, так и не родившись. Андрей уронил пылающее лицо в ладони. Неслышный шепот, слетевший с его губ, показался ему неестественно громким криком:

— Господи, неужели она пошла пешком?!

## 2

Бледно-зеленое маленькое помещение городского морга неприметно уютилось в глубине обширного больничного комплекса, убого съезжившись одноэтажным кубиком между девяти- и двенадцатизэтажными кирпичными колоссами больницы, поликлиники, аптек и горздрава. Контрастирующая с их стройным великолепием неизменная неухоженность и внешняя запущенность гостиницы для покойников, постоянно забрызганные краской окна, обломки шифера вокруг — наводили на скептические мысли о том, что, в принципе, так оно и должно быть, ибо мертвые вряд ли нуждаются в просторных палатах и преходящем лоске. Сами жмурики в глубине всегда переполненного узкого подвала тихо и смиренно громоздились рядами друг на дружке, пассивно соглашаясь с такими выводами и совершенно не жалуясь на судьбу или отсутствие комфорта. Морг же, несмотря на свой закомплексованный вид, при приближении к нему подавлял воображение гораздо сильнее любого высотного здания, вызывая своей неказистой внешностью намного больше впечатлений, нежели гордо высящиеся вокруг соседи-великаны. Так маленький черненький тарантул заставляет человека цепенеть от страха, тогда как гигантский слон, увенчанный могучими бивнями, подчас может рассчитывать лишь на улыбку умиления.

...Расстояние от дома до больничного комплекса Андрей проскочил бегом, рискуя залететь под возмущенно гудящую клаксоном машину либо вывихнуть подгибающиеся на бегу ноги. Однако когда ограда комплекса осталась за спиной, а из-за угла стоматологического корпуса воровато высунулся вечно зеленеющий угол морга, он невольно сбавил скорость и двинулся вначале шагом, потом все медленнее, последние же десятки метров плелся с возрастающим напряжением, будто в кошмарном сне с усилием переставляя чугунеющие ноги.

Он не хотел представить себе то, что может увидеть там, — и не мог не думать об этом. Ему хотелось вообразить, как он кощунственно возрадуется, когда мрачный тип в сером от многолетней нестиранности халате откинёт покрывало с лица свежего трупа — и он увидит чужое, незнакомое ему лицо. Лицо молодой девушки, нежное, красивое — но не Её! Господи, только не Её!..

Грязно-зеленая стена, покачиваясь, приближалась. Андрей хватал губами воздух и двигался все медленнее, все тяжелей, чувствуя, как жуткий ужас отнимает последние силы... Так, наверно,

солдат идет в атаку на железобетонный вражеский дот. Пулемет яростно грохочет ему в лицо, и чем ближе дот, тем все выше вероятность гибели. Но он идет навстречу черной амбразуре, выпрямившись в полный рост, втягивая голову в плечи, с великим усилием переставляя бесчувственные ступни, — потому что не может не идти, потому что д о л ж е н . . .

Вдруг Андрей увидел далеко впереди две нелепые фигурки, перебегающие, подобно ему, на красный свет кишашую машинами улицу. Не обращая внимания на гудки сигналов и вопли резко тормозящих водителей, фигурки пересекли расчерченный белым пунктиром асфальт и, ковыляя, постоянно оступаясь, приближались к решетке ограды. Весь оледенев, Андрей панически метнулся за угол. Там, с обратной от входа стороны морга, он бесильно прислонился к мутно-зеленой стене и с болезненным стоном сполз на землю.

Мария Федоровна и Денис Иванович тоже здесь. Они прибежали сюда одновременно с ним, как и он, услышав по телевизору сообщение УВД. Значит, Нади ночью дома не было. Значит, ее нет до сих пор! Значит...

Нет, это все неправильно! Сейчас они выйдут о т т у д а , подобно ему радуясь чьей-то гибели — чьей-то, но не Ее... А Надя ночевала у подруги! Само собой, кто же станет в таких расстроенных чувствах ночевать дома: там родители замучают расспросами — что да как, да почему на тебе лица нет, уж не случилось ли чего, не Андрюха ли, мерзавец, обидел... Подруге же можно поплакаться обо всем, получить необходимую дозу показного сочувствия, тщательно перемыть все косточки жениха и согласиться нехотя, что он, видимо, и вправду ее не ценит и не стоит. А после столь душещипательной беседы куда уже идти — ночь на дворе!.. Впрочем, бывают жуткие случаи: шла в темноте, провалилась в какую-то нору и сломала ногу. Сейчас лежит в травматологическом отделении и жалобно просит медсестру сообщить домой о том, что с ней случилось. А медсестра, стерва, небрежно, через плечо, бросает на ходу: будет время — сообщат, не беспокойтесь; а вообще-то, милочка, телефон надо дома иметь, не в деревне живем!.. Господи, как было бы хорошо, если бы Надя сейчас лежала со сломанной ногой! Конечно, он останется крайним, его обвинят в этом несчастном случае, и Нади-на мама тысячу раз его проклянет — пусть! Только, Боже, сделай именно так!..

Вот сейчас, сейчас уже они выйдут из дверей морга и прямоком направятся к Центральной поликлинике, а там — в травматологическое отделение, потом — к больнице, и будут бегать по этажам и палатам, покуда не найдут страдающую от боли и жалости к себе дочь. Андрей же, проводив их глазами, войдет в морг после: он недоверчивый, ему во всем необходимо удостовериться лично, самому увидеть и убедиться...

Слух Андрея уловил с другой стороны не то плач, не то стон — какое-то сдавленное поскуливание. Весь напрягшись, опасаясь выдать свое присутствие малейшим шорохом, он прокрался вдоль стены и выглянул из-за угла.

Мария Федоровна, согнувшись чуть не до земли, раскорячив бессильные ноги, повисла на руках мужа. Денис Иванович сам едва держался; он постоянно как-то неестественно вскидывал голову, тотчас снова свинцово никнувшую вниз, словно слабая шея не в состоянии была удерживать ее тяжесть. Молодой шустрый санитар усердно делал вид, будто помогает поддерживать сраженную горем женщину; отведя стариков на несколько шагов от двери, он осторожно, постепенно отпустил локоть Марии Федоровны и, удостоверившись, что она покуда не упала, поспешно нырнул обратно в морг. Опираясь друг о дружку, несчастные долго плелись до ограды, а добравшись, ухватились за железные прутья и, содрогаясь в беззвучных рыданиях, стояли на месте, неспособные ни кричать в голос, ни двигаться далее...

Глядя на них из-за угла, Андрей окончательно понял, что это — всё. Ему уже не имело смысла заходить в морг. Ничто уже не имело никакого смысла.

### 3

Он пришел в тот же вечер, хотя и был совершенно уверен в том, что никогда больше здесь не появится. Однако, весь день бледным привидением блуждая по городу, несколько раз наткнулся на двери Надиного подъезда — и, вздрогнув, поворачивал, в смятении убегая прочь. Прохожие испуганно косились на его пергаментное лицо с неживыми, стеклянными глазами; некоторые, встретив его взгляд, шарахались в сторону и долго сквозь зубы ругались в спину. А он шел дальше, похожий на часового-зомби, запрограммированно следуя одному постоянному маршруту, петляя вокруг магазинов, минуя кинотеатр, пересекая рынок, площадку перед Домом техники, — и вновь неизбежно возвращался к тому же подъезду, и вновь, очнувшись, панически стремился прочь...

Но поздно вечером Андрей все же вошел в подъезд, поднялся по лестнице на третий этаж и остановился перед обитой розовым дерматином дверью. Почему-то возникло ощущение некой тревожной незаконченности, словно он обязан был исполнить тягостный долг и более невозможно оттягивать время исполнения. Ему казалось, что он не был здесь уже очень давно, по меньшей мере несколько лет, а сегодня вернулся из невероятно долгого путешествия, чтобы, как когда-то, пройти по полузабытым памятным местам. Андрей постоял возле такой знакомой двери, отрешенно вспоминая, с каким радостным волнением всегда вслушивался в

прерывисто-замирающий писк сигнала, оповещающего о его появлении, — и надавил на кнопку звонка.

Снова печальный, с каждым новым всплеском постепенно затихающий звук сигнала. И тишина. Андрей знал, что его услышали, и терпеливо стоял, ожидая, когда заворчит, вращаясь, металл замка. Но изнутри было не заперто — дверь распахнулась беззвучно, столь неожиданно, что он вздрогнул. Денис Иванович стоял перед ним и молча смотрел в лицо.

С трудом разлепив спаянные губы, Андрей сказал то, что говорил всегда:

— Здравствуйте. Надя... дома?..

Денис Иванович так же молча смотрел ему в лицо. Не моргнул, не дернул бровями — просто молча смотрел. И ничего в мире не могло быть страшнее этого взгляда. Андрею мучительно захотелось скрыться, исчезнуть, раствориться в воздухе — чтобы его не стало видно, чтобы его потеряли и забыли навсегда! Но он не имел сил уйти, а так же молча стоял и смотрел на Дениса Ивановича.

За спиной хозяина что-то резко зашуршало. Отпихивая, оттирая мужа всем телом, на пороге явилась Мария Федоровна. Лицо ее почернело, за несколько часов покрывшись сетью мелких морщин, беспорядочно разбросанные волосы хаотично торчали во все стороны, как у ведьмы со старинной гравюры. Лихорадочно горящие глаза кровожадно вонзились в Андрея.

— Ты-ы... — яростно просипела она, тыча ему в лицо вытянутым пальцем. — Ты... Говори... Надя вчера пошла к тебе! А теперь она в морге...

Губы ее заплясали, веки задергались в тике. Собравшись с силами, она глубоко вдохнула и пронзительно простонала:

— Она была у тебя?!

— Была, — почти беззвучно ответил он.

— А потом?!!

Андрей облизнул сухие губы сухим языком. Судорожно сглотнув, выдавил:

— Потом ушла.

— Одна?!!!

— Одна...

— А-а-а!!! — надрывно, с беспредельной ненавистью закричала женщина. — Это ты... Это ты убил ее!.. Ты... Ты!!!

Она стремительно бросилась на молодого человека, и ногти ее полоснули Андрея по щеке. Денис Иванович, схватив супругу поперек тела, втянул за порог, потерянно бормоча:

— ...Маша... Не надо, Маша... Иди...

Глухие рыдания удалились вглубь квартиры. Денис Иванович снова посмотрел на Андрея долгим, внимательным взглядом. И Андрею показалось, что в этом взгляде появилось что-то еще, по-

мимо бескрайней боли и тягостного осуждения, — он ощутил в нем сострадание, сочувствие смертельно раненного смертельно раненному... Потом Денис Иванович опустил глаза и, по-прежнему молча, закрыл дверь.

...В тот вечер Андрей впервые не узнал себя в зеркале. Из прозрачного окна в антимир на него безумно взирал тяжело больной, изможденный старик. Неживое лицо незнакомца багровыми полосами прочерчивали три глубокие царапины, а в бесформенной массе волос ядовито и скорбно змеились белоснежные нити...

## На развалинах мироздания

### 1

...Наверно, он никогда больше не сможет заснуть. Просто будет жить, постоянно бодрствуя. Хотя бодрствованием это тоже не назовешь — какое-то нереальное, абстрактное состояние, похожее на непрерывную галлюцинацию. Обои на стенах то неподвижно желтеют мутными очертаниями фантастических узоров, то вдруг начинают плыть и качаться, как будто стена вот-вот рухнет и придавит его к черту, разом положив конец всем страданиям, и воспоминаниям, и мыслям, и самому отсутствию мыслей... Да ведь не рухнет; покачается, покачается и снова станет на место, и будет по-прежнему нудно желтеть обоями, словно и падать вовсе не собиралась, и будет смотреть на него, а он — на нее... Видимо, всё-таки это он качается, а не стена. Надо бы упасть и уснуть. Только падать нельзя: едва примешь горизонтальное положение, стена словно с цепи срывается — вместе с тремя другими начинает плясать и кружиться. Потолок дрожит. Ясно видно, как он медленно прогибается в центре, и огромная люстра угрожающе напрягается, обещая непременно обрушиться в следующее же мгновение... А закроешь глаза — сам начинаешь кружиться, и с тобою кружится весь мир, вся бездонная космическая яма, мелькающая неоновым светом галактик и искрящейся пылью туманностей. Вселенная несется в неудержимом хаосе исполинского смерча, закручиваясь непостижимо огромной спиралью в преддверии апокалипсического взрыва!.. И тогда становится страшно. Тогда он вскакивает и садится в прежнее положение, теряющими резкость глазами удерживая на месте стену, и потолок, и Вселенную... Вот и наркоманы, как говорят, приняв сильную дозу вожделенного зелья, наблюдают подобные картинки. Еще понять бы, что в этом такого приятного...

Все равно ложиться уже поздно. За окном совсем светло, вон и солнышко показалось из-за крыши шестнадцатипятиэтажки. Теперь уж точно и стена не упадет, и люстра с потолка никуда не денется. Людишки внизу забегали, машины зафыркали, заурчали заспанно — им тоже ехать на работу, как и хозяевам. Вон собачка роется в

мусорном контейнере, на самый верх забралась; активно роется: знает, что если не успеет быстро нарваться на что-нибудь съедобное, то нагрянет местный бомж и прогонит как конкурента со своей территории. Воробьи возбужденно суетятся тут же, прыгают по вывалившемуся через край мусору, по контейнеру, чуть не по самой собаке. Этим проще: желудок маленький — проглотил не жуя какую-то крошку и зачирикал, и радостно помчался сломя голову топтать в полете свою воробьишу. Жизнь продолжается!..

Глупость какая! Откуда ей, жизни, взяться, если Ее больше нет? Разве в морге, в ледяном подвале, бывает жизнь? И неужели может быть какая-то другая жизнь — без Неё?!

«Все же надо уснуть, иначе... А что иначе? Мысли совсем спутались, глаза ничего не видят... Конечно — глаза-то закрылись... Интересно, а я хоть лечь-то успел?.. Или как...»

...Что такое!!! Что?.. А, уже полпятого. Часов девять проспал. Это хорошо. А почему все же проснулся? Странный рефлекс какой-то...»

Да нет, опять звонят. Кто? Или следователь забыл про что-то спросить? Ведь целый час, явившись ни свет ни заря, этот безумный юнец на пару с участковым задавал ему нелепейшие, пустейшие вопросы и все косился на борозды царапин на его лице! Пришлось самому сказать, откуда они взялись, чтобы отстал...

Третий звонок. «Неужели я слишком долго иду до двери?»  
Четвертый.

...Серёга Капустин, вытаращив глаза, откачнулся назад. «Испугался, увидев меня. Что поделаешь — я сам бы вчера испугался, если бы мог еще пугаться... Что стоишь? Заходи. И тебе привет. Разувайся, проходи. Что опять смотришь? Разве я тебе не ответил? Я ведь не дурак, все помню... Или не ответил?.. Ну, извини, давай еще раз попробуем...»

— Проходи...

Убедившись, что друг не лишился голоса, Серёга разулся и неуверенно двинулся за ним. Осторожно опустился на краешек дивана, уставился в пол, время от времени бросая на Андрея неприметные взгляды украдкой.

Андрей поставил на диван между ними пепельницу, положил пачку «Магны». Подкурив, сообщил без эмоций, как о чем-то постороннем:

— Позавчера Надю убили.

— Я знаю, — потушился Серёга. — Отец вчера вечером рассказал. Я хотел сразу приехать... Потом подумал — лучше сегодня днем.

Помолчали. Затем Серёга спросил, как-то неловко и нерешительно дернув щекой:

— Может, тебе что-нибудь нужно? Денег там... или еще?..

— Нет. Спасибо.

— Я привез триста тысяч... — Он торопливо полез в карман.

— Не надо, Серёга. У меня есть.

— Андрей, возьми, пожалуйста! — Капустин умоляюще сморщился, протягивая разноцветные купюры. Выдавив вместо улыбки жалкую, болезненную гримасу, Андрей покачал головой.

— Правда, не надо. Пока не бедствую. К тому же мне на днях расчет должны перевести.

— Какой расчет?

— С работы уволился.

На лице Капустина мелькнуло недоумение, тут же сменившееся прежним испуганно-скорбным выражением. Положив деньги обратно в карман, он долго сидел, сцепив пальцы в замок и так же искоса пристально поглядывая на друга, словно порываясь и не решаясь что-то сказать. Наконец проговорил:

— Если тебе что-нибудь будет нужно, ты скажи... Я заеду вечером — чего ты тут один?..

— Не надо.

— Почему?

— Мне сейчас лучше побыть одному. Я сам потом зайду.

— Тогда давай завтра заеду.

— Нет. Лучше я сам. Когда отойду немного.

— Ну, давай хоть дня через три...

— Через неделю, — оборвал Андрей. Глянул в тревожное лицо друга и, поняв причину его настойчивости, еще раз попытался выдать подобие улыбки. — Не бойся, рук я на себя накладывать не стану. Как максимум сопьюсь.

Серёга некоторое время недоверчиво косился на него исподлобья, потом, кажется, поверил. Облегченно вздохнув, хлопнул себя обеими ладонями по коленям и поднялся.

— Ладно, поеду. А загляну все же дней через пять. Иначе ни родители, ни Верка меня не поймут. Они, кстати, тоже просили их не забывать. Так что заходи в любое время, хоть ночью.

— Хорошо. Им тоже скажи спасибо.

— А может, все-таки заехать вечером? Прокатились бы до нас, посидели...

— Нет.

Капустину оставалось лишь сокрушенно пожать плечами.

...Когда он уже обулся, Андрей спросил:

— А... как ее убили, отец тебе не рассказывал?

— Несколько раз ударили по голове. Чем-то тупым и тяжелым. — Серёга раскрыл было рот, намереваясь что-то сказать, но вновь передумал и только с шумом выпустил через нос приготовленный для слов воздух.

— Какие-нибудь следы на месте остались?

— Никаких, — глухо ответил Капустин. — Даже того, чем били, нет. Вся надежда у «следаков» на одних «стукачей»... ну, на аген-туру: может, что и пронюхают.

Андрей кивнул, дав понять, что информация усвоена. Помог другу справиться с замками и распахнул дверь.

— Счастливо...

— Будь здоров...

## 2

Проводив друга, Андрей вспомнил, что ничего не ел почти двое суток. Попробовал что-нибудь проглотить, однако жестокая спазма безжалостно выдавливала пищу наружу. Оставив безнадёжную затею, он вышел на улицу и снова, как вчера, бесцельно плутал по городу, покачиваясь от слабости, спотыкаясь, вызывая откровенное презрение женщин и закоренелых трезвенников. День уже подходил к своему логическому завершению, когда он набрел на маленький бар, наспех переоборудованный из однокомнатной квартиры, и обрадовался находке, как великому чуду.

Больше всего Андрей страшился наступления ночи, неизбежного повторения вчерашней бессонницы и вызываемых ею ужасов. Существовало, пожалуй, лишь два варианта избежать кошмара наяву: совсем умереть или просто до бесчувствия нализаться. Само провидение указывало спасительный путь. Он вошел в тесное неопрятное помещение, где три крохотных столика почти напозлали друг на друга, приютив две пары таких же случайных клиентов; лишь пространство за стойкой, где у экрана маленького телевизора, вольготно вытянув ноги, заседал изнывающий от скуки бармен, оживляло надежду на светлую перспективу развития данного бизнеса. Андрей заказал бутылку водки и пирожное, сел за единственный свободный столик и с болезненным удовольствием начал поглощать содержимое бутылки, удивляясь, как легко скользит по горлу горькая жгучая жидкость. Посетители, поначалу бросившие на располозованную щеку вошедшего по традиционно-неодобрительному взгляду, сразу потеряли к нему интерес и занялись каждый своим собеседником. Благодарный им за это невнимание, Андрей спокойно допил бутылку, проглотил-таки пирожное и, вновь приблизившись к стойке, повторил заказ... После третьей бутылки вышел из бара. На свежем воздухе его сразу развезло, мозг отключился, доверив тело автопилоту. Он не помнил, как добрался до дома, не сознавал, как упал на постель и провалился в бесчувственный сон, но, проснувшись наутро, ясно понял, что открыл способ прожить — нет, просуществовать! — еще хотя бы некоторое время...

Целый день он опять бестолково шарахался по опостылевшим улицам, чутко вслушивался в разрозненные звуки города, панически боясь уловить вдалеке надрывный рев похоронного марша. «Сегодня третий день — по обычаю, должны хоронить. Хотя, отсюда далеко, всё равно не услышу...» Потом набрел на

еще один бар, и сидя в углу с такой же бутылкой водки на столике и пирожным в руке, отрешенно бормотал про себя: «Наверно, похоронили сегодня. Надо бы съездить на кладбище, найти могилу, цветы положить... Только не завтра. И не послезавтра. Как-нибудь потом... Потом...» На сей раз Андрею вполне хватило двух бутылок: спасительный результат повторился, и сострадательный Морфей всю ночь стоял на страже у его постели, отгоняя кошмарные грезы.

И следующим вечером Андрей заседал в еще одном маленьком барчике. Разведка мелких увеселительных заведений становилась для него своеобразным видом спорта — нужно же было хоть чем-то оправдать бесцельные многочасовые путешествия. Подобно Куку или Магеллану, он дотошно исследовал уголок за уголком с детства знакомого города, нелепо радуясь тому, что за последние годы здесь появилось так много нового. С самого момента пробуждения он усиленно настраивал себя на очередное открытие, и, когда сделал его, в глухих сумерках души родилось нечто, отдаленно похожее на удовлетворение.

Но сегодня водка совсем не пилаась. Несколько раз, с невероятным усилием сделав очередной глоток, Андрей с омерзением отталкивал стакан на середину столика и, подавленный предчувствием жуткой трезвой ночи, мрачно наблюдал за беспечными посетителями. Одни, облепив микроскопический столик, спорили о чем-то вполголоса, изредка безотчетно вскрикивая и задевая локтями посуду. Другие, в дальнем конце помещения, громко ржали, жестикулируя с энергией профессиональных пантомимщиков. От чужого веселья, беззаботного смеха, от красноречивого удовольствия, которым живописно светились раскрасневшиеся лица поддавших гуляк, Андрею стало тоскливо и одиноко. Начиная понемногу оттаивать после невероятной контузии душа не могла принимать посторонней радости. Прозревая после трехдневной комы, она истекала желчью, наполняя разум ядовитым сарказмом и злобным раздражением. «Веселитесь? — бормотал Андрей, устремив свинцовый взгляд на ликующий столик. — Ну, давайте, веселитесь! Пока... Каждому в этом мире уготована своя мера страданий и отчаяния, просто ваш час еще не настал. Но уже завтра он может настать, и тогда вы будете молча сидеть и усиленно давиться водкой, так как водка станет единственной вашей анестезией на протяжении бесконечной мучительной операции. А если операция все же завершится успешно и вы воспрянете, почувствовав долгожданное облегчение, — все равно стоит воздержаться от радости, ибо неизбежна новая травма — и так будет до тех пор, пока вы не умрете на операционном столе, именуемом человеческой жизнью. Ведь любая радость в этой жизни — лишь антракт между бесчисленными актами длинной трагедии, и чем дольше благословенная отсрочка неизбежного, тем сокрушительнее, смертоноснее будет очередной удар

изуверки Судьбы... А пока — что ж, веселитесь, несчастные, и не думайте о дне грядущем! Может даже, вы и правы...»

Организм, не имеющий должной привычки, напрочь отказывался третий день подряд растворять в себе алкоголь. Оставив едва начатую бутылку, Андрей покинул бар.

Вечер давно начался, хотя сумерки еще не сгустились. Город обезлюдел, лишь одинокие прохожие поспешно рысили мимо друг друга, угрожающе вскидывая на встречных настороженные глаза. Добрые люди спешили по своим норам — их время закончилось.

Чтобы оттянуть возвращение в унылый склеп квартиры, Андрей намеренно сделал огромный крюк, обогнув два лишних микрорайона, и приближался к своему дому, когда уже заметно стемнело. Навстречу ему попались двое влюбленных. Они шли обнявшись; мужчина, развлекая пассивно безобразно перенасыщенным грязной бранью анекдотом, левой рукой активно массажировал ее ягодицы. Женщина, то ли от сюжета, то ли от щекотки, звонко смеялась, поглощая кавалера счастливым взором. Андрей угрюмо покосился им в спину и медленно побрел вдоль пустынного, равномерно уставленного скамьями, тротуара.

В самом конце тротуара, словно куры на жердочке, восседали на спинке скамьи четверо юнцов призывного возраста. Темные кожаные куртки и обритые наголо (по «крутой» моде) головы молодчиков к чему-то напомнили Андрею документальные фильмы про западногерманских неонацистов. Парни галдели, по-блатному растягивая слова, хрипло венчая друг друга весьма нелестными эпитетами. Приблизительно каждым вторым словом, слетавшим с их дебильно-отвислых губ, было либо «мудак», либо «пидор». Когда пораженный многообразием лексики молодых людей Андрей, слегка прибавив шагу, проходил мимо, молодежь удивленно примолкла — и вдруг он услышал сзади:

— Э, урод, стоять!

«Это мне? Неужели! Разве можно ко мне сейчас так обращаться?!.»

Он медленно обернулся. Четверо троглодитов выжидательно глазели на него, предвкушая развлечение. Сидящий с краю ближе к Андрею коротко приказал:

— Сюда иди!

Сделав несколько шагов, Андрей остановился напротив него. Бессмысленные, бесцветные глаза дегенерата несколько секунд пялились на Андрея в упор, потом юнец деловито предложил:

— За щеку хочешь?

Бритоголовые отвратительно заржали, загоготали гортанно, восторгаясь остроумием собрата. Ни в лицах их, ни в голосах не было ничего человеческого; скорее они напоминали грязных голодных ворон, ликующих при виде умирающего, должного вот-вот превратиться в гору вкусной падали...

Волна крови, поднявшись, затопила мозг. В ушах Андрея гулко застучал гигантский тулумбас, а легкое, высосанное сильнейшим страданием тело словно налилось бетоном. Говоривший с ним, разглядев что-то в его глазах, мгновенно потерял ухмылку и попытался подняться. Нога Андрея, высоко взметнувшись, вонзилась ему в пах. Бритоголовый, ухватившись за живот скрюченными пальцами, судорожно подался вперед, и тогда Андрей с упругой силой, как по мячу, пнул его по перекошенной роже.

Остальная братия, спугнутой стаей слетев с насеста, оцепенело выстроилась поперек тротуара. Первый, свалившись на асфальт, обеими руками обхватил разбитое лицо и, захлебываясь болью, пытался удержаться на коленях. Стиснув зубы, Андрей сокрушительно врезал ему ногою в ухо, потом в живот, еще раз — по ребрам... Инстинктивно спасая себя от грозящей гибели, переломанное тело ублюдка, утробно стеная, поползло под скамью. Андрей обернулся к зрителям:

— Еще вопросы есть?

Оцепенелая троица шоково уставилась на него бесцветными глазами, отвесив губы ниже обыкновения. Он шагнул вперед. Трое дебилов отскочили на шаг и опять замерли без движения. Презрительно сплюнув заполнившую рот желчную горечь, Андрей развернулся и пошел прочь.

...Впервые, попав в столь экстремальную ситуацию, Андрей не ощутил страха. Совсем. Даже того, что должен присутствовать обязательно, естественного. Сколько лет он мечтал избавиться от такого ненужного, обременительного чувства, парализующего разум и волю, мешающего думать и действовать, вызывающего немного погодя жгучий стыд и гадливое презрение к себе самому! И вот, наконец, долгожданное, вожденное чудо: он ничего не боялся, он стал бесстрашным! Но что ему с этого теперь, зачем ему его бесстрашие? Ведь он ничего не боялся лишь потому, что ему нечего было терять... Отсутствие страха — это свобода. Неужели только лишившись всего, человек становится по-настоящему свободным?!

И еще одно чувство было новым. Впервые в жизни он ощутил удовольствие, добывая поверженного врага. Ему было жутко отраднo видеть, как бритоголовый корчится от боли, как, едва шевелясь и истекая кровью, ползет под спасительную скамью. Он, добрый до сентиментальности Андрей Белкин, наслаждался, когда гвоздил противника точными убийственными ударами, он испытывал плотоядный, почти сладострастный, восторг, разбивая мягкие части чужого тела, ломая ублюдку ребра и кончиками пальцев на ногах явственно чувствуя, как под его ботинком трещит и плющится хрупкая костная ткань незадачливого троглодита!.. Неужели жестокость непременно сопутствует храбрости? Вряд ли. Однако с ним случилось именно так. И это было не просто удивительно, но еще чертовски неприятно!..

«...На что же я становлюсь похож? В кого превращаюсь? В дикого зверя? В душевнобольного, поглощенного своим страданием и наслаждающегося страданиями других? Не перевоплощаюсь ли я постепенно в угрюмого робота, этакое Терминатора без чувств и эмоций, без сострадания, без слез и улыбки?

А ведь все у меня было: и улыбался, и сердился, и радовался, и огорчался, и грустил, как все люди. Может быть, даже чуть-чуть больше, чуть-чуть глубже, чем большинство людей. Я был, пожалуй, даже излишне впечатлительным, по крайней мере для мужчины. Потому, несмотря на глубокое свое убеждение, что разум должен управлять эмоциями, эти самые эмоции били из меня не потоком даже, а каким-то Ниагарским водопадом, так что от них становилось дурно не одному мне, а часто и окружающим, имевшим неосторожность попасть под струю. Кто бы мог подумать, что язвительный, вспыльчивый и одновременно добрый и сострадательный Андрюха разом потеряет и свою вспыльчивость, и язвительность, и доброту? Потеряет практически собственный характер, потеряет себя, сам при этом оставаясь жить?

Было все — и все исчезло. Из-за нелепого, жуткого стечения обстоятельств. Из-за моего глупого, непростительного раздражения, не позволившего мне просто проводить Надю. Из-за Ее собственного упрямства. Из-за чьей-то бессмысленной, неестественной, необъяснимой жестокости... Жестокость правит этим миром. Жестокость гнездится в человеческих душах — и царствует над ними, владеет ими всецело. Жестокостью люди самоутверждаются. И только тот в человеческой стае имеет право голоса, кто способен в нужный момент оскалить клыки.

...Но кто же О н и? Кто те нелюди, просто по прихоти своей посягнувшие на святая святых — чужую жизнь? Кто те демоны без чувств, без совести, без души, которые могли убивать, увечить, истязать столь прекрасное тело, один вид которого, подобно произведению искусства, вызывал во мне восторженный трепет? Неужели Они такие же, как мы, как все? Неужели тело Их не покрыто шерстью, а клыки не торчат изо рта, как у саблезубых тигров? Разве Они хоть чем-то могут напоминать людей?!

И неужели не существует ада, чтобы Они испытали в полной мере то, что заслужили?.. Нет, Они должны быть в аду, и должны получить возмездие! Потому что если и на том свете никому не воздается по делам его, значит, все понятия о добре и зле не нужны — просто не имеют смысла!.. Конечно, ад есть. И демоны должны непременно туда отправиться.

...Но ведь Они не демоны. И наверняка Им свойственны обычные человеческие чувства. Они тоже могут радоваться и огорчаться, испытывать неприязнь и расположение, ревновать и даже по-своему любить своих женщин. Так зачем же Они отняли все это у

меня? Ведь я Им не мешал; я не переходил Им дорогу; я не лишал Их того естественного минимума радостей, предоставляемого Природой, на который вправе рассчитывать все! И я ведь не претендовал на что-то большее, чем этот минимум; я получил его и был вполне доволен, и никому не завидовал, никому не желал зла... А теперь у меня ничего не осталось. Даже любви к жизни. Даже страха смерти.

...А может, страх смерти — это и есть любовь к жизни? Тот, кто перестает бояться смерти, теряет вкус к жизни. Не убегающий от смерти в ужасе — невольно начинает к ней стремиться, ибо подсознательно ожидает ее как Избавления.

Да, смерть — это Избавление. От горя, от отчаяния, от стыда и раскаяния. От одиночества и страха, от нелепых желаний, от жестокости и ненависти — чужой и своей. Когда она придет и покровительственно накроет тебя своим саваном — все утратит прежнее значение. Все страдания, проблемы, тревоги станут ничтожными, и твое облегченное сознание — твоя Душа, твое Эго — будет долго удивляться тому, что они прежде так тебя волновали и беспокоили. А боль совсем перестанет существовать. Все плохое исчезнет навечно. Будет только мягкий свет, тихие нежные звуки и чудесная, невесомая легкость. И Покой. Бесконечный, незыблемый Покой... Смерть — это Предел всего, великий Итог. Абсолютное Совершенство. Безграничная, бескрайняя, всеобъемлющая Гармония...

...Так прекрасно!.. Вот только — когда это будет?.. Боже мой, как же еще долго жить!..»

#### 4

На пятый день ближе к полудню явился Серёга Капустин. Поздоровавшись, виновато развел руками:

— Как обещал — через пять дней.  
— Через четыре, — без всякого оттенка возразил Андрей.  
— Ну, мало ли, — продолжал оправдываться друг детства, — что с тобой может случиться в таком состоянии...

— В каком?

— Да честно сказать, Андрей, выглядишь ты не лучшим образом. Дернув плечом, Андрей отвернул отекшее лицо.

— Надю похоронили?

— Наверно.

Серёга вскинул удивленные глаза — и тотчас опустил снова. Пару минут помолчали. Не дождавись вопроса, Капустин сказал:

— Отец говорит, дело безнадежное. Сексоты ничего сообщить не могут. Либо убийцы хорошо умеют держать язык за зубами, либо вообще к преступному миру не имеют отношения. Какие-нибудь наркоманы... или наркоман.

Андрей отрешенно кивнул, ничуть не изменив выражения. Капустин долго с болезненным состраданием изучал гипсовую маску, застывшую на месте некогда подвижного лица друга. Надо было опять начинать разговор, причем о чем-то постороннем. И надо было добиться, чтобы Андрей участвовал в разговоре, а не пресекал его лаконичными, односложными ответами. Но о чем можно с ним говорить сейчас, когда он уже почти пять суток пребывает в подвешенном состоянии, где-то между комой и медитацией? Где та тема, что может еще интересовать его помимо своей скорби? Где заветная ниша в раненой душе, не заполненная этой скорбью до краев?.. Но не молчать же он сюда пришел! Надо говорить, надо искать эту нишу, хотя бы пытаться...

— Расчет получил?

— Нет еще.

— А когда получишь?

— Успею.

— Денег, наверно, совсем нету?

— Есть.

— Если нету, ты не стесняйся, пожалуйста. Ладно?

Снова механический кивок — и молчание. Нить ускользает...

— Чем занимаешься-то целыми днями?

— Пью.

— Получается?

— Когда как.

— А сейчас не желаешь? У меня с собой пузырек бренди.

— Давай.

Серёга оживленно выскочил в прихожую и вернулся с пузатой бутылкой болгарского «Слнчева бряга». Коньячок этот хоть и не относился к самым престижным, однако когда-то обоим нравился. Пожалуй, Капустин и взял-то именно его только для того, чтобы иметь повод спросить, ласково схватив бутылку за горло:

— Помнишь, как он тебя подвел три года назад? Ну, когда ты у меня свою школьную любовь в Новогоднюю ночь раскручивал. Как ее?.. Логинову, кажется?..

Тот же равнодушный кивок. Дунув в каждый из запылившихся в серванте бокалов, Андрей ставит их бок о бок перед гостем. Пахучая жидкость цвета канифоли затапливает хрустальные донышки.

— ... Ты ей, помнится, все втирал, что наличие супруга не освобождает от естественных потребностей. А когда она наконец поверила, тебе от этого самого бренди совершенно некстати стало дурственно. Потом до утра только и успевал метаться от Логиновой к туалету — и обратно. Так многолетние мечты и рассеялись, не оставив даже запаха... А ведь такая была возможность!

Да уж, пожалуй, только о давней неудаче с Логиновой он сейчас и переживает! Серёга досадливо прикусил язык и потянулся к своему

бокалу. Где же та ниша, вакантная от скорби? Что еще сказать, о чем вспомнить, чтобы тусклые зрачки друга вспыхнули хоть на мгновение? Может, коньяк поможет... Ладно, поехали — там будет видно!..

Пили без закуски. У Андрея ничего, кроме поросшего пенициллином недельного батона, не нашлось. Капустин принести с собой чего-либо съедобного не догадался. К концу бутылки Андрей, правда, несколько расслабился; взгляд его стал мутным, но выражение отрешенности и боли притупилось. Теперь он олицетворял собою безмерное стоическое спокойствие. Незаметно для себя изрядно захмелев, Серёга возобновил натиск:

— Послушай, Андрюха, нельзя же, в самом деле, так себя изводить! Ты уже сам на покойника похож. Только не обижайся, ради бога... Любое горе не вечно, все лечится временем. Нужно только пережить какой-то отрезок, и при том вовсе не загнуться. А чтобы пережить его, этот отрезок, все способы хороши...

— Какие способы?

— Ну, уж во всяком случае не стакан и не игла!.. Давай мы тебя познакомим с какой-нибудь женщиной — ну, такой... не очень строгих нравов. «Шерше ля фам», как говорится. Это ведь панацея от всех огорчений, сам знаешь. Бальзам для души.

Андрей, подняв на друга грустные телячьи глаза, лишь безнадежно, горько усмехнулся.

— А что? Обратимся к Верке: у нее таких знакомых — вагон и маленькая тележка!

— Нет уж... Я благодарен, конечно, за заботу и участие. Только не до того мне сейчас, Серёга. Да и не получится у меня ничего — куда там... — Андрей помолчал, постукивая по крышке столика доньшком пустого бокала, и неожиданно спросил: — Как она выглядела?

— Кто?

— Надя. Не знаешь? Сильно ее изуродовали?

— Голова была сильно разбита, — неохотно ответил Капустин. — Раза четыре ударили, с-суки... Отец говорил, крови натекла лужа. А лицо целое...

Он, как в прошлый раз, раскрыл было рот — и тотчас испуганно захлопнул. Андрей перехватил его растерянный взгляд, блеснувший робкой надеждой: может, не заметил? не обратил внимания?

— Что ты хотел сказать?

Серёга изо всех сил постарался изобразить недоумение, но тотчас понял, что попался, и потерянно насупился.

— Говори, Серёга. Все равно ничем уже не напугаешь.

Капустин нерешительно позвенел ногтем по бокалу, потом достал из пачки сигарету и, забыв прикурить, глубокомысленно вертел в пальцах, хрустя тонкой бумагой и рассыпая по поверхности столика табачные крупинки.

— Рожай, — подстегнул Андрей.  
— Знаешь, — медленно произнес враз потрезвевший Капустин, — ее лицо абсолютно не было повреждено.  
— Уже слышал.  
— И губы не разбиты, — тяжело вздохнул Серёга. — И зубы все на месте... А во рту кровь. И на губах кровь. И на полу в стороне — тоже.  
— Не понял...  
— Это была не её кровь. Она кого-то сильно укусила... Она сопротивлялась...

Лицо Капустина закачалось, поплыло, стало переливаться неровными, тягучими волнами, подобно миражу в безводной пустыне. Звук его голоса доносился отчетливо, но глухо, как из колодца, то усиливаясь и давя на перепонки реактивной турбиной, то замирая в звенящей тишине... Потом постепенно чувства восстановились, и Андрей ясно разглядел напротив себя ссутулившегося, поникшего Серёгу, беззвучно жестоко казнящего самого себя за то, что в приливе пьяной откровенности больно ранил и так едва живого друга, открыв ему то, что — он знал — открывать определенно не следовало...

## «Бальзам для души»

### 1

Ровно через неделю после своего увольнения Андрей без всяких проволочек получил полный расчет в кассе отвергнутого им предприятия. Слегка удивившись столь нетрадиционной добросовестности извечно враждебной рабочему человеку конторы, он сунул пухлую стопку разномастных бумажек в карман, вышел на улицу и сел в первый попавшийся автобус, не удосужившись взглянуть на номер. Высадившись на пятой остановке, пошарил глазами по сторонам и направился к открытому летнему заведению с непривычно-русским названием на вывеске «Рюмочно-закусочная».

Приняв из оконца бутылку водки и стакан, прихватив холодный и плоский, как летающая тарелка, несвежий беляш на закуску, Андрей встал за пустой столик на длинной ножке, достигающий едва не до груди. Сдвинув в сторону оставленную кем-то промасленную бумагу с тремя разложенными в ряд рыбьими скелетами, расставил нехитрые блюда и приступил к ставшей привычной трапезе.

Прислушиваясь к тому, как медленно стекает по стенкам желудка огненная жидкость, Андрей исподлобья косился по сторонам... Вот так, уже неделя прошла, а мир, как ни странно, не рухнул, даже не покачнулся. Может, в самом деле правы тысячелетний опыт человечества и лично Серёга Капустин — время лечит все? Вот и он, Андрей,

сейчас уже может думать о чем-то отвлеченном, разглядывать пьяные рожи вокруг себя и не ненавидеть их за их безмятежность. Сама мысль о смерти любимой девушки понемногу становится привычной, какой-то обиходной. Она никуда не делась, эта мысль, просто поселилась в памяти, заняла там свое законное место, угнездилась поудобнее и перестала постоянно ворочаться, каждым своим движением терзая душу. Теперь там и пропишется навсегда, и не выгонишь: так и будет раз за разом беспокойно вздрагивать, переключившись с боку на бок — все реже, все медленнее, ленивее, — пока наконец не уснет, непоседа, успокоившись в пожизненной летаргии. Возможно, для этого потребуется не так уж много времени — гораздо меньше, чем казалось сначала. Надо только перестать истязать самого себя; надо прекратить ушиваться собственными муками. К чему этот бессмысленный мазохизм? Ведь ничего уже не изменить, ничего не исправить; самоубийство же — развлечение для дураков, к данному лекарству от всех болезней Андрей все равно никогда не прибегнет. Так что же, всю оставшуюся жизнь превратить в бесконечное покаяние, в многолетнюю изуверскую казнь? Ему ведь только двадцать семь — следовательно, казнь может растянуться лет на сорок! За такой срок, пожалуй, и к казни привыкнешь как к нормальному повседневному состоянию... Да и то верно, что каждый в этой жизни обречен на потери. Все, рано или поздно, хоронят близких людей: родителей, возлюбленных, даже детей — как Мария Федоровна и Денис Иванович. Конечно, хоронить детей противоестественно: Природа предусматривает лишь обратное. Именно поэтому такое горе ни с чем не сравнимо; его, кажется, просто нереально пережить! Но ведь и это горе переживают! Сколько миллионов матерей и отцов ежегодно теряют детей! Сколько десятков миллионов потеряли детей в годы Мировых войн, жутких эпидемий, голодного мора! Но ведь да же о н и живут — продолжают дышать, работать, думать о чем-то будничном, смотреть телевизор, любить кого-то, радоваться, смеяться, наконец! И Андрею тоже нужно понемногу — не сразу, а исподволь, осторожно, шагоч за шагочом — вступать в жизнь, снова учиться думать, общаться с людьми, смеяться. Ему придется повторно привыкать читать книги, любить кошек, острить, испытывать чувство голода и жажды, хотеть женщин!.. А на что он надеялся, когда признавался Наде в любви? Что они будут жить вечно? Что ни с Ней, ни с ним никогда не произойдет несчастного случая? Что никого из них не поразит неизлечимая болезнь или рядом не взорвется еще какой-нибудь Чернобыль? Он рассчитывал, наконец, что они с Надей умрут одновременно, чтобы один из них — не важно, кто — не остался до конца дней оплакивать другого?!. Нет, Андрей, ты не мог рассчитывать на столь идеальную дистанцию, без кочек, ям и досок с гвоздями на всем пути, — ты слишком скептик, чтобы быть настолько наивным! Прими же случившееся как должное, как неизбежное. Просто то, что произошло, произошло слишком рано...

Посмотри на тех, кто тебя окружает: на тупиц и пьяниц, утопивших в граненом стакане весь величественный смысл человеческого существования, не прочитавших за десятки лет ни одной толковой книги, не любивших и не могущих любить ни одной женщины! Неужели ты хуже них? Неужели твой дух ниже их примитивных душонок? Ведь наверняка большинство из них, если не все, уже испытало потрясение чьей-то смертью — возможно, не по одному разу. Однако они не сломались, они вернулись в этот мир и нашли в себе силы стереть с физиономий страшный грим страдания... А сейчас обсуждают что-то настолько мелочное, незначительное, абсурдное, что к ним не хочется даже прислушиваться! Интересно, зачем так орать — неужели кругом собрались одни глухие? А-а, просто необходимо переорать собеседников! Кто же из подобных оппонентов станет слушать спокойный, тихий голос!..

А это что за чудо — пробирается между столиками, глазками прожжённого психолога заглядывая пьющим в самую душу? Руки в карманах — чтобы не смущать почтенную публику нездоровым дрожанием. По всему, ищет «на халяву» опохмелиться... Ну вот, не успел вовремя отвести взгляд — перехватил, зараза! Гребет прямо к столику, сейчас причалит. А нужен ли он здесь — об этом он подумал?

Мужичонка — метр с кепкой — остановился прямо напротив Андрея и судорожно давился слюной, в упор буравя его красными глазками. Он напоминал голодного бродячего пса, вот так же стоящего возле столика в столовой и беззвучно умоляющего едящих людей о вожденной косточке. Андрей без слов взял с края столика оставленный прежним посетителем стакан и поставил перед попрошайкой, пододвинул к нему бутылку: пусть сам наливает, сколько ему надо. Тот оживился, цепко подхватил бутылку, налил себе и, подняв стакан, возгласил:

— Твое здоровье!

Со старых дрожжей его расперло сразу. Глазки ярко заискрились, щеки порозовели. Поставив стакан, он с минуту наблюдал за жующим беляш Андреем, затем его неудержимо потянуло на задушевный разговор.

— Баба ушла! — радостно объявил он, разведя руками. — Жена от меня ушла, говорю. Дочку забрала и ушла — к мамаше своей. К теще, значит, моей. Забрала вещички, деньги, что оставались, дочку — все забрала, стерва... Три дня назад... Да и хрен с ней! Что мы, баб не найдем, что ли! Правильно, друг? Правильно, говорю? Тебя как звать? Меня Семен. А тебя как?

Он обтер о штаны правую руку и протянул ее через столик. Андрей неприязненно глянул на нудного прилипалу:

— Какая тебе разница...

Тот понимающе кивнул, спрятал было руку под столик, затем снова приподнял и вопросительно взглянул на него. Андрей равнодушно смотрел в сторону. Расценив молчание как согласие,

мужичонка осторожно взялся за бутылку и налил себе и Андрею. Выпил один, шмыгнул носом и расцвел пуще прежнего.

— Хрен с ней, говорю, с бабой, — вновь загалдел он, заискивающе поглядывая на молчаливого соседа. — Двенадцать лет с ней прожили... — Он решительно махнул рукой. — И барахла не жалко, и денег — пусть подавится, змея! Дочку вот жалко... Родная кровь все-таки. Одна у меня дочка... А любит меня — просто страсть! В школе учится. В третьем классе... Нет, в четвертом... Да, в третьем, в третьем!.. Или... Пстой.

Он собрал морщинами узкую полоску лба. Однако задача, видимо, оказалась не по силам. Досадливо дернув голову, он вновь атаковал жену:

— А чего ушла — х.. ее знает! Деньги я ей приносил, кормил, одевал, дочку тоже. На работу не пускал — пусть дома сидит. А то знаем мы эту ихнюю работу — б..дство одно! Сам у себя на складе всех кладовщиц перетоптал. Я ведь грузчиком — на складе. Ох и б..дство там — не дай бог!.. Жену не пускал... Пускай дома сидит, шьет, стирает, пожрать там сготовить — ну, все как положено... Сам работал, один. Не понравилось, вишь! — Пьянчуга недоуменно вскинул брови; потом, вспомнив что-то, неловко потер ладонью щеку. — Бил я ее по пьянке. Несильно — так... Работает, работает, зарабатывает — семью-то кормить кто будет?.. Ну, вечером с мужиками сядешь, как положено, посидишь, выпьешь... Ну, сам знаешь. Домой придешь — а она начинает скулить! И скулит, и скулит — весь вечер.. Ну, не удержишься, да и дашь ей разов пять в ухо. Сразу успокоится!

Он противно захихикал, тщательно выискивая в глазах Андрея понимание и сочувствие. Но, видимо, не найдя, неуверенно добавил:

— Баба ведь должна молчать — на то она и баба, правильно я говорю? Я зарабатываю — могу, значит, на свои кровные выпить, правильно?.. Правильно ведь?

— Ну и мудак же ты... — бесстрастно констатировал Андрей.

— Чего-о? — Мужичонка отскочил от столика и угрожающе растопырил пальцы. — Не понял!

Андрей нехотя повернул к нему мраморное лицо:

— И что ты хочешь сказать?

Верно определив невыгодное соотношение габаритов, грозный пьянчужка скорчил донельзя обиженную гримасу.

— Эх... — горько вздохнул он, с укором тряхнув головой. — Я с тобой как с человеком... — и потянулся к бутылке.

— Вали отсюда, — спокойно предложил Андрей.

Рука попрошайки отдернулась, будто обжегшись. Недоумевающие глазки часто-часто заморгали, уставившись на столь негостеприимного соседа. Андрей почувствовал, что начинает закипать, и повторил уже внушительнее:

— Вали отсюда... — и, не сдержавшись, с оттяжкой довесил: ...педрило!

«Метр с кепкой», молниеносно оценив ситуацию, поспешно и без возражений отчалил.

Андрей, с трудом остывая, поднял свой стакан. Но, поднеся к губам, вдохнул ядовито-резкий запах — и вдруг почти бросил стакан обратно на столик. Стиснув зубы, раздув ноздри, злыми глазами окинул собравшихся в рюмочной.

«Вот это контингент! Бессмысленные, тупые рожи прирожденных скотов, безмозглых ублюдков, опускающихся ежедневно на ступеньку ниже — куда-то туда, к основанию эволюционного древа теории Дарвина! Но даже приматов должно оскорбить сравнение с ними: приматы не бьют своих самок, и приматы не деградируют — напротив, они развиваются!.. Что же я делаю здесь, среди них?!»

«А чем ты отличаешься от них? — жестоко съязвил внутренний голос. — Посмотри на себя: ты не мылся уже неделю, и одежда твоя вся покрыта каким-то дерьмом и алебастром. И у кого даже из этих дегенератов такая же щетина, как у тебя? Ты пьешь каждый день, пьешь, насилуя организм, давясь и захлебываясь, и радуешься лишь тогда, когда водка легко проглатывается. Ты напьешься сейчас и догонишься вечером. И завтра, и послезавтра будет то же самое».

«А потом?»

«А что — потом? Что для тебя еще имеет значение? Ты ведь отрекся от жизни, ушел от всего земного — что тебя может интересовать! Тебе более не нужны ни общество, ни книги, ни искусство, ни хорошая погода. Даже деньги в твоём кармане — лишь возможность несколько раз напиться, чтобы еще глуше забыть обо всем...»

Вспомнив про полученный расчет, Андрей ощупал карман. Плотный бумажный комок отозвался тихим шелестом.

Да, у него есть деньги, причем в довольно достаточном количестве. Значит, есть возможность отвлечься по-другому. Сходить в кино?(!) На дискотеку?(!!) Или проиграть в казино?(!!!) А может, взять да зацепить бабу? Как говорит Капустин, «шерше ля фам»?..

Мысль показалась Андрею настолько кощунственной, что по спине бесчисленным стадом пробежали мурашки. Пытаясь совладать с хаотическим потоком самых разнообразных чувств, он закурил, стиснув сигарету трясущимися пальцами. Пепел, падая хлопьями в стакан с водкой, расплывался по жидкой поверхности угольно-черным слоем.

...Кощунство? Конечно, кощунство. Но что он может ещё — ведь иначе он сопьется, просто превратится в законченного алкаша, неизбежно и закономерно опустившись до уровня этих,

которые вокруг? А если не станет пить, то попросту сойдет с ума — и это произойдет еще скорее... Да, ему нужна женщина. Ему нужна сейчас женская ласка — пусть фальшивая, продажная — как лекарство от яда, разъедающего душу, как целебный настой, наложенный на ожог третьей степени. Ему необходимо хоть на время усмирить боль, на короткие сутки забыться... Да что там на сутки — на ночь, на час! И тогда он оправится, тогда он сможет подняться на ноги и по-прежнему сам станет владеть собою! Тогда он заставит себя излечиться... Он не найдет замены любви — пусть будет хотя бы суррогат любви, хотя бы механическое животное спаривание! — но если это у него получится — значит, он еще не похоронил себя заживо, значит, он сможет вырваться из душного склепа, сможет выжить!..

И если Надина душа сейчас рядом и видит его, и читает его мысли, Она поймет и простит. Ибо Она знает, как он страдает от разлуки с Нею, знает, что ему теперь не нужен никто на свете, тем более какая-то другая женщина! Она знает, с какой радостью он сейчас просто взял бы и умер. С каким облегчением, с какой благодарностью встретил бы он избавительницу Смерть!.. Но он не может позволить себе спиться. Он не вправе допустить собственной деградации — хотя бы ради Ее памяти!.. И он не вправе позволить себе безумие...

## 2

...Конечно, в столь позднее время в таком роскошном баре не встретишь ни романтической девственницы, ни одинокой порядочной женщины. Но ведь он не за этим сюда и пришел. Ему сейчас нужна шлюха — именно шлюха, потому что продажные леди не лезут в душу, не выпытывают с пристрастием причину плохого настроения, не требуют ласки и лживых признаний. Ты вообще не интересуешь их как личность и даже как партнер, а между тем работу свою они делают добросовестно и со знанием дела, с готовностью принимая любые претензии: клиент всегда прав! — это ведь их лозунг, только они одни следуют ему буквально. И самое главное: то, что женщина может предоставить мужчине, они дают сразу, без нудных лицемерных проволочек, без глупого кокетства, утомительных капризов... Из него сейчас кавалер никакой, и нет сил на ухаживания, комплименты, остроты, сдержанные объятия и игривые прикосновения. Ему нужно просто тело; живое, теплое, но бессловесное — чтобы оно до утра согревало, растапливало его душу через его тело, после же сразу навсегда забыло о его существовании. Поэтому сейчас он здесь, сидит в дорогом ночном баре, впервые за неделю опрятно одетый, умытый и выбритый. Он потягивает через полуметровую пластмассовую соломинку разноцветный коктейль, жидкой радугой переливающийся в узком цилиндре бокала, и поглядывает по сторонам, выбирая товар.

Проституток много; стоит одним покинуть заведение, тотчас появляются другие, как в театре. Одни тусуются за отдельным столиком; демонстративно подкрашивая губы и поминутно одергивая тесные бандажки мини-юбок, они не смотрят по сторонам и ведут равнодушную бессмысленную беседу. Другие активно берутся за дело сами: с сигаретой в тонких пальцах подсаживаясь к потенциальным клиентам, традиционно просят огоньку. Если клиент заинтересовался невысказанным предложением, то он подзовет официанта и закажет шампанское и шоколадку; если нет — придется отчаливать к другому столику с новой сигаретой в пальцах... Такие милые девочки! Очень с ними удобно: подойдет, конкретно, без жеманства, объяснит суть вопроса, обсудит тариф, а прогонишь — не обидится.

Андрей остановил взгляд на столике возле стойки. За ним в ожидании улова терпеливо заседали три стройные «гёрлы». Две из них были ослепительные блондинки. Грациозно изогнув спины, закинув одна на другую длиннющие конечности в чулках телесного цвета, они олицетворяли собою лучшие образцы общественного порока. Лица их были вызывающе размалеваны, глубокие вырезы на одежде откровенно демонстрировали зыбкое желе белоснежных грудей, а тонкие пальцы с приклеенными ногтями были сплошь унижены безвкусно-громоздкими перстнями. Третья, брюнетка, выглядела рядом с коллегами несколько контрастно: накрашена слегка, на пальце только одно неброское колечко, декольте достаточно скромное, а ноги в темных чулках, с плотно стиснутыми коленями, по-девичьи подогнуты под стул.

Почему-то именно эти целомудренно сжатые бедра привлекли внимание Андрея. Он тщательно рассматривал брюнетку, щурясь от лезущего в глаза дыма собственной сигареты, удивляясь столь непрофессиональной скромности: «Наверно, начинающая, не привыкла еще. Между прочим, весьма недурна. Даже жаль, что одета не как те, — грудей вон совсем не видно... Заметила, что я на нее уставился: лицо отвернула, а между делом глазками постреливает. А может, она и не проститутка вовсе?.. Тьфу! Какие только глупости не залезут в трезвую голову! Откуда же, интересно, здесь, среди них — не проститутка! Да вон, кстати, и клиент подоспел».

Симпатичный парень спортивного вида приблизился к столику с «гёрлами» и, наклонившись накачанным, как у Рембо, торсом, сказал что-то на ухо одной из блондинок. Две длинноногие дивы, коротко переглянувшись, поднялись. «Рембо» взял обеих за локти и увел к своему столику. Брюнетка осталась одна.

«А вдруг в самом деле не проститутка? — некстати заявил о себе внутренний голос. — Пришла девушка в бар встретиться с подругами... А что!»

Андрей, конечно, не верил наивному внутреннему голосу, просто ему самому почему-то хотелось, чтобы она не оказалась про-

ституткой... Брюнетка между тем, демонстративно повертев головой, остановила на нем призывно-вопросительный взгляд. Андрей понял, что пора действовать.

Он поднялся из-за столика, с дымящейся сигаретой в руке пересек пустое пространство зала и, усевшись напротив красотки, стряхнул пепел в исполняющее обязанности пепельницы чайное блюдечко.

— Добрый вечер.

— Привет, — бесцветно откликнулась брюнетка. В усталых глазах — ни удивления, ни оживления, словно не мужчина к ней подсел, а официант принес заказанное блюдо.

«Все с тобой ясно, родная...»

Андрей с минуту смотрел в юное миловидное личико дорогостоящей гетеры, потом спросил тоном бизнесмена:

— Сколько стоишь?

— Стольник — час, — в тон ему ответила путана. Затем, подумав, добавила: — За ночь — пятьсот.

«Выходит, за пару ночей она зарабатывает больше, чем я за целый месяц. Спросить, что ли, как это ей удастся, — пусть поделится опытом?»

Усмехнувшись, Андрей кивнул:

— Согласен.

Брюнетка вопросительно вскинула гибкие брови. Пришлось пояснить:

— Согласен на пол-«лимона». За ночь.

### 3

— ...Проходи. Сюда, в зал. Садись. Вина хочешь? Сейчас принесу.

Андрей поставил на журнальный столик бутылку «Сангрии», два бокала. Включил магнитофон и, наполнив бокалы, тоскливо наблюдал, как она пьет алую влагу мелкими глотками, равнодушно уставившись куда-то в потолок. Красивая. Глаза большие, губки полные, и меру в количестве грима соблюдает, не в пример прочим. Грудь упругая, округлая, как у Нади... А ноги, пожалуй, даже красивее. Как же тебя угораздило ступить на порочную дорожку? Неужели кроме панели не было в жизни никаких вариантов? Разве не лучше было бы встретить хорошего парня, и не продать, а подарить ему свои прекрасные формы, свою ласку, свои чувства — всю себя? Разумеется, столь сказочного еженощного дохода ты в таком случае не имела бы — зато твой избранник был бы без ума от тебя; он зацеловал бы тебя, заласкал до смерти! Разве не об этом мечтает любая женщина, и ты ведь тоже мечтаешь о том же! Только тебе кажется, что сначала можно накопить деньжат, создать, так сказать, материальную базу, а потом, с легким сердцем предав забвению грязные страницы прошлой жизни, обрести, наконец, своего принца и зажечь с ним долго и счастливо, в

нескончаемой чередой оргазмов плода добропорядочных детей... Нет, несчастная, ты жестоко заблуждаешься: став проституткой, ты никогда уже не превратишься в любимую и любящую женщину — подобная метаморфоза исключена. Ведь «шлюха» — это как наколка, которую можно прикрыть рукавом, но на живом теле она все равно останется навечно. Ты больше не сможешь стать просто женщиной, ибо всегда будешь помнить, что ты — шлюха, и никакое финансовое благополучие не даст тебе счастья. Потому что счастье жертвенно и бескорыстно, оно не в деньгах, как бы банально сие ни звучало!.. Впрочем, что такое счастье, каждый толкует по-своему. Для тебя, возможно, его без денег и не может существовать. Одно слово — шлюха. Тварь продажная! Привести тебе слона — ты и с ним трахнешься за соответствующее вознаграждение! Шалава...

— Еще хочешь? Нет? Тогда посиди здесь, покури. Я сейчас.

Андрей ушел в спальню и принялся разбирать постель. Внутри него возникло и разрасталось необъяснимое желчное раздражение. Он не мог найти причину этому явлению и старался заглушить его, отвлечься, поскорее перейдя к намеченному мероприятию. Взбив подушки, сложив на стул ненужное сейчас одеяло, он распахнул дверь в зал и молча встал на пороге. Поняв приглашение, девушка торопливо затушила сигарету и, поднявшись, направилась к рабочему месту.

Приблизившись к тахте, она вопросительно обернулась к хозяину. Тот, бледнея гипсовым лицом, молча стоял, прислонившись к стене, скрестив на груди руки. Не дождавшись никаких распоряжений, брюнетка начала раздеваться. Встав к клиенту боком, она стянула сжимавшую бедра кожаную юбку, искала глазами и бросила на стул поверх одеяла. Затем туда же положила блузку и вновь вопросительно взглянула на него. Клиент по-прежнему не выражал никаких пожеланий. Тогда красотка неторопливыми, отработанными движениями сняла лифчик, затем трусики. Оставшись в чулках, легла на постель, вытянув руки вдоль тела и приподняв согнутые в коленях ноги. Она была полностью готова к выполнению долга; любые дальнейшие действия зависели всецело от прихоти партнера.

Андрей так же неподвижно стоял у стены, тупо разглядывая безупречное тело, арендованное им на всю ночь. К горлу подступил плотный шершавый комочек, и ядовитая, как серная кислота, влага разъедала веки. Преломляясь в этой влаге, колебалась, извивалась белой лентой разобранная постель — та постель, на которой всего несколько дней назад, ожидая и призывая его, лежала Надя... А сейчас на простыне, еще помнившей и хранившей тепло Ее тела, запах Ее желаний, лежала продажная девка, которую он сам привел сюда, чтобы осквернить священное ложе их любви!.. Чего же ты ждешь, Андрей? Раздевайся и действуй! Ласкай эту шлюху, как ласкал невесту, дари ей то же удовольствие, что дарил Наде! Люби ее,

как Надю!! Что тебя удерживает? Что тебе мешает, свинья?!. Ведь эта пошлая дрянь ничем не хуже твоей возлюбленной, а в чем-то и превосходит Ее — ты сам признал! А уж в искусстве наслаждения Наде с ней определенно не сравниться! Правда, все, что делала в этой постели Надя из любви к тебе, — эта станет делать по обязанности, по договору между двумя сторонами. Но у тебя же буйная фантазия: представь, что ей и самой все это нравится!.. А лучше вообрази, что она и есть Надя, — у тебя должно получиться! А шлюха тебе в том поможет: видишь, она уже интуитивно входит в роль — лежит в той же позе, в которой лежала Любимая, ожидая тебя! Надя всегда ложилась на спину, вытянув руки и приподняв согнутые ноги, чтобы потом, когда ты будешь готов, великодушно раскрыть их перед твоим восхищенным взором...

— Чего развалилась? — севшим голосом сказал Андрей. — Хоть бы ноги раздвинула! Учить тебя, что ли!

Брюнетка округлила испуганные глаза. Затем щеки ее зарделись, и она медленно, красиво развела ноги широко в стороны, не спуская с Андрея тревожного взгляда.

...Ну же, давай, приступай наконец! Бросайся между этих ног, целуй этот живот, эту грудь, эти пухлые губы! Наслаждайся этими ягодицами, этими сосками, этим лоном, как ты умел наслаждаться всем этим раньше! Возможно, ее профессиональные механические прикосновения заставят тебя позабыть святыне ласки Возлюбленной... Смелее! Надя все равно ничего не узнает и не увидит. Она ничего уже не увидит...

— Господи, ну почему... — с яростной ненавистью прохрипел он, обжигая тело брюнетки горящими глазами. — Почему прекрасная, чистая девушка лежит в гробу изуродованная, а какая-то грязная б..дь, живая и здоровая, валяется в ее постели с п..дой навыворот?!. Где же твоя хваленая справедливость, Господи?! Разве так должно быть?!!

Брюнетка стремительно сомкнула бёдра и села на краю тахты. Напряженно уставившись на страшного клиента, осторожно спросила:

— Я пойду, пожалуй?..

Не дождавшись никакой реакции, быстро набросила блузку, кое-как натянула узкую юбку и, схватив лифчик и трусики, бросилась прочь из спальни.

Оглушенный стыдом, ослепленный живыми картинами невозвратимого счастья, Андрей погрузил пылающее лицо в ледяные ладони... Внезапно очнувшись, процедил сквозь зубы:

— Черт... — и выскочил в прихожую.

Девушка торопливо запиховала в сумочку нижнее белье и никак не могла попасть ногою в туфлю.

— Постой... — Андрей ухватил ее за локоть. Брюнетка замерла, перестав дышать, как пойманная мышь. — Подожди. — Он умо-

ляюще смотрел на нее. — Прости меня. Прости, пожалуйста... Я сам не знаю, что со мной случилось. Нашло что-то... Не уходи, ради бога! Я ничего от тебя не стану требовать, только останься...

Он провел ее в зал, опять усадил в кресло, сам бессильно опустился в другое. Налил вина и, устремив мутный взгляд в свой бокал, спросил:

— Тебя как звать?

— Люда.

— Меня Андрей. — Он помолчал, сосредоточенно разглядывая трепещущее на янтарной поверхности отражение люстры, затем глухо, с усилием, выдавил: — Прости меня, Люда. Не подумай, что я маньяк или псих какой-то... Не сердись, пожалуйста. Просто... понимаешь... У меня недавно невеста погибла... Попала под машину...

#### 4

Он рассказал ей все, до деталей, до самого мелкого штришка расписав свои страдания, свой ужас, свое желание уйти от жизни через хмельной дурман, через постель с незнакомой женщиной. Он еще раз побывал у морга, посетил Надиных родителей, снова обошел все бары и рюмочную, пока не добрался до того места, где увидел красивую брюнетку и удивился ее застенчиво стиснутым коленям. Слезы струились по его щекам, и он чувствовал, как с каждой каплей обжигающей влаги уменьшается многодневная гнетущая боль, переполнявшая душу, дышать становится легче, как будто, поделившись своей тяжестью с этой совершенно посторонней девушкой, он передал ей часть своего груза и таким образом сохранил при себе лишь то, что осталось. Как перед иконой, он горько покаялся перед падшей блудницей в своей вине — ведь это он не проводил Надю, и именно потому Она пошла домой одна и попала под машину. Не сказал лишь о том, что были и другие виновные...

Девушка слушала молча, иногда задавая короткие робкие вопросы. В пустых, привычно-равнодушных доселе глазах ее Андрей с благодарным удивлением читал неподдельное, человеческое сочувствие... Когда он умолк, за окном было совсем светло, а часы с педантичной исполнительностью сравнивали обе стрелки на цифре 3.

Прервав молчание, брюнетка попыталась развеять тягостное состояние незадачливого клиента, в свою очередь рассказав ему о себе: о том, что «жрицей любви» стала всего три месяца назад, а до того работала уборщицей в некоей конторе с бесчисленным числом заглавных букв в названии. Вообще-то, она и сейчас там работает, ну а ночами подрабатывает, по совместительству — если, конечно, основной работой считать не ту, где она больше получает, а, так сказать, официальную... Разумеется, быть проституткой не сладко, тем более что она все три месяца говорит дома брату,

будто ходит ночевать к жениху. Коля на два года старше нее, они с ним живут в двухкомнатной квартире, ближе к речному берегу. Отец бросил их, когда они были еще совсем маленькими, а мать в прошлом году умерла от туберкулеза. Коля к ней с расспросами не пристаёт: видимо, верит, что сестра ночует у жениха. Но ведь вечно так продолжаться не может...

Заметив, что ее биография Андрея ничуть не увлекает, Люда (хотя какая она Люда — наврала, конечно!) сострадательно вздохнула и с ходу сменила пластинку:

— Ничего! Ты молодой, симпатичный — все остальное пройдет. Главное — не выдумай чего-нибудь с собой сделать, а то столько дураков то вены себе вскрывают, то с крыш бросаются! Через месяц — другой успокоишься и забудешь... Ну, не совсем забудешь, конечно. Просто снова войдешь в колею. Встретишь другую, опять влюбишься. Хуже тем, у кого проблемы непоправимые. Вон, тоже с неделю назад, Колькин друг — в армии вместе служили — «залетел» в больницу. Так он уже теперь вряд ли кого встретит; а встретит, так сразу и попрощается! Прикинь: у него как раз день рождения был, с Колькой вместе отмечали. Потом, Колька говорит, Лёха зацепил какую-то телку на улице, закрылся с ней в комнате, все путем... А минут через пять как заорет!.. Представляешь, эта дура стала ему мигнет делать, потом, видно, в раж вошла — и конец откусила! Не совсем, правда, но только после такого экстаза у Лёхи стоять не будет уже никогда. Колька был в больнице, врачи сказали — безнадежно...

— Что?! — вдруг вскинулся Андрей. Глаза его ожили, фосфорическим блеском мгновенно рассеяв поволоку. — Извини, я прослушал... Она ему конец откусила?

— Ну да! Не откусила, правда, а надкусила. Страстная такая попалась, как будто год живого мужика не видала!

— Неделю назад, говоришь?

— Да, где-то так... Точно — неделю. Колька когда в хирургии был, так доктор сказал, что больше семи дней держать не станут.

— Так что, уже выписали?

— Не знаю. Вряд ли: Колька ничего не сказал.

— Как, говоришь, его зовут? Лёха? Случайно, не Иванов? — (Первая фамилия, пришедшая в голову...)

— Нет, Перевозчиков.

— Перевозчиков? Не знаю такого... Одноклассник у меня есть — Лёха Иванов...

В ушах у Андрея звонили, переливаясь, многочисленные колокола. Сердце, срываясь, стучало неровно, с паузами, словно отбивая морзянкой тревожный сигнал. Пряча от собеседницы выдающие его смятение глаза, Андрей опустил их в пол. Стараясь подавить дрожь в голосе, безразлично спросил:

— А с ней что сделали?

— По морде настучали да отпустили. Что с ней, дурой, делать! Не убивать же...

«Люда» посмотрела поверх его головы на светлое окно, глянула на маленькие часики на своей тонкой кисти и, заглушив бойкое чириканье пробудившихся снаружи воробьев, вывела мораль:

— Вот так случается. Поэтому не стоит тебе убиваться — твоя трагедия еще не самая страшная. Хуже бывает... Ну ладно, утро уже. Я пойду.

Она встала и направилась к выходу. Андрей автоматически последовал за ней. Стоя в прихожей, напряженно наблюдал, как девушка — на сей раз точно — вонзает грациозные ножки в туфли на шпильке.

— Да! — внезапно вспомнил он. Залез рукою в карман и, выудив из него безобразно скомканный пучок денег, отобрал пять стотысячных купюр и протянул ей. — Вот, возьми.

— Чего? — удивилась брюнетка. — Ты же ко мне за всю ночь ни разу не притронулся!

— Все равно... Ты ведь просидела тут со мной... Как договорились.

— Не надо, — мягко улыбнулась девушка. — Что я, совсем сука бессердечная, что ли! У тебя такое горе... Ладно уж, будем считать, что сегодня у меня получился незапланированный выходной.

Переступив порог, она еще раз улыбнулась, бросила: «Счастливо!» — и, громко стуча иглами каблучков, спустилась вниз.

Захлопнув дверь, Андрей бросился в комнату. Схватив со стола шариковую ручку, он заметался в поисках какого-нибудь клочка бумаги, навязчиво повторяя все громче и громче:

— Лёха Перевозчиков... Лёха Перевозчиков! Лёха Перевозчиков!!!

Наконец, на каком-то газетном обрывке он запечатлел огромными буквами: «*Алексей Перевозчиков хирургия неделю назад — день рождения*».

Сжав ладонями виски, Андрей упал в кресло и закрыл глаза. Мыслей не было, только бесформенные обрывки фраз цветными лоскутами проносились в возбужденном сознании. В ушах то отчетливо звучал звонкий голос молодой проститутки, то глухой бас Серёги Капустина перекрывал ее щебет, чтобы через мгновение снова уступить ему место.

«...в раж вошла — и конец ему откусила... с неделю назад... страстная такая попалась...»

«...крови натекла лужа... а лицо целое... губы не разбиты... а во рту кровь...»

«...не откусила, правда, а надкусила... Лёха зацепил какую-то телку... на улице... как будто год живого мужика не видала...»

«...и на губах кровь... кого-то сильно укусила...»  
«...по морде наступали да отпустили...»  
«...не ее кровь... она сопротивлялась...»  
«...что с ней, дурой, делать... не убивать же...»  
«...голова была сильно разбита... раза четыре ударили, суки...»  
«...по морде наступали... не убивать же...»  
«...раза четыре ударили...»  
«...не убивать же...»

Неужели это могло случиться — ведь таких попаданий в реальной жизни не бывает?.. Или всего лишь совпадение, а чрезмерно самозабвенная минетчица и по сей день гуляет себе по улицам в поисках гостеприимных именинников, застенчиво прикрывая свежие синяки на лице? Впрочем, за неделю синяки уже сошли... Какого черта! Какие синяки, какая минетчица!.. Неужели не совпадение?!. Идиот! Надо было выпытать у нее, где живет этот Лёха! И, кстати, не было ли с ним и ее демократичного братца, плюющего на нравственность родной сестренки?.. Конечно, был — он же сам признался! Правда, в другой комнате... В комнате! Разумеется, он не расскажет, если это было на чердаке или в подвале... или в детском садике... Но в наказании-то той, что столь своеобразно оскопила Лёху, Колька уж точно принимал посильное участие! «Наступали да отпустили»?.. Что же ты все проворонил, придурок? Ведь их-то с братом адрес ты мог узнать!..

Спокойно! Не шепутись, Андрей. Сейчас тебе необходимо хорошенько все обмыслить, а лишние эмоции данному процессу не способствуют... Своего адреса проститутка, разумеется, никакому клиенту ни за что не засветит. Сказала — где-то в двухкомнатной квартире, ближе к берегу... В какой двухкомнатной — в пятиэтажке? девятиэтажке? шестнадцатиэтажке? хрен-знает-сколько-этажке?!. Блин! ну а просто выйти за ней и проследить ты не смог догадаться? Куда уж — для этого ведь нужно обладать мозгом по меньшей мере Пинкертона, не так ли!.. А может, еще не поздно?..

Стоп. Сиди спокойно. Глубокий вдох. Выдох. Еще вдох. Задержи дыхание... Во-первых, про район своего проживания псевдо-Люда также вполне могла наврать. Во-вторых, бежать куда-либо уже поздно. А в-третьих, и незачем: вычислить профессиональную путану, да еще столь юную и привлекательную, проблемы не составляет — судя по ее освоенному поведению в баре и мирной беседе с привычными коллегами, там ее постоянное рабочее место — так сказать, место в окопе. Пока что с ней лучше не встречаться: незачем привлекать к себе излишнее внимание; да и Колька-братец все-таки может оказаться ни при чем. А вот Лёха нужен определенно: откушенный пенис — улика более чем очевидная. Он-то и должен прояснить картину... Вот если его уже нет в хирургическом отделении, тогда волей-неволей придется искать все ту же «Люду»...

...Конечно, скорее всего, это только совпадение — слишком уж все красиво сходится, как в дебильных романах, загромоздивших все полки нынешних книжных магазинов... Ну и пусть совпадение! По крайней мере, появился свежий способ отвлечься, сыграв роль частного детектива, — а для данной роли необходимо блюсти трезвый образ жизни. На некоторое время такое приключение ему поможет...

А если не совпадение?

Ну, если не совпадение...

Любопытно, как ты намереваешься это выяснить? Поймаешь и без того несчастного Лёху и станешь пытаться его тлеющими «бычками»? А он возьмет да и окажется не при делах!.. «Бычки» отпадают — презумпция невиновности. А что ты сможешь предпринять помимо этого?

...К черту! Не все сразу. Подобные дела делаются аккуратно, просчитанно. Сперва найди того Перевозчикова, а там будет видно...

Все, лишние мысли — на хрен! Сейчас по плану — визит в городскую больницу. Когда она открывается для посетителей — в семь? в шесть? Не раньше шести, во всяком случае. А сейчас сколько? Полпятого... Что ж, покурить, попить кофе, еще раз покурить — и через часок можно идти...

## Миссия

### 1

Средних лет миловидная медсестра в окошечке регистратуры устремила на Андрея вопросительный взгляд.

— Скажите, пожалуйста: Лёха... э-э... Алексей Перевозчиков еще лежит здесь? Узнать хотелось...

— Когда поступил? — заученно проворковала медсестра, подвигая к себе огромную стопу папок с бумагами всех размеров внутри.

— Неделю назад.

— Я число спрашиваю, — тоном официального обвинителя потребовала суровая дама.

Андрей вспомнил дату своего увольнения — все ведь случилось в один день...

— Двадцать седьмого.

Медсестра долго кропотливо шелестела бумажками; наконец, вчитавшись в одну из них, подняла к Андрею полное благородного возмущения лицо.

— Перевозчиков?

— Перевозчиков.

— Алексей Павлович?

— Да...

— Двадцать восьмого! — гавкнула она, сильно надавив на второе слово.

«Ну конечно, двадцать восьмого! На следующий день... Или ночью...»

Медсестра вновь вчиталась в бумажку и неожиданно сдержанно засмеялась.

— А-а, это тот самый!

— Да, — смущенно улыбнувшись, подтвердил Андрей. — Его, по-моему, должны были выписать.

— Пока здесь. — Развеселившаяся женщина враз утратила всю свою протокольно-бюрократическую неприступность. — Вы к нему пройти хотите?

— Нет. Я только узнать...

— Доктор вчера сказал, что сегодня должны выписать. Ничего опасного для здоровья... Хотя я бы его здоровым никак не назвала!

— А... когда его выпишут?

— Выписка больных с десяти до двенадцати, — монотонно пропела несострадательная леди, захлопнув папку.

— То есть раньше он никак не сможет выйти из больницы?

Она посмотрела, как на конченого придурка.

— Какие-то вы странные вопросы задаете! Кто ж его выпустит раньше?

— А вдруг удерет?

— А больничный лист ему не нужен, что ли?

— Ясно. Спасибо большое...

— И чего вы так спешите? Никуда ваш друг не денется. Или, может, его невеста заждалась?!

Медсестра от души расхохоталась, поразив Андрея своей холодной жестокостью, так не вязавшейся с висящим рядом на фанерном щите полным текстом клятвы Гиппократы. Он взглянул на часы и пробормотал не столько вопросительно, сколько утвердительно:

— Значит, с десяти до двенадцати?... Спасибо. До свидания.

## 2

К десяти часам Андрей стоял неподалеку от оконца регистратуры и сосредоточенно, напрягая глаза до рези, всматривался в лица по одному выходящих из недр больницы выписанных. Встречающие с теплыми улыбками подсакивали к очередному исцеленному, громко выкрикивая его имя, и это было весьма удобно. Лишь бы не попался какой-нибудь чертов тезка, способный пустить его по ложному следу! И очень было бы хорошо, если бы никто не встретил Лёху Перевозчикова: а то облепят, не дадут возможности рас-

смотреть как следует, тем более незаметно идти следом. Да еще, чего доброго, усадят в ожидающую на улице машину — попробуй тогда догони! Останется только, как в западных триллерах, ловить другую машину и, плюхнувшись на сиденье, интригуяще бросать шоферу: «Вон за той коричневой калошей! Плачу втройне!» Но пока Андрей поймает эту вторую «тачку», Лёха уже будет курить на родном балконе... Правда, в крайнем случае можно попробовать узнать адрес Перевозчикова все в той же регистратуре...

«Стоп! Это какой-то какой Алеша? Этот, что ли?.. Пока отбой. Алеше уже на пенсию пора. Да и переломан чересчур основательно — дедушка, по всему, лихой ездок, ковбой нашего времени. При отсутствии члена, по-моему, костылей не выдают...

Не понял. Я что, последний встречающий? Тогда, пожалуй, лучше отойти вот сюда, в сумрачный уголок, чтобы не светиться... Время? Полдвенадцатого. Почти два часа стою. Вообще-то, хорошо, конечно, что больше нет встречающих: прятаться ни от кого, кроме самого Лёхи, не нужно. Вот сейчас сидели бы тут его родители или друзья — что тогда делать? Так или иначе обратили бы внимание — ведь, кроме меня, никого другого в фойе нету. А если бы ненароком сама «Люда» приперлась вместе с братцем! Вот был бы фокус!

Впрочем, все верно, того и следовало ожидать. Кто его станет встречать-то! Отец, скорее всего, много лет скрывается от алиментов, мать — алкашка, друзья — ублюдки, вроде него самого, да проститутки. Такие, как Лёха, — естественный продукт дурной генетической наследственности. Может, он даже не слишком виноват, что такой родился, и прав был старик Ломброзо: Лёха просто обречен был, рано или поздно, стать убийцей? Кому же он нужен! Небось, дома рады-радешеньки, что одно место освободилось и водки каждому больше достанется...

Вот сейчас явится из тьмы больничного коридора на свет божий какой-нибудь красавец-мужчина с глазами наглого хама, в костюме светского джентльмена, — и вся моя философия пойдет прахом! Кстати, пора бы уж, сколько можно!.. А может, его еще не выписали? Или некая любопытная медсестра, жертвуя собственным телом ради науки, пытается провести сеанс ускоренной реабилитации?..

Да нет, вон еще один спускается. Молодой. Морда сумрачная — с таким выражением отсюда на своих ногах не выходят... Он — больше все равно некому. Да и «сестра милосердия» в оконце, глядя уходящему в спину, подзывает коллегу, шепчет ей на ухо. Обе безжалостно хихикают, твари злобные; нет чтобы посочувствовать... Ладно, его я и на улице разгляжу, лишь бы он меня не заметил... Нет, даже головы не повернул. Конечно, с его-то проблемой!.. Так, теперь — за ним...»

Дав «объекту» несколько шагов форы, Андрей двинулся следом, донельзя удовлетворенный тем, что тот не стал ловить «тачку». Зна-

чит, до самого своего логова доведет, если, разумеется, не надумает, минуя дом родной, направить стопы к какому-нибудь безотказному собутыльнику... Да нет, должен все же сперва заглянуть домой. Спина широкая, сутулится сильно, идет медленно, приклатненной походкой — враскачку. Волосы длинные, давно не стриженные... Интересно, что у него за лицо? Какое у него должно быть лицо? Ведь оно должно быть каким-то особенным, не как у Андрея, непохожим на лица других людей? Не может лицо убийцы быть подобным лицу не убийцы — просто не может, и все!.. Если, конечно, он убийца... Если это вообще Перевозчиков. Само собой, фамилию в данных условиях не уточнишь. Так хотя бы имя...

Сутулая фигура остановилась возле киоска. Андрей замедлил шаг. Когда они поравнялись, сутулый, приняв из маленького оконца пачку «Примы», тронулся далее, на ходу доставая сигарету. Между ними было шага два. Андрей вполголоса окликнул:

— Лёха...

Тот дернулся и быстро повернул сначала голову, затем совсем остановился, недоуменно уставясь на Андрея... Так реагируют только на свое имя. Произнеси Андрей сейчас столь же тихо любое другое, Лёха его попросту не расслышал бы.

Андрей шагнул к нему вплотную, внимательно всматриваясь в лицо, — и внезапно с необъяснимой, пугающей ясностью понял, что это именно Он! Тот, кто убивал его Надю. Тот, кто запикивал в Ее чистые губы свой мерзкий орган. Кто уничтожил, растоптал Ее духовно, прежде чем уничтожить физически! Андрей не отдавал себе отчета, как он это понял: он просто увидел это в прищуренных волчьих глазах, в настороженно сужившихся, неподвижных зрачках готового ошестиниться зверя... Испугавшись, что эти зрачки пронзят его защитную наигранно-равнодушную внешнюю оболочку, — ведь у зверей чутье сверхчеловеческое! — Андрей виновато дрогнул бровями:

— Ой, братан, извини — обознался!

Лёха молча развернулся и пошел дальше. Теперь необходимо было соблюдать бóльшую осторожность, преследуя хищника, поэтому Андрей отпустил его гораздо дальше, чем прежде. Тот, однако, ни разу не обернулся, дойдя в конце концов до унылой пятиэтажки старейшего в городе проекта. Перевозчиков вошел в третий подъезд, а Андрей, достав из нагрудного кармана предусмотрительно захваченные блокнот и ручку, списал со стены на торце дома адрес.

Заняв неподалеку удобную наблюдательную позицию, Андрей закурил и попытался обдумать дальнейшие действия. Однако мысли путались, наскокивали одна на другую, хаотично переплетались и, совершенно игнорируя дисциплину, никак не хотели строиться в одну шеренгу. Он постарался успокоиться, сосредоточиться, но тут из подъезда снова вынырнул Лёха, и Андрей, подобравшись, замороженно последовал за «объектом».

Насквозь пройдя микрорайон, Лёха пересек широкую проезжую часть и углубился в соседний. Когда он скрылся в первом подъезде красивой кирпичной девятиэтажки, Андрей опять достал письменные принадлежности и зафиксировал: *Курская, 18, 1п.*

«Итак, что мы имеем? Два дома, любой из которых может быть домом Перевозчикова. А может, ни один. Хотя, скорее всего, первый все-таки его дом: отметившись дома, Лёха решил нанести визит тому самому стабильному партнеру по совместным заседаниям — на троих с бутылкой. Как ни странно, сегодня нормальный рабочий день — с какой стати, интересно, партнер сибаритствует?..»

«Какого черта! Почему тебе это интересно? И вообще, мало ли зачем он сюда зашел, — ты-то из чего делаешь выводы? Стой себе и жди — что тебе еще остается!..»

Догадка косвенно подтвердилась через пять минут. Какой-то молодой мужчина в спортивном костюме и тапочках, выскочив из подъезда, порысил к ближайшему киоску и вскоре вернулся с двумя поллитрами в руках.

Это надолго. Теперь можно, пожалуй, и расслабиться, и покурить спокойно, не дергаясь...

«Что у нас есть? Два адреса. Один — предположительно, самого Перевозчикова, второй — черт его знает, чей. И то, что мы знаем — имя и фамилию самого Лёхи и как он выглядит, — можно также занести в актив... Не понял... А чего же я тут стою!»

Андрей с яростью сломал только что подкуренную сигарету. В досаде на самого себя протяжно заматерился сквозь зубы.

«Что я стою! Мне известно практически все — даже гораздо больше, чем необходимо. Надо же бежать в милицию! Рассказать все там — и пусть они Лёху возьмут за жабры! По всему, ни сам Перевозчиков, ни его знакомые не из породы «крутых», которые в состоянии дать следователю «на лапу» столько, сколько требуется, чтобы правосудие от них отступилось. И происхождение, слава богу, самое прогрессивное — пролетарское: это и по роже заметно, и по походке. Для таких закон пока что существует; на простых смертных он распространяется во все времена... А уж в милиции умеют добывать добровольные признания! Это и раньше было известно, а уж сейчас-то — таких специалистов набрали и настолько развязали им руки, что при желании и необходимости даже покойник даст нужные показания! Куда там Мюллеру да Торквемаде с нами тягаться! И черт с ним, с ненавистным полицейским произволом! Они ведь не люди, даже не животные, — Они выродки, а потому к ним применимы любые методы — абсолютно любые, вплоть до самых бесчеловечных! Это как раз тот случай, когда цель в самом деле оправдывает средства: лишь бы дорваться до правды, лишь бы Лёха «раскололся» сам и назвал других выродков, тех, что были т а м вместе с ним... А он «раско-

лется», иначе и быть не может: ведь выродки героями не бывают — чего ради! «Расколется»!.. Если, конечно, он сам не мент...»

Споткнувшись, Андрей едва не грохнулся об асфальт. Тяжело дыша, он сошел с тротуара, уселся на низкий металлический бордюр, ограждающий по периметру здание Первого городского отделения милиции, и закрыл глаза. Сердце прыгало от живота до горла, мешая восстанавливать дыхание. Думалось еще хуже, чем прежде.

«...А если все же мент? Непохоже, конечно, но как знать! Или кто-то из его сообщников работает в Органах? Не обернется ли пущенный тобой бумеранг тебе же в лоб, Андрей? Не слишком ли поспешно ты принимаешь столь ответственные решения?..

Разумеется, поспешно. Не важно даже, связаны Они как-либо с милицией или нет... Ну, допустим, возьмут менты прямо сейчас Лёху. Дальше-то что? Никакой следователь от него ничего не добьется. Об алиби он с сообщниками (если таковые были) уже давно договорился; все Они станут в один голос показывать одно и то же: были у Перевозчикова дома, отмечали день рождения, «зацепили» на улице незнакомую девушку, юбиляр со взаимного согласия уединился с ней в комнате, и т.д. ... Нет, следователь не поможет. Только ты, Андрей, ты сам можешь заставить Лёху свидетельствовать против себя! Просто подстеречь его в темном месте, приставить нож к горлу — и если тот что-то знает, то скажет...

А когда скажет — что дальше? Ведь тянуть его к следователю будет по-прежнему бессмысленно...»

И вдруг он отчетливо осознал, что должен сделать. Это было Озарение, и сразу стало понятно, каким образом и для чего судьба свела воедино столько поразительных, невероятных совпадений. Внезапно прояснилось, почему он вчера надумал пойти в дорогой бар и «снять» проститутку, и почему «снял» именно «Люду»; почему «Люда», пожалев его, решила отвлечь от самоистязания рассказом о нелепом увечье Лёхи Перевозчикова; почему, наконец, Андрей знал, кто его враг, а сам враг о нем не мог и догадываться, ибо Андрей был для него в тени, как срок расплаты. Все это не было просто чередой случайностей — нет, это была разумная, божественная воля! Это был глас свыше, твердо внушающий ему: ты, и никто другой, должен стать орудием правосудия! Ты — обязан стать и следователем, и судьей, и исполнителем самого справедливого приговора!

### 3

«...Чем можно расплатиться за отнятую человеческую жизнь? Сколько она стоит? Восемь лет лишения свободы? Десять? Двадцать? Сколько?!

Общество, государство, правосудие обязаны обеспечить неотвратимое и равноценное содеянному наказание преступника. Р а в н о -

ценное. Но чему равноценно убийство, как не другому убийству? Чему аналогична жизнь, как не другой жизни? Абсолютно каждый человек понимает это и признает за аксиому, но вот общество в целом стыдливо отворачивается от истины, хотя опровергнуть ее не в состоянии. Общество желает быть «гуманным», причем в жутко извращенном понятии данного термина: ведь гуманным можно быть по отношению к людям, а не к выродкам, — и не надо лицемерно причислять выродков к человечеству; от этого выродки людьми не станут, честное слово! Однако общество плюет на могилы людей и грудью становится на защиту именно выродков, несмотря даже на противоречие собственным интересам. Потому что ему, обществу, не нужна логика — ему нужна показуха: ах, какие мы добрые, поглядите на нас!.. А раз оно не хочет воздать убийцам по заслугам, это придется сделать мне. И я это сделаю. Я не просто имею право на правосудие, я обязан совершить его. Я не имею права его не совершить!

...Но не стану ли я тогда подобен Им? Ведь пресса, правозащитники, представители интеллигенции и прочая «гуманистическая» братия в один голос твердят, что ни государство, ни закон, ни просто достойная личность не могут, не должны поступать, как Они — иначе, мол, в чем же разница между нами и Ими! А смертная казнь отвратительна, неэстетична, да и разве узаконенное убийство не хуже в тысячу раз убийства незаконного! Ну и что, что какой-то урод изнасиловал и растерзал восьмилетнюю девочку? Не убивать же его за это! В конце концов, то, что он совершил, для него вполне естественно — на то он и убийца! Но мы-то с вами культурные, цивилизованные люди! Девочку все равно уже не вернуть, так надо сохранить для общества хотя бы этого, попробовать перевоспитать его цитатами из Библии — непременно должно получиться! Тем более что он уже на верном пути: когда оказался в наручниках, сразу чистосердечно раскаялся; даже слезы невинного агнца блестели на его щеках в ту минуту...

Ах, господа правозащитники! Ах, нежносердечные непорочные девы! Как удобно и комфортно полемизировать о высших ценностях в уютных кулуарах, восседая в мягких креслах, среди бархатной обивки и интеллигентной публики! Все вокруг такие галантные, милые, чисто выбритые и аккуратно причесанные — так и хочется нежно обнять пусть даже собственного оппонента!.. Непонятно только, чего он так горячится, словно его родную дочь убили? Не кричите, оппонент! Расслабьтесь: ведь вы среди культурных, воспитанных людей. Учитесь выдержке у нас, правозащитников: видите, как достойно мы себя ведем — не шумим, слюной не брызжем, глазами тоже не сверкаем, и речь наша струится спокойно, ласково, как ручеек, и улыбаемся вам без искренности, зато старательно. А вы с виду тоже напоминаете интеллигента, а призываете к таким страшным вещам, к насилию! Ай-ай, и не стыдно?..

Вас бы, господа «гуманисты», не в этих кулуарах окружать видеокамерами, а привести в морг, поставить рядом с истерзанным телом той восьмилетней мученицы, включить прямую трансляцию по телевидению, навести камеры в упор, придвинуть микрофоны — давайте, дискутируйте о гуманности, о христианских заповедях, о передовом мышлении, развивайте мысль! Только не зажимайте носа, и не отводите глаз от детского трупа, и не пытайтесь прорваться наружу сквозь толпу представителей прессы! Что вы там пели полчаса назад о том, что все люди одинаково ценны для общества? Выходит, и эта девочка, и тот, кто ее замучил, одинаково ценны? Ничем то есть принципиально не различаются? И казнящий убийцу все-таки тоже убийца, как и Он?!

Нет уж, увольте. Я, Андрей Белкин, не стану убийцей. Уже потому, что буду не убивать, а вершить правосудие! Что там вопят борзописцы о недопустимости мести? Уж им-то, чернильным душам, надлежит потоньше чувствовать и понимать оттенки русского языка! Не месть, а возмездие — вроде бы синонимы; однако «месть» — понятие мелочное, очень уж личное, «возмездие» же — это венец правосудия, высший акт божественной справедливости!

«Прости врагам своим»? Но Они — не мои враги, а враги общества, человечества, самой цивилизации. И на меня возложена Миссия: очистить человечество, цивилизацию — не от Зла вообще — но от э т и х конкретно. И я не имею права отстраниться от выполнения Миссии — потому что она возложена, а не предложена. Я должен все сделать хладнокровно и без колебаний, ибо нельзя колебаться, выполняя долг. Я это сделаю... И теперь я знаю, для чего все еще живу в этом грязном, ужасном мире, в котором столь безраздельно царствует Зло...»

#### 4

Чувства подсказывают, разум утверждает решения. Теперь, когда Андрей зна л, что он должен сделать, необходимо было продумать до мелочей весь процесс мероприятия и подготовки к нему.

Навыков, разумеется, у него никаких — значит, их должен компенсировать трезвый расчет, безошибочная логика и скрупулёзная предусмотрительность. Все должно быть учтено и взвешено, чтобы у будущего следствия не возникло даже тени подозрения, чтобы никаких следов не осталось, и возможность поимки Андрея, таким образом, свелась к нулю. Потому что Лёха, скорее всего, убивал Надю не один — стало быть, данная акция не единственная и не последняя. Значит, всякий риск исключается: Андрей не должен ни попасться, ни погибнуть до самого окончания выполнения Миссии...

Сегодня Лёха заседал у своего партнера по литроболу до двух часов ночи. Завтра, если вообще он сам обеспечивает свое

существование, он должен отправиться на работу. (Как все же хорошо, что Перевозчиков не из «новых русских», — в противном случае операция осложнилась бы невероятно!) Если будет возможность, полезно выяснить место его работы; но, в общем, прежде всего необходимо знать, когда начинается и заканчивается его рабочее время. Желательно, конечно, чтобы Лёха трудился в черте города, иначе не исключен вахтовый график: то есть две недели — далеко на месторождении, а другие две недели он сможет гулять, где ему вздумается, заглядывая домой по мере надобности в любое время суток — утром-то не вставать. Лови его тогда, как хочешь!

Если все же в городе — как будет проходить запланированный «суд Линча»? Удобнее всего устроить засаду в подъезде Лёхиного дома, ночью, когда добрые люди спят, и лишь неосознательные парии, вроде Перевозчикова, догуливают где-то на стороне. Прекрасно, что сейчас лето: зимой лестничные клетки кишат неприкаянной молодежью. Да и следить за «объектом» на морозе слишком несподручно — сменщика-то у Андрея нет. Летом же, кроме комаров да нежелательных посторонних наблюдателей, никаких проблем... Итак, в подъезде. С освещением в данной части города постоянная напряжёнка; но, в случае чего, лампочку в подъезде можно заранее выкрутить или разбить: темнота — лучший друг «мокрушника». Лифтов в пятиэтажках не предусмотрено — и это плюс: Лёхе придется пешком подниматься по пустой лестничной клетке... Хотелось еще добавить — «по темной», да ведь черт его знает, в какую пору он надумает вернуться «под крышу дома своего», светает-то сейчас рано. Кроме того, желательно, чтобы Перевозчиков обитал не на первом этаже, иначе могут возникнуть сложности... Значит, в подъезде — решено. Сначала выяснить, куда направляется «объект», выйдя из дому. Затем дожидаться, пока он двинется обратно. Заскочить в подъезд раньше него и устроиться на площадке между этажами. Когда Лёха окажется рядом с Андреем, он будет полностью в его власти...

Как не «наследить»? Прежде всего не попасться на глаза никому из соседей Перевозчикова. Не залазить ногами в грязь... А что, разве чистые подошвы следов не оставляют? Хорошо, если бы как раз в то время шел сильный дождь: тогда на лестнице расползались бы нанесенные жильцами лужи, и сам Мегрэ не отличил бы конца одного следа от начала другого... Да если и останутся следы — что с того? Не станут же менты у всех горожан с 43-м размером снимать отпечатки подошв! Хрен с ними, со следами...

А вот резиновые перчатки в аптеке надо купить обязательно. Слишком смешно было бы «запалиться» на отпечатках пальцев — после того, как в течение целого столетия вся мировая литература и кинематограф навязчиво обучали тружеников криминальных

профессий элементарным азам конспирации!.. Что еще? Нужно, чтобы кровь не попала на собственную одежду. А оружие убийства необходимо унести с собой...

Были бы соответствующие деньги — попробовал бы достать пистолет... Впрочем, ну его к лешему! Во-первых, рискованно: ненароком омонцовцы «тормознут» на улице — и привет! Незаконное хранение и ношение... Во-вторых, шуму от него слишком много, — дело же весьма деликатное, требует полной тишины и, так сказать, конфиденциальности. А в-третьих, вообще никому не стоит «светиться», в том числе торговцам оружием и иже с ними. Так что придется обходиться холодным вооружением. Вон, в каждом втором коммерческом магазине лежат на прилавках элегантные ножи с выкидными лезвиями. Странно: вроде вещь незаконная, а пожалуйста — в свободной продаже, всего за двадцать тысяч!.. На этом веками проверенном инструменте и остановимся. Конечно, убивать холодным оружием психологически гораздо труднее... Но это только пустые эмоции!

...Остается самое важное: точно убедиться, что Лёха Перевозчиков — в самом деле один из убийц его невесты (если, впрочем, не единственный). Ошибка не имеет никакого права на существование.

«Что я, Робеспьер какой-нибудь, чтоб казнить по подозрению! Нет, мы выясним все досконально, докажем на сто пятьдесят процентов, чтобы у самого осужденного не осталось сомнений в справедливости приговора!.. Значит, так: я нахожусь на площадке, Лёха поднимается по лестнице. (Разумеется, если он живет на первом этаже, план придется полностью менять.) Когда он проходит мимо, я хватаю его сзади за волосы и приставляю к горлу нож. Затем начинаю допрос: как все было, кто участвовал — фамилии, адреса, места работы и прочее... Все, все он должен рассказать подробно, чтобы я сам представил случившееся ясно, как будто видел наяву... Он скажет все, что знает, и всех назовет — в таком положении и немые говорят! Когда же он признается в содеянном, тогда...»

«Что тогда?»

«...Тогда, как выражался незабываемый Доцент из «Джентльменов удачи», «я его — тово — бритвой по горлу»...»

«Сможешь?»

«Смогу... Тяжело, конечно, н е п р и в ы ч н о. Надо предварительно настроиться должным образом, чтобы рука в самый ответственный момент не дрогнула...»

«А если он станет все отрицать или, чего доброго, и вправду окажется непричастным к гибели Нади?»

«Тогда — что ж! — я отпущу его и уйду. И буду жить дальше. Уже не надеясь ни на какое возмездие, просто жить... Хотя — жизнь ведь часто сравнивают с горением, — так вот, я буду т л е т ь дальше...»

...Разумеется, все, что я тут намудрил и напланировал, какому-нибудь бывалому урке наверняка показалось бы до жути наивным, и он от души посоветовал бы мне не лезть не в свое корыто. Но я ведь не могу не лезть. И если, вопреки расчетам, попадусь на первом же выродке — значит, и в том есть какой-то высший смысл... Короче, опять свалим все на судьбу и божью волю. Тюрьма, как и смерть, страшит лишь тех, кому есть что терять...»

«А, собственно, с чего ты решил, что попадешься? — искренне удивился внутренний голос. — Ну, наследить ты в том подъезде, даже отпечатков на перилах в ряд наставишь — и что? «Пальчиков» твоих в сейфе угро не хранится, никто из родственников и знакомых Перевозчикова тебя знать не знает — какие к тебе могут возникнуть претензии! И в этот раз будет, как всегда: менты, как положено, опросят всех жильцов данного подъезда — а может, и дома, — всех знакомых, коллег, попытаются установить мотив преступления; ну, недоброжелателей Лёхиных попробуют «взять на понт». Потом включают его безвременную кончину в еженедельную сводку для прессы — и, махнув рукой, забудут навсегда и с легким сердцем... Брось попусту паниковать, Андрюха! Кто в наше время ищет убийц? И кто их находит?..»

## 5

На следующее утро с шести часов Андрей дежурил на своем наблюдательном пункте возле пятиэтажки Перевозчикова. В начале восьмого Лёха вышел из подъезда и направился к автобусной остановке. Андрей зевающей тенью последовал за ним, влез в тот же автобус и вылез на той же остановке, что и «объект».

Перевозчиков работал в одном из УТТ, расположенных на окраине города, видимо, автослесарем. Проводив взглядом удаляющуюся к проходной сутулую фигуру, немного покрутившись рядом со входом на предприятие, Андрей тактично пристал к одному из тружеников, уныло бредущих под опостылевшие своды транспортного управления, и ненавязчиво выведал распорядок рабочего дня. Ежедневный «дембель» в УТТ происходил в пять часов вечера; следовательно, Лёха должен был появиться дома где-то во второй половине шестого.

Пока тянулось рабочее время, Андрей купил в коммерческом магазине нож с выкидным лезвием и упорно, старательно точил его, сидя дома перед включенным телевизором, покуда лезвие не стало вполне пригодным для комфортного бритья подбородка. Он с каким-то фанатичным вожделием долго смотрел на стальную поверхность, любуясь волшебным переливающимся на ней спектром, испытывая к оружию почти нежные чувства...

В пять пятнадцать вечера он стоял на прежнем месте — напротив подъезда Перевозчикова. Нож лежал в кармане брюк, и

Андрей, обхватив правой рукою его пластмассовый корпус, ласково гладил большим пальцем гладкую кнопку. Лёха вошел в подъезд без двадцати шесть. Через сорок минут он вышел и направился по уже знакомому маршруту. По пути купив в киоске бутылку водки, зашел в ту же девятиэтажку, что вчера. В этот раз Андрею пришлось прождать его появления только до полуночи: все же перед следующим трудовым днем надлежало выспаться, потому в самом начале новых суток Лёха изволил вернуться к родным пенатам.

Так он путешествовал ежедневно. Правда, девятиэтажка сменилась сначала на шестнадцатую, а после на двухэтажку, но конечный результат всегда бывал неизменен: около — или чуть позже — полуночи, пьяный, но не до бесчувствия, Лёха возвращался домой, чтобы наутро полностью повторить традиционный цикл от начала до конца.

В ночь на субботу он «гулял» снова в девятиэтажке и задержался там почти до трех часов. В субботу вечером, проводив «объект» в один из дальних микрорайонов и зафиксировав в блокноте очередной новый адрес, Андрей резонно рассудил, что завтра — воскресенье, а потому дожидаться Лёху всю ночь, щедро потчужа озверевших вампиров-комаров собственной кровью, нет ни желания, ни смысла: ранее восхода солнца на его появление на улице не стоило и уповать.

«Куда ж ему деваться... — удрученно рассуждал Андрей, бредя в сторону своего дома. — В его незавидном состоянии только пить и остается... А я? Я-то чего тяну? Вроде бы все, что необходимо, выяснил — пора действовать. Завтра воскресенье: можно, пожалуй, устроить себе выходной, еще раз все продумать, взвесить, подготовиться. А в понедельник вечером...»

...В понедельник, проследив, куда на сей раз удалился «объект», Андрей четыре часа ожидал его выхода, нервно куря сигареты и часто меняя наблюдательный пункт. Как всегда, около полуночи Лёха показался снаружи. Угрюмо потоптавшись у подъезда, он медленно, слегка раскачиваясь, тронулся домой. Андрей метнулся за ближайший угол и, сделав огромный крюк, успел добежать до его пятиэтажки минут на пять раньше Перевозчикова.

В подъезде было совершенно темно. Андрей поднялся до последнего этажа. Никого не обнаружив, торопливо спустился до площадки между первым и вторым и затаился в углу, влажной ладонью стискивая нож.

Грудь холодным панцирем сдавило знакомое чувство волнения, замешанного на страхе. Сердце под панцирем изо всех сил старалось выполнять свою работу, но грудная клетка, предельно сжавшись, не позволяла ему в должной мере ни наполниться, ни сократиться. С непонятной брезгливостью Андрей ощущал, как

леденеют кончики пальцев и бледнеет лицо, постепенно лишаясь притока живительной крови. Из пересохшего горла к нёбу толчками рвалась тошнота.

«Закурить, что ли? — беспокойно подумал он. — Лёха все равно пройдет мимо, не заметит меня он не может. Если буду стоять просто так, рискую привлечь внимание, насторожить... А с сигаретой — никаких подозрений: курю себе, жду кого-нибудь... Тогда он, пожалуй, и не обернется... Разве что закурить попросит...»

Ветхая дверь подъезда тягуче завизжала. Снизу послышались тяжелые, неверные в темноте шаги. Затем невразумительная, приглушенная ругань и звук ладони, хлопающей о ткань: вошедший явно искал спички.

Не дожидаясь, пока он начнет подниматься, Андрей, вопреки своей воле, бесшумно двинулся выше. Он совсем не дышал и только боялся, что Лёха ненароком услышит, как его сердце гулко ударяет тугими алыми струями по стенкам холодного панциря... На третьем этаже он остановился, прислушиваясь. Спичек Лёха так и не нашел, однако тяжелые шаги ритмично приближались.

Андрей стал карабкаться дальше, безумно страшась неизбежной встречи, когда подниматься станет уже некуда. В его теряющем всякую ориентировку, подавленном ужасом сознании раскаленно-красной нитью мерцала невероятно нелепая мысль: ну почему, почему это не какая-нибудь Вавилонская башня, чтобы можно было подниматься и подниматься по ступеням до бесконечности, все оттягивая и оттягивая намеченное столкновение!.. Достигнув пятого этажа, Андрей вжался в стену, словно стремясь слиться с ней, вдавиться в алебастр и краску. Разумом он понимал, что нужно успокоиться и просто равнодушно двинуться Лёхе навстречу, — и не имел сил сделать так. Он попросту замер гипсовой мумией, вытаращив глаза в вязкую темноту, и целиком отдался воле провидения, покорно ожидая своей участи...

Ему повезло. Лёха позвонил в дверь на четвертом этаже, на неслышный вопрос изнутри нетерпеливо ответил: «Да я, я!..» Дважды, с промежутком, грохнули запоры, и в подъезде воцарилась тишина.

Андрей уронил обмякшее тело на верхнюю ступеньку и долго сидел, уткнув лицо в дрожащие колени. Враз прилившая кровь размягчала мозг, упруго хлестала по барабанным перепонкам, горячими румянами обжигала щеки.

«Чего ты так испугался? — лениво ворчал внутренний голос. — Будто не он, а ты жизнью рисковал, право! Что случилось?»

«Не знаю. День сегодня какой-то неудачный. Пока сюда бежал, ботинками в грязь залез. Хоть бы дождь пошел, что ли... а так — следы мог оставить... Да и самочувствие скверное; руки вспотели, аж нож выскальзывает...»

«Сними с них свои резинки, чтобы не потели. И кончай врать самому себе. При чем самочувствие, погода, неудачный день? Просто ты боишься, что все подтвердится и тебе придется убивать Лёху. Вот и ищешь глупые предлоги, чтобы отложить задуманное. Эх ты, неуловимый мститель! Террорист-самоучка...»

«Да, я боюсь! Не так это просто — перерезать глотку живому существу, пусть даже это существо вполне заслуживает такой участи. Очень трудно. Практически невозможно... Что делать! Я не родился ни бесстрашным, ни жестоким; ведь эти качества тоже — своеобразный талант, и даются не каждому...»

«Ну, быть по сему... Так ступай себе домой, чего ты тут засел во мраке, как сыч! Выкинь из головы все, что задумал, раз уж тебе это не по силам, и предоставь Господу карать грешников на том свете».

«Нет! Нет... Я не слишком уверен в загробном воздаянии, я не знаю, есть ли оно хоть там. Поэтому буду карать здесь! Это решено окончательно... Только сегодня, в самом деле, неудачный день. Или я еще недостаточно настроился, не в полной мере укрепился духом. Что должно быть, непременно будет завтра. Завтра...»

...Однако во вторник все повторилось. Опять он терпеливо караулил Перевозчикова до ночи, неотрывно наблюдая за входом в очередной подъезд; опять сидел в засаде между нижними этажами его пятиэтажки, сжимая мокрой рукою в тонкой медицинской перчатке пластмассовый корпус орудия возмездия. Когда же Лёха с шумом и бранью ввалился в подъезд, словно неведомый магнит вновь потянул тело Андрея вверх по лестнице... И когда за Лёхой захлопнулась дверь квартиры, он так же сидел на верхней ступеньке, в отчаянии раскачиваясь из стороны в сторону, стиснутыми до хруста рядами зубов силясь сдержать рвущиеся изнутри рыдания.

«Надо же, до чего мы сердобольные! — язвил в самую душу не на шутку рассвирепевший внутренний голос. — Все бы такими были! Тогда никто не ловил бы на темных улицах молоденьких женщин, не тащил в детский садик и не пихал им в рот свои вонючие органы! И уж конечно, не бил бы по голове тупыми предметами, покуда те не упадут нежным личиком в лужу собственной крови!»

«Заткнись! Молчи...» Андрей почувствовал, как сразу улеглось смятение, дыхание стало тяжелым и ровным. Достав сигарету, он закурил, с наслаждением гурмана впитывая никотин развернувшимися легкими.

«Сними свои резинки, не то поплывутся чего доброго!..»

Он послушно сунул перчатки в карман.

«И вообще выкинь их к черту! Нужны они тебе? Все равно зря по чужим подъездам ошиваешься... Подари кому-нибудь из морга — чтобы он у таких, как твоя Надя, в потрохах ковырялся!»

«Можно и выбросить. Неудобно в них, нож как-то плохо чувствуется... да и волос Лёхиных не ухватить как следует. В конце концов, отпечатков я и так нигде не оставляю — нож-то однозначно придется забирать с собой... А что ты там говорил про нежное личико в луже крови?»

«Можно и про нежное личико, и про разбитую голову, и про чужую кровь на губах, которых ты так любил касаться своими!.. Нравятся такие фантазии? Тогда давай вообразим еще изорванную на прекрасном теле одежду — она наверняка была изорвана, И м ведь хотелось добраться и до груди твоей невесты, и до попки, и до всего остального... Наверно, Она кричала, звала на помощь; может быть, даже твое имя выкрикивала. А ты в это время был далеко, сидел себе в удобном кресле и покуривал «Магну». Ты покуривал, а Ей в тот момент затыкали рот, чтобы не нарушала покой мирных обывателей — вроде Андрея Белкина... Надя же, по всему, здорово брыкалась! Кусалась, царапалась, пищала чего-то. Только куда Ей, слабой и хрупкой, против диких самцов! Они Ее, как видно, решили во все отверстия попробовать — ну вот, начали со рта... А чтобы не брыкалась, ударили по башке раз несколько. Но вот, не рассчитали, к сожалению...»

«Да, именно это ты будешь рассказывать мне завтра! Здесь, когда Лёха зайдет в подъезд, ты станешь рисовать передо мною свои жуткие, грязные картинки. Тогда я перестану потеть и трястись от страха, тогда я не побегу от моего врага под самую крышу. Тогда я смогу все — потому что чувствую, что уже сейчас я бы смог все! Потому что ярость — предтеча храбрости: чтобы в бою быть неустрашимым, необходимо ненавидеть врага. Завтра ты заставишь меня его ненавидеть. А сейчас — молчи!..»

«Не преувеличиваешь? — усомнился внутренний голос. — Полагаешь, завтра ты проснешься совсем другим человеком?»

«Да. По крайней мере, постараюсь... Я очень постараюсь... Не знаю. Посмотрим...»

...В среду к вечеру потек дождь. Он тек с перерывами: иногда переставал, набирался новых сил, новой влаги — и с ликующим шумом лил снова, как из гигантской лейки. Словно подбадривая и подстегивая к действию. Словно обещая, что не перестанет лить, несмотря ни на что.

Тогда Андрей понял, что это Знак. Знамение. Его час настал, и сегодня он не имеет права не совершить то, что обязан совершить.

## 6

...Дождь — это чудесно. У подъезда приговоренного — грязь непролазная и бурые лужи. Потоки воды с неба расстреливают лужи косыми струями, уродуя их поверхность желтыми волдырями пузырей. Главное — не останется никаких следов возле дома.

Откуда он явился и куда исчезнет — поди определи! И все же лучше перестраховаться.

Андрей достал из большого полиэтиленового пакета с ручками домашние тапочки и бросил на бетонный пол. Снял ботинки. Надел тапочки, а ботинки засунул в пакет. Чтобы в спешке не забыть пакета, надел его ручками на левую кисть. Мешать не будет. После всего, что предстоит сделать, необходимо быстренько переобуться — и бежать от подъезда по самым лужам...

Дождь идет уже несколько часов. Весь промок, пока «пас» Лёху. Впитывал влагу, подобно губке, и ни о чем не думал, ощущая себя каким-то Терминатором, запрограммированным на слезку и преследование. А теперь нужно перепрограммироваться на убийство. «Сейчас поднимусь на «свою» площадку между нижними этажами — и там перепрограммируюсь...

...Как! Он уже здесь?! Открывает надрывно визжащую дверь... Но ведь я только что поднялся... Он всегда появлялся лишь минут через пять-семь!.. Ах, дождь же идет. Лёха, видимо, тоже бежал га-лопом. Причем напрямую, в отличие от меня... Поднимается по лестнице? Но я еще не готов! Я не готов!..»

«Что ж, давай, беги на пятый этаж! Как обычно... И пусть Лёха Перевозчиков, убийца твоей невесты, спит себе спокойно, пока Надя гниет в могиле!..»

«...Я не успел настроиться! Мне еще хотя бы минуты две... Две минуты, Господи!..»

«...а Она уже гниет, не сомневайся. Вряд ли ты узнал бы сейчас Ее прекрасное тело — времени-то прошло достаточно, да и какая жара стояла!..»

«Хотя бы одну минуту! Всего одну!..»

«Да пошел ты в задницу, слюнтяй! И как только Надя с таким дерьмом решила связаться!..»

Скрипнув зубами, Андрей втиснул в правый карман мокрую руку, тотчас сжавшую нож. Левая рука машинально дернулась вверх, заставив пакет с ботинками сползти до локтя, чтобы не препятствовал движениям. Лёха, по обыкновению покачиваясь и гундося под нос что-то непотребное, не спеша продолжал восхождение. Добравшись до площадки, угрюмо покосился на Андрея и повернулся к нему спиной, собираясь подниматься дальше. Пора!..

Подскочив к врагу сзади, Андрей схватил его за волосы и резко рванул на себя. Голова Лёхи откинулась, от неожиданности он звучно икнул и взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. В этот момент стальное лезвие, с сухим щелчком выскочившее наружу, приникло острым краем к его кадыку.

— Тихо... — приглушенно посоветовал Андрей, и сам испугался неживого спокойствия голоса. — Чуть пискнешь — и п..дец...

Лёха застыл, ошалело выпучив глаза, парализованно вытянув руки с широко растопыренными пальцами.

— Сейчас мы с тобой побеседуем. Я стану задавать вопросы, а ты — точно и обстоятельно отвечать. Если промедлишь или соврешь хотя бы самую малость — завалю сразу. Все ясно?

Лёха издал некий сдавленный глотательный звук, воспринятый Андреем как утвердительный ответ.

— Я вижу, ты понятливый. Только не забудь, о чем я предупредил. И молись, чтоб никто нас не потревожил... раньше времени... Фамилия?

— Пе... Перевозчи... ков...

— Инициалы?

— Лёха... Алексей...

— Павлович?

— Да...

— Ты, Лёха, недавно лежал в хирургическом отделении городской больницы. Что с тобой случилось?

— Ххх... член... откусили...

— Надо же! Кто?

— Телка одна...

— Каким образом?

— Хотел заняться... оральным сексом...

— Добровольно?

— Да...

Лезвие втиснулось глубже в кожу. Лёха затаил дыхание, боясь шевельнуться.

— Еще раз соврешь — я предупреждал, а больше не стану... Так добровольно?

— Нет...

— Где ты ее «зацепил»?

— Возле детского садика...

— Какого?

— Не знаю... На Революции...

«Все-таки он!...»

— Кто с тобой был?

— Колян и Витёк...

— Фамилия Коляна?

— Не знаю... Правда, не знаю...

— Адрес?

— Я не знаю! Я вообще Коляна не знаю... Его Витёк привел...

— Ладно. Фамилия Витька?

— Марчук.

— Адрес?

— Курская, восемнадцать... Квартира... кажется, тридцатая...

Я номера плохо запоминаю...

— Курская, восемнадцать? Что за дом?

— Девяти... этажка...

— Это с ним ты «бухал» в день выписки?

— Да... — упавшим голосом подтвердил Лёха, абсолютно подавленный осведомленностью незнакомца.

— Где работает?

— На Четвертом КСП.

— Каждый день?

— Нет, вахтами... по «пятнашке».

— Когда начинается следующая вахта?

— Позавчера началась.

— Когда заканчивается?

— Двадцатого.

— Домой приезжает утром?

— Обычно вечером... в последний день.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать.

— Живет один?

— Нет... Жена и сын... маленький...

«Вот так. Значит, на моей душе должно повиснуть, помимо прочего, еще чье-то вдовство и сиротство...»

— Говоришь, Витёк Коляна знает?

— Да... Он второй раз ко мне с ним приходил...

— В тот день у тебя, по-моему, был юбилей?

— Да...

— Сколько стукнуло?

— Двадцать пять...

— А ей было только двадцать...

Лёха замер, как пойманный грызун. Секунду спустя по его телу волной пробежал озноб, он судорожно сглотнул и тихо заскулил:

— Это не я... Это Колян...

— Что — «не ты»?

— Колян ее убил. Я не хотел... А Витёк его удерживал...

«Все. Обвинение доказано. Приговор вынесен...»

— ...Я вообще сидел на скамейке, у меня кровь текла... Я ничего не делал!..

«...Верши же правосудие! И не дрожи рукой! Крепче держи руку. И в сторону — раз!..»

— ...Я только пошутить... хотел... А она мне откусила...

«...Раз-два — и в сторону!.. Руку — в сторону, скотина!!!»

Правая рука не подчинялась. Мелко трепеща, она напроочь отказалась выполнять приказы мозга. Андрей глубоко вдохнул, едва не подавившись сырым воздухом... Еще раз. Нужно левой толкнуть голову выродка чуть вперед, а правую рвануть вправо...

«Нет, чего-то мне все еще не хватает... Ясно, чего: я никак не могу возненавидеть это чудовище настолько, чтобы убить его. Но я непременно должен его возненавидеть! Что для этого требуется?...»

— Говоришь, пошутить хотел? А убивал, стало быть, Колян... которого ты толком не знаешь? А как он ее убивал?

— Бутылкой по голове... Бутылкой с шампанским... Я не видел — я на скамейке сидел...

— Шампанское куда дели?

— В-выпили... потом...

«Ублюдки... Но все равно ненависти пока недостаточно. Хотя — уже почти...»

— Ну-ка расскажи все подробно, в деталях. С самого начала. Где она вам попалась?

— Возле садика... Там... рядом дом... Между домом и забором...

— Ну?

— Подошли... Предложили... составить нам компанию...

Лёха трепетал как осиновый лист. Голос его звучал все глуше: всем своим подлым существом он чувствовал, что произносит сам себе смертный приговор. Но замолчать он тоже не мог: безжалостное лезвие врезалось в горло; казалось, стоит ему на мгновение перестать говорить — и холодная сталь тотчас вонзится в глотку.

— ...Она хотела закричать... Мы заткнули ей рот... и потащили в садик... в беседку...

— Дальше!

— Колян сказал, что это мне подарок... Я не хотел!..

— Не кричи. Продолжай.

— Она меня ударила. Ногой... Тогда Колян стал бить ее... Сказал Витьку, чтоб держал... Откуда я знал, кто она! Ведь нормальные бабы ночью не шарахаются!.. Я думал — шалава какая-то...

— Всё?

— Нет!!! Они схватили ее за руки, поставили на колени. А я подумал: может... оральным сексом... Я ей предложил... по-хорошему предложил!..

— Она взяла?

— Нет... Не знаю... Колян зажал ей нос...

— Колян?! — прохрипел Андрей, стиснув рукоять так, что хрустнули суставы пальцев.

— Я... я зажал!.. — зарыдал Лёха. — Она раскрыла рот... а я засунул...

Рука сама рванулась в сторону. Андрей не ощутил никакого сопротивления плоти металлу; ему показалось, что лезвие просто рассекло воздух. Но Лёха вдруг дико, натужно засвистел, забулькал горлом... Левую руку, по-прежнему державшую его волосы, обдало чем-то горячим, растекающимся к локтю. Андрей в ужасе оттолкнул от себя чужое тело и, отпрянув, расширенными глазами смотрел, как оно мучительно извивается на лестнице, сипя, царапая ступеньки скрюченными пальцами. Черная жижа тугими импульсами вырывалась из-под Лёхиного подбородка, заливая одежду и бетон вокруг, угрожающе подползая к ногам стоящего.

Андрея сломало сильнейшей рвотой. Он бросился вниз по лестнице, судорожно хватаясь левой пятерней за перила, на ходу бляя и на эти перила, и на свои руки... Глаза еще продолжали видеть чудовищную агонию цепляющегося за жизнь чужого тела, когда распахнутая собственным телом дверь выбросила его в черный космос ночи...

## «Мне отмщение...»

### 1

«...Как страшно смотреть в зеркало!.. Что я увижу там, кроме самого себя? О-о, я увижу нечто совершенно новое — я увижу убийцу... Интересно, какие у убийц глаза? Глаза — отражение души. Но убийцы теряют душу. Значит, в моих глазах должна быть пустота — и ничего, кроме пустоты...

Какие они ужасные! Я думал, что ужаснее уже ничего не бывает, когда видел их сразу после Надиной гибели. Оказывается, бывает. Однако они не пустые. Напротив, глаза переполнены пламенем: то ли чужая кровь стоит в них, то ли это пламя преисподней...

...Неужели я так и бежал по городу — с окровавленным ножом в руке, в окровавленной рубашке?! На левой руке полиэтиленовый пакет — тоже весь окрасился. Но ботинки внутри. Я бежал в тапочках?.. Оба тапочка на ногах. Пакет с ботинками здесь. Нож в руке. Я ничего там не оставил! Никто меня не найдет!! Как все здорово... А если я по пути накапал крови с пакета, с ножа, с рук?! А если на тапочках кровь? если я все же наступил в ту липкую, вязкую лужу?.. Но на улице дождь. Дождь-спаситель идет целый вечер и уже полночи... Еще идет? Да, крапает потихоньку. Слишком мелко крапает — достаточно ли, чтобы смыть кровь, если я накапал на землю возле подъезда?.. А, вот припустил сильнее... Боже, как я люблю дождь! Как я благодарен этим нудным струям, омывающим землю! Я готов расцеловать эту воду, ниспосланную с Неба, чтобы отвратить от меня месть злых! Набрать полные пригоршни и целовать, целовать — и смеяться, смеяться!.. Но мои руки в крови. Левая по локоть, правая чуть-чуть. Однако в правой нож, и он тоже в крови...

Почему не отмывается?! Сколько можно!.. Вся ванна порозовела, целый кусок мыла растворился полностью, а кровь все сочится и капает, капает на белую эмалевую поверхность. Будто просачивается сквозь кожу. Но руки не поцарапаны, кожа целая. Неужели галлюцинация? Нет, не может быть... Не может у галлюцинации быть в кус крови — такой отвратительный, соленый... Снова спазма...

Откуда только берется чем ругать! Как нужно обожраться, чтобы столько наблевать! Еще и там, в его подъезде... А кровь

течет себе, сочится разбавленными розовыми струйками. Либо я уже сошел с ума, либо это все-таки кровь. Откуда же, черт?.. Вот... ф-фу... Рукав рубашки в крови. Я намочил рукав, и она теперь сочится, окрашивая воду. Выбросить рубашку! И тапочки! И нож! Все, все выбросить!! Только сперва завернуть во что-либо. И — куда-нибудь подальше, хоть в реку...

Нет, нож — ни в коем случае! Ну и что, что главная улика! Его надо спрятать, надежно спрятать... Не покупать же новый, когда опять понадобится...

Что?!! «Опять»?!! Неужели я смогу сделать э т о еще раз! Хотя бы один раз! Нет уж, выбросить, к дьяволу! Чего доброго, найдут при обыске... При каком обыске? О чем это я?! Кто меня найдет?!!

...А вдруг меня кто-то видел? Я бежал через город весь в крови, с ножом в руке... Господи, какой идиот!.. Правда, ночь, дождь моросил, завтра четверг, рабочий день. Людей по пути вроде не попадалось... Впрочем, я же ничего не видел. Не помню даже, как вообще добежал. Только здесь и очнулся, когда взглянул в зеркало...

Ну, если видели, тогда конец. Вряд ли кому пришло в голову, что это работник мясокомбината с производства возвращается: припозднился, спешит очень, вот, мол, и забыл руки помыть да инструмент оставить!.. Могли увидеть просто в окно. Я их не заметил, а они меня — вполне...

Значит, сейчас за мной приедут. Если кто-то меня видел, то уже сообщил куда следует. Или завтра сообщит, когда услышит сводку происшествий по телевизору. Услышит, сравнит время и вспомнит: ага, да ведь я его видел, и даже лицо рассмотрел! Да и бежал он как раз во-он в ту сторону... А если собственные соседи видели, тогда и искать будет нечего. Через полчаса... да куда там! — через десять минут после бдительного звонка по 02 подъедет группа захвата. Двухметровые вышибалы с пистолетами будут стоять под дверью, звонить и орать: откройте, вам телеграмма! Потом при задержании сломают пару ребер и морду разобьют — это обычай, обязателька, чтобы наглядно продемонстрировать, как менты доблестно работают: вон какого матерого зверя взяли, сопротивлялся до потери сознания! После скуют руки наручниками, в одиночной камере прицепят над головой к какому-нибудь специальному крюку и станут методично хлестать ногами по почкам, пока не сознаюсь... Да не надо меня увечить, больше все равно не сделаете, — я сам все честно расскажу. И стоило бы придумать какую-нибудь «отмазку» поостроумней, да голова что-то совсем не варит. Не смогу я ничего придумать. Да и не хочется...

...Что-то не едут... А вдруг, правда, никто ничего не видел?! Тогда раньше полудня не приедут: пока обнаружат труп, пока придут, пока вокруг него потопчутся, жильцов опросят — не

заметил ли, не услышал ли кто-либо чего-либо подозрительного... Может, к тому времени просветлеет в мозгах, чтоб изобрести нечто оригинальное, алиби то есть. Необходимо только собраться, перестать вздрагивать и смотреть столь испуганно. Если что — можно объяснить свое состояние смертью Нади: у вас убьют невесту — вы как будете выглядеть, гражданин начальник?.. Но голова при том должна соображать четко, иначе «поймают» на вопросах. Хорошо бы ванну принять. Погорячее, чтобы кровь по извилинам забегала...

Вот так, пусть себе наливается, а я покуда выброшу все, что перепачкано кровью. Заверну во что-нибудь потуже и выброшу. А после — в ванну! Погреюсь, отойду, оттаю. Если до восьми утра не арестуют, посмотрю по «телеку» сводку происшествий...»

## 2

— ...За минувшие сутки убийств в нашем городе не зарегистрировано, — монотонно пела раскосая дикторша. — Изнасилование — одно, грабежей — восемь, из них три — с применением насилия...

«Еще не успели вставить в сводку. Завтра появится... А следствие уже идет полным ходом! Что с трупом, хотелось бы знать? Обнаружили его часа полтора назад, когда первые люди пошли на работу. Полчаса на звонок в отделение милиции, на приезд оперативников, следственной группы... Пусть час. Наверно, уже все сфотографировали, обмерили, отпечатки поискали, следы — и внутри, и снаружи подъезда... Скорее всего, занесли в квартиру. Или сразу — в морг? Сейчас лето, да еще жара такая — дома покойника держать нежелательно: будет быстро разлагаться, вонять начнет... Лучше в морг. Может, уже увезли?»

Андрей поднялся из кресла, стал медленно шагать по комнате — из угла в угол, от окна к двери. Пребывать в неподвижности было физиологически невозможно: тело порывисто вздрагивало конечностями, требуя движений, правое веко утомительно дергалось, а коленная чашечка на левой ноге дробно стучала отбойным молотком.

«Что-то я никак не успокоюсь. Чего-то мне очень хочется... А чего мне так хочется? Ясно, чего: взглянуть на труп Лёхи Перевозчикова, пока его не успели увезти. Говорят, всякий убийца испытывает патологическую потребность вновь увидеть свою жертву и место преступления. На чем многие и попадают... Но я же не маньяк какой-нибудь, мне-то оно зачем нужно! Просто переутомился, перенервничал, перенапрягся душевно...»

Сделав несколько все ускоряющихся виражей по комнате, Андрей выключил телевизор и начал обуваться.

Из подъезда он вышел осторожно, с оглядкой, словно опасаясь попасть ногою в капкан. Воровато крутнул головой и стреми-

тельно двинулся направо, затравленно косясь на встречных людей.

«Почему все так подозрительно смотрят? Странно выгляжу? Вам бы такое... А этот-то пацан, он-то чего вылупился? Глядит, будто с лица читает! Карнеги-младший, блин... Может, где-то на мне кровь осталась?.. Вроде нет. Вымылся весь, аж трижды, одежда тоже другая... Чего же все вокруг на меня пялятся?! Неужели все же видели ночью!..»

Он резко остановился, несколько раз глубоко вздохнул, зло сплюнул и медленно тронулся дальше. С головой явно было не все в порядке, потому и лезли в нее всякие нелепицы. Не нужно самому на себя нагонять страх. Вокруг все как всегда, люди как люди, никто за ним не следит; а если и взглянут походя, так не стоит делать из этого глубоких выводов... Кстати, куда он намылился? Посмотреть на труп? Тоже мне, приятное зрелище! Век бы его не видеть... Куда же?

«Вот куда: я ведь так и не удосужился ни разу побывать на месте Надиной гибели. Где тот садик? Где-то поблизости...»

...На территории садика номер восемнадцать небольшими шумными отарами паслись детишки. Они энергично лазали по миниатюрной полосе препятствий, беспокойно тусовались в беседках. Двое погенциальных авантюристов, рискуя свернуть шею, штурмовали забор с явным намерением вырваться на свободу.

Какая из беседок стала местом гибели Нади? Осталась ли Ее кровь на досках пола? Возможно, еще сохранился очерченный мелом силуэт Ее мертвого тела... Вон там, в глубине территории, воспитательница таинственным голосом вещает что-то сгуртовавшимся вокруг человечкам, то и дело тыча пальцем в ближайшую беседку. О чем она вещает, отсюда не разобрать. Наверно, на показательном примере старается внушить подрастающему поколению вечную мысль о необходимости дисциплины и послушания. Видимо, это и есть та самая беседка...

«Странно. Почему-то я совсем не настраиваюсь на траурную волну. Пытаюсь думать о Наде, о своем одиночестве, об этом роковом месте — и не могу думать. Все мысли — только о трупе Лёхи Перевозчикова. Или так должно быть — свежие впечатления вытесняют предыдущие? Или эти впечатления сами по себе сильнее тех?»

Андрей немного постоял, кусая губы, у ворот из металлических прутьев, потом, встрепенувшись, глянул на часы.

«Надо все же сходить посмотреть. Иначе места себе не найду...»

...В микрорайон, где вчера еще проживал Алексей Перевозчиков, Андрей входил с опаской, как на вражескую территорию, ощущая себя разведчиком, проникающим глубоко в тыл противника. Приближаясь к знакомой пятиэтажке, он нутром почуял некое напряженное оцепенение, повисшее в воздухе над местом

казни. Остановившись на одном из своих бывших «наблюдательных пунктов», у стены противостоящего дома, он стал следить за траурным столпотворением.

Возле третьего подъезда, галдя вполголоса, толпились люди. Они живо переговаривались, охали, качая головами, сдержанно объясняли случившееся новым подходящим. Мигая синими фонарями, стояли полукругом милицейские «УАЗики». Несколько стражей порядка, покуривая, бесстрастно перебрасывались посторонними фразами.

«Любопытно, чего все ожидают? Может, подойти к ним, расспросить, выяснить что почем? Боязно как-то... А кто меня знает? Шел себе мимо, решил полюбопытствовать... Но вдруг кто-то из них обратил на меня внимание, пока я здесь несколько дней подряд ошивался?!. Лучше не дергаться; попасться никогда не поздно...»

Внезапно толпа разом шумно вздохнула и напряженно замерла; рыхлая стена ее, мгновенно сжавшись, уплотнилась. Милиционеры подтянулись, выпрямились, побросав недокурные сигареты. Из подъезда торопливо выскочили, тревожно оглядываясь, несколько мужчин, затем задом протиснулся еще один, держащий в руках ручки носилок. Наконец мертвеца вынесли наружу. Одна нога трупа была вытянута, вторая полусогнута; руки со скрюченными пальцами неестественно приподымались над окостеневшим телом, словно насмешливо приветствуя собравшихся; голова вывернута набок. К подъезду очень медленно, пятясь, приблизилась машина «Скорой помощи». Водитель выскочил из кабины и открыл задние дверцы.

Когда ноги покойного уже оказались в заднем отсеке, из подъезда появились две женщины средних лет, закутанные в черные платки. Они бережно держали под локти рыдающую седую старушку на костылях. Старушка едва-едва, по какому-нибудь сантиметру, переставляла чугунные стопы, а женщины в черных платках своими руками передвигали ее костыли.

«Мать, — понял Андрей. — Отца, видимо, нет... Инвалидка... потому и не пришла за ним в больницу...»

Атмосфера стремительно отяжелела, плотными, почти ощутимыми осязательно слоями воздуха давя на голову и плечи. Андрей ссутулился, сжался и, чтобы не упасть, уперся лопатками в стену, не доверяя дрожащим, слабеющим ногам. Однако не отводил мутного взгляда от раздавленной горем старушки.

Она потеряла единственную радость своей жизни, как и он. Она страдала подобно ему. Сын Алеша — как почему-то сразу понял Андрей, не отдавая себе отчета в основаниях, — был у нее о д и н, так же, как Надя была о д н а у него, и другой такой никогда уже не будет. В ветхой, больной, постаревшей сразу на много лет женщине Андрей узнал себя. И, видимо, единственный из всех, находящийся поблизости, осознал и почувствовал ее отчаяние до конца.

«...А говорят, что жестокими становятся от недостатка любви... Отнюдь. Выродков любят не меньше, чем достойных людей. И скорбят по ним так же, как по достойным».

### 3

«...Имел ли я право на это? Кто дал мне полномочия на суд и приговор? И чего я добился? Вместо трех страдающих от невосполнимой потери теперь стало по крайней мере четверо. Я лишь увеличил зло, не исправив его. И мог ли исправить — ведь Надю не вернуть уже ничем? А кто вернет несчастной одинокой калеке ее сына? Чего ради ей жить теперь, и чего ради она жила до сих пор?»

Я же вдобавок к одной боли приобрел другую. И эта другая — несравнимо острее прежней. Преведняя ввергала в отчаяние, но оставляла в покое совесть; она безжалостно терзала душу, но не убивала ее. Теперь же я лишился души, ибо стал тем же, чем стали до меня сам Лёха и двое его приятелей, — стал убийцей. Убийцей, а не судьей, даже не благородным мстителем: ведь я покарал врага не открыто, как надлежит делать любое правое дело, — нет, я похитил чужую жизнь тайком, подобно вору, под покровом темноты, напав на него неожиданно, сзади, вооруженный на безоружного. Правда, мне хотелось еще узнать, кто те, другие, а после покарать и их. Но разве я способен повторить это! Нет, я скорее умру сам. Я просто физически не в состоянии вновь вонзить оружие в живую плоть... Как легко, незаметно погрузилось лезвие в Лёхино горло! Я ничего не почувствовал, даже не понял, что железо уже прошло через кожу, мышцы, хрящи кадыка, словно на их месте ничего и не было. Вот так, легко и незаметно, пресекается нить человеческой жизни; воистину, нет на свете более хрупкого сосуда...

Отныне и мне дорога в ад. Не к раскаленным щипцам, стальным крючьям и котлам с кипящей смолой — весь этот устрашающий набор пыточных инструментов лишь аллегория, тщетная попытка древних проповедников хоть в какой-то мере отобразить для грубой аудитории истинную картину душевных мук, ожидающих грешников. В ином мире не будет плоти — к чему же щипцы, и крючья, и смола? Там будет лишь твоя душа, беззащитная и нагая, не прикрытая привычной физической оболочкой, да ужасное исполинское чудовище, которому ты будешь отдан в вечное, абсолютное владычество. И зовется то чудовище Совестью. Оно не станет, подобно злобному земному изуверу, рвать тебя острыми когтями или погружать в тебя длинные клыки, как изображали на наивных средневековых гравюрах. Оно будет просто день и ночь безотрывно смотреть на тебя огненным взором, и во взоре том вечно будет стоять кровь — та самая, что

стекала вчера по лезвию твоего ножа, впитывалась в левый рукав твоей рубашки и черным пятном расплзлась у твоих ног. И ты не сможешь ни на мгновение отвести глаза или отвернуть лицо — потому что там у тебя не будет ни глаз, ни лица. Кровь станет единственным твоим видением навсегда, но вряд ли ты к нему привыкнешь — если бы в аду было возможно к чему-то привыкнуть, это не был бы ад!..

Но кровь уже стоит в моих глазах, я уже не могу, сомкнув их, отбросить прочь ужасное видение. Прежняя боль, боль от Надиной гибели, разъедала все мое существо; она пожирала меня изнутри, уничтожая и опустошая, подобно древесному червю... Э т о й боли внутри не сидится; она настойчиво, агрессивно рвется наружу, вместе с судорожной спазмой выскакивает из горла, просачивается сквозь зубы, растекается по губам... О т о й боли говорить не хотелось вовсе — об э т о й невозможно молчать. Безумно хочется пристать к первому попавшемуся навстречу прохожему и выложить ему все, совершенно все, ничего не утаив. Хочется взобраться на крышу, на телевышку, на Эверест — и крикнуть целому миру: вот я, тот, кто вчера убил, кто перерезал человеческое горло, кто лишил жизни разумное существо, такую же двуногую тварь, как я сам!.. Как невероятно трудно молчать об этом, сдерживаться, хватать зубами коварный язык, до зуда изнывая от искушения откусить его совсем! Значит, ад уже начался; чудовище Совесть не пожелало дожидаться моего последнего вздоха. Оно уже здесь, рядом, жжет меня в упор огромными пылающими глазами, исполненными осуждения и упрёка. То есть — я уже умер, в самом деле лишившись души еще при жизни... Блаженны убийцы хладнокровные — покуда они на земле, для них час расплаты не пробил!

...Но совесть должна терзать тех, кто не прав, — почему же она выбрала меня? Я же не законченный злодей и, даже убивая, страдал больше самой жертвы. Мне было страшнее и больнее, чем е м у, хотя именно о н заслуживал того в полной мере. И я не враз решился на роль палача: прежде я взвесил все доводы и аргументы, я выступал в роли обвинителя и адвоката одновременно, и если бы чаша весов слепой Фемиды хоть чуть-чуть заколебалась — ужели она подняла бы карающий меч! И не само ли Провидение хитросплетением нереальных совпадений привело меня к моей жертве и отдало Лёху в мои руки? Не орудием ли Божьей воли я выступил, не Его ли волей превратился в убийцу?!

Так или иначе, я им стал. Как подобает всякому убийце, я умер заживо, лишившись души и небесной благодати, — ибо лю б о й убийца недостоин жизни. Но я сделал только то, что о б я з а н был сделать. Я собрал по крупицам все свои силы, все мужество, чтобы совершить то, что должен был совершить. Мне

понадобились все мое терпение, весь мой разум, вся логика, чтобы убедить, заставить себя самого стать исполнителем Его воли... Господи, что же я еще мог! Была ли альтернатива невыносимому смертному греху?! Ведь если бы я не совершил этого — я тоже был бы недостоин жизни!

«Где же истина, Господи? И — что есть Истина?..»

4

— ...Что-то ты совсем на себя не похож, — отметил Серёга, разливая по бокалам принесенное вино.

— А что такое? — насторожился Андрей.

— Да... раньше был черный как туча, подавленный, а сейчас взъерошенный какой-то, напряженный...

Андрей нервно дернул щекой, схватился за бокал побелевшими от несоразмерного усилия пальцами. Двумя большими глотками выпил янтарную жидкость; задержав дыхание, ждал, пока растечется по капиллярам уравнивающее пламя. Капустин, не приставая, тактично молчал, потягивая крепленый напиток мелкими глотками.

— Что в городе нового? — предельно равнодушно спросил Андрей, не сводя глаз с пляшущего рекламой экрана телевизора.

— Полнейший беспредел, — вздохнул сын помпрокурора. — Позавчера на улице Октября парня убили. В собственном подъезде.

— Молодой был?

— Двадцать пять, что ли... Моложе нас с тобой. Убили зверски — горло перерезали, как барану... твари!

— Очередные разборки?

— Да нет, тех-то в угро всех пофамильно знают, и в лицо соответственно. А этот — простой работяга, автослесарь.

— Мало ли — автослесарь! Просто так горло резать не станут... по крайней мере, в собственном подъезде. Явно вычисляли. Значит, кому-то сильно насолил.

— Интересно! — изумился Серёга. — Раньше ты рассуждал по-другому... Хм! Это как же тебе, например, нужно насолить, чтобы ты горло перерезал?

«Может, рассказать ему? Серёга парень надежный, а мне бы очень полегчало...»

— Следов, как всегда, никаких?

— Дождь сильный шел, на улице сплошные лужи да грязь.

— Тем более должны были наследить.

— В том-то и дело, что на лестнице — следы только самого убитого. Видимо, как дождь начался, никто, кроме него, с улицы не входил. Жильцы утром милицию вызвали, а сами не топтались: то ли сообразили, что нельзя, то ли через покойника боялись перешагнуть.

— Ночью убили?  
— Ночью. За несколько часов до обнаружения.  
— Ну и?..  
— Отец все удивлялся: что они, киллеры, в носках работали? Или предварительно переобулись, как в школе?

— Нету следов, что ли?  
— Нет. Будто по стене шли.  
— А может, тапочки надели?

«Любопытно, зачем я это говорю?»

— Может, и тапочки. А скорее всего, караулить начали еще до дождя... Обычно в таких случаях родственники набегают. Пока вокруг тела помечутся — все следы ликвидируют. А этот с матерью жил; мать — инвалидка, с костылями ходит. Да ей до приезда группы и не говорили.

— А отпечатки пальцев?

— Да кто в наше время оставляет отпечатки! Народ-то пошел грамотный, телевизор, по крайней мере, все смотрят. Это если в квартире, да если пострадавший оказал сопротивление, тогда еще можно на что-то надеяться. И то, если не в перчатках действовали.

— Значит, опытные были киллеры?

— Чёрт их знает! Скорее всего. Были бы неопытные, горло бы не перерезали. Почикали бы всего ножом: в живот там, в бок — короче, в корпус. А горло перерезать, да еще без всяких следов борьбы и побоев, — тут привычка нужна. Чисто психологически не любой профессиональный убийца на такое решится. — Капустин что-то вспомнил и добавил неуверенно: — Впрочем, ты знаешь, не такой уж и хладнокровный этот киллер. По словам оперативников, все перила обрыгал, пока улепетывал.

— А на перилах отпечатков не нашли? Если именно перила обрыгал, а не ступени, значит, за перила и хватался.

«Хорошо, что ты не в той опергруппе!» — зло съязвил внутренний голос.

— Уж очень сильно, видимо, обрыгал, раз ничего не обнаружили.

— Короче, еще одно безнадежное дело, — резюмировал Андрей, изо всех сил подавляя выползающую на лицо кривую ухмылку. — Вот не повезет кому-то!

— Кому дело поручат? Да уж, хорошего мало.

«Сейчас плюну и расскажу все, катись оно к дьяволу!..»

«Самоубийца, что ли? Или кретин окончательный?!»

«Я в Серёге уверен больше, чем в себе. От него ни одна живая душа не...»

«Какая разница, в ком ты уверен! Сам знаешь: тайна, известная двоим, — уже не тайна. И вообще, что за идиотизм! Кто такие вещи...»

«Ладно!..»

Стиснув зубами язык, Андрей рывком соскочил с кресла и засуетился, поправляя комнатную антенну, чем сразу сбил и звук, и изображение телевизора. Проклятая тайна настойчиво просилась наружу, жгучим дыханием распяливая губы. Непреодолимо тянуло, подобно слуге царя Мидаса, высказать свой секрет в какую-нибудь ямку — хоть в унитаз...

«Нет! — наконец безоговорочно решил он. — Незачем перекаладывать свои проблемы на дружеские плечи: вряд ли Серёга был бы мне за это благодарен. Делиться надо чем-то хорошим, дерьмо же благородно будет оставить при себе».

— ...Наливай, Серёга, — чего расслабился? Твое вино — ты и банку!

## 5

...Когда-то, еще до того, как Андрей начал работать по вахтам, суббота для него была любимым днем недели. Как, впрочем, и для всех граждан СССР, затем СНГ, которые трудились по обычному пятидневному графику и считали первый выходной священным, светлым праздником, подобно правоверным иудеям. В субботу на улицах всегда царило бодрое оживление, в отличие от воскресенья не омраченное похмельным синдромом и унылым зрелищем закрытых дверей промтоварных магазинов. Люди, предвкушая непременно дружескую попойку в уютной компании, выпавшие и приятно-возбужденные, мельтешили туда-сюда до ряби в глазах, создавали пробки в проходах, ликующе гакали, нарвавшись на полузабытых давних знакомых, и щедро кормили кусочками развесного печенья хамски наглеющих воробьев. «Челноки» бойко сбывали товар, продавцы сигарет противно верещали, рекламируя дорогостоящую отраву, симпатичные девушки из киосков «Видеосервиса» стопками передавали в руки покупателей кассеты с порнографией. Даже попрошайки, неубедительно «косящие» под убогих нищих, опрометчиво теряли скорбный вид, весело сортируя по карманам богатый дневной улов. Достаточно было просто пересечь небольшое открытое пространство перед Центральным универсамом, чтобы, ощутив беспричинный прилив хорошего настроения, в очередной раз с удовольствием отметить: да, это — суббота!

А сейчас — чем отличается этот день от всех прочих? Лишь тем, что еще контрастней выглядит многоликая чужая радость рядом с его жутким одиночеством. Тем, что неприятно, влажно, словно гадюка, копошится в груди черная зависть к этим беспечным созданиям, кишасим вокруг него и то и дело грубо цепляющим за одежду набитыми доверху жратвой гигантскими сумками. И всякий раз, когда какой-то здоровый хомяк бесцеремонно проходит,

будто траками, по его ботинкам, хочется дать ему смачного пинка под зад!.. Но Андрей знает, что люди не ответственны за его горе. Оно, это горе, только его, и ничье более. Оно не должно отравлять жизнь окружающих, потому что иначе горем захлебнется весь мир: ведь каждый день кто-нибудь страдает, однако это не мешает другим вокруг него радоваться своим мелким радостям. Придет срок — и у этих других тоже будет только свое, и ничье более, родное горе...

— Молодой человек, — прозвучал сбоку приторно-ласковый голос.

Андрей обернулся. Слева от него стоял на асфальте приземистый столик, сплошь покрытый, будто чешуей, духовной литературой. Черные обложки сборников Евангелий золотились тисненными крестами, рядом разноцветно пестрились какие-то богословские брошюры вперемешку с отлично выполненными яркими альбомами, чьи красочные рисунки и космические фотографии наглядно свидетельствовали о сверхъестественном происхождении всего сущего во Вселенной. Вокруг столика, вполголоса переговариваясь, теснилась скромно одетая братия — то ли баптисты, то ли члены какой-то другой местной секты. Высокий благообразный мужчина, примерно его ровесник, внимательно смотрел на Андрея.

— Вы мне?

— Да, вам. Если не торопитесь, прошу вас — уделите несколько минут.

Пожав плечами, Андрей приблизился к столику и стал рассматривать обложки. Слушать сектанта было неинтересно: он заранее знал, о чем тот может сказать. Душеспасительные проповеди баптистов были слишком шаблонны, в них неизменно отсутствовала живая мысль, потому Андрей всегда был твердо убежден, что завлечь в секту можно лишь конченого двоечника либо того, у кого «не все дома».

— Я увидел сейчас ваше лицо, — ласково провещал голос высокого сектанта. — В вашем лице — скорбь и смятение.

Андрей согласно качнул голову, подняв на собеседника безмерно усталые глаза.

— Вашей душе нет покоя. Вы не находите его ни днем, ни ночью. Вы утомлены, душа ваша больна.

— Больна, — подтвердил Андрей. — Что же я могу поделать?

— Приходите к нам в наше общество «Церковь Иисуса». Мы помогаем страждущим, и многие, очень многие, придя к нам, обрели утешение. Я дам вам адрес...

— А каким образом вы утешаете страждущих? — перебил Андрей. — И чем можете утешить меня — я ведь даже не христианин?

— А вы все же придите, — проникновенно возразил сектант. — Вам недостает любви и понимания. Вы боитесь доверить дру-

гим людям свои переживания, сомнения, может быть, даже свои прегрешения. Вы постоянно носите в сердце тяжелый камень, не зная, как от него избавиться. Вашей душе не хватает веры, потому она так мятётся. В вере же душа обретает покой.

— Мне кажется, смятение и беспокойство — естественные свойства живой души, — как по писаному выдал Андрей. — Безмятежная душа — мертва.

Сектант слегка смутился, осознав, что ухватил плод, который ему не по зубам. Однако, овладев собой, он еще раз, хотя уже без прежнего энтузиазма, попытался повести беседу:

— Все же возьмите наш адрес. Неисповедимы пути Господни: кто знает, может быть — как-нибудь, случайно — вы захотите к нам заглянуть. Просто посидите, послушаете — ведь это вам не повредит...

— Скажите, — подумав, спросил Андрей, — ваше общество существует давно?

— Очень давно, — улыбнулся сектант. — Я не скажу точно, но об этом вы можете прочесть у наших авторов... — Он с готовностью потянулся к разложенным на столике книгам.

— Не нужно авторов. Скажите лучше, что члены вашего общества делали, допустим, во время Отечественной войны?

— Молились, — чуть растерялся благообразный пропагандист. — Молились, чтобы Господь наш даровал победу русскому воинству.

— А сами воевать не пробовали?

— Нет. Нам нельзя даже брать в руки какое бы то ни было оружие. Это — грех!

— Грех? Значит, ваша святая братия предпочла остаться чистойшкой? Непорочной, аки Дева Мария? Другие, осквернившись вражеской кровью, остановили Зло — вы же остались незапятнанными! Не борясь со Злом, сохранили непорочные души! А если бы все были такими вот святошами, если бы все так же боялись запачкаться — ведь некому было бы противостоять дьяволу и силам тьмы! (Вы, надеюсь, не станете возражать, если я отнесу нацистов к темным силам? Нет?) Так вот, случись такое — и Зло восторжествовало бы, не встретив сопротивления. В этом даже лицемернейшая официальная Церковь гораздо честнее вас — ибо священники благословляли воинов, идущих у б и в а т ь . Убивать Зло!

Сектант, часто-часто заморгав, испуганно отшатнулся от гневного обличителя. Его «духовные братья» враз замолкли, уставясь на Андрея с таким ужасом, словно он был левиафан, изрыгающий пламя. Оказавшиеся поблизости граждане, почему-то решив, что намечается скандал с рукоприкладством, запоздало навостряли уши.

Покинув поверженных оппонентов, Андрей быстро зашагал прочь от шумного пятачка перед универсамом. Пройдя спортив-

ным шагом метров триста, он вдруг остановился, поразившись пришедшей в голову странной мысли. Кусая губы, медленно добрался до ближайшей лавочки, которая некогда была нормальной скамьей, покуда дикая шпана не смела ее упругую спинку. Сел и, закурив, принялся размышлять.

«...В самом деле, почему бы и нет? Приду в церковь после закрытия, когда уже никого из паствы не будет поблизости. Поп обитает рядом с храмом — пусть примет исповедь великого грешника! Неужели откажет?»

«Но ты же не веришь в христианского бога, Андрей! Зачем оно тебе сдалось? Что ты рассчитываешь получить от этой нелепой экспедиции — отпущение грехов, которого все равно не воспримешь?!»

«При чем тут вера в христианского бога! При чем мое восприятие! Люди на исповеди рассказывают о своих грехах, и им в самом деле становится легче — не потому, что получают отпущение, просто они делятся со священником своей скорбью, своей тяжестью, они доверяют живому человеку мучающие их тайны, — а что еще мне нужно!..»

Пойду! Сегодня же вечером, ближе к закату. Если я не выскажу кому-либо мой кошмар, то он просто сожжет меня изнутри... Это даже прекрасно, что я изолью душу не знакомому, а попу, с которым мы друг друга знать не знаем. Поп примет мою тайну, мою боль — и никогда, нигде более мне не встретится, разве что случайно. Он примет сокровенное и передаст своему Иисусу, а кроме него — никому. Не думаю, что пожертвует и без того шатким престижем священнослужителя ради того, чтобы заявить в Органы: должны же они, попы, в конце концов, хранить тайну исповеди!..»

## 6

Красивая новая церковь, недавно возведенная на пожертвования искренне верующих, городской администрации и наивно надеющихся за деньги купить спасение души криминальных элементов, аккуратным кубиком красного кирпича высилась на окраине города, через дорогу от стройных шестнадцатизэтажек, высокомерно сверкающих малиновым отражением заката на глянцевой чешуе внешней керамической облицовки. В нескольких десятках шагов от храма робко притаился двухэтажный кирпичный же дом, внутри которого проживала семья священника и, видимо, семьи каких-то его подпевал, вроде диаконов. Маленький старенький, классически согбенный (за неимением традиционного горба) церковный сторож уже возился с запорами ограды, когда Андрей, приблизившись, обратился к нему:

— Добрый вечер.

— Добрый, — не очень искренно отозвался сторож, лязгая ключом.

— Мне нужно увидеть батюшку.

— Церковь закрыта, слепой, что ли! — грубо отрезал старичок. — Завтра приходи.

— Мне необходимо видеть священника именно сейчас, — внушительно сказал Андрей. — Будьте добры, пойдите к нему и передайте, что великий грешник желает исповедаться. После у этого грешника такой возможности не будет. Должен же служитель Господень помогать страждущим во всякое время!

Сторож, заперев-таки ворота, хмуро покосился на него и, ничего не ответив, направился к двухэтажному дому. Минут через пять он показался из подъезда вместе с наспех облаченным в черную рясу священником. Поп, на вид лет сорока, с аккуратной недлинной бородою, приблизился к решетчатой ограде и сквозь прутья взглянул на Андрея внимательными водянисто-голубыми глазами.

— ...Я ему говорю: церковь, мол, закрыта; а он заладил: давай сюда батюшку, не то через забор перелезу, — вполголоса фантазировал сторож, явно полагая, что запоздалый посетитель так же туг на ухо, как он сам.

Рассмотрев за решеткой осунувшееся, потемневшее от переживаний лицо с тускло тлеющими огромными глазами, поп кивнул сторожу. Тот, недовольно насупясь, снова загремел ключом.

Когда Андрей ступил на территорию церкви, священник сделал пригласительный жест рукою.

— Прошу вас, следуйте в храм.

...Погрузившись в гулкую пустоту церкви, Андрей остановился, опасаясь во мраке неостати на что-нибудь натолкнуться. Однако глаза освоились сразу, и он уверенно последовал за успешшим удалиться вперед священником. Тот, остановившись примерно на середине храма, дождался, когда посетитель приблизится, и предложил:

— Пройдем к аналою?

— Можно и к аналою. Впрочем, все равно куда.

Видя непонимание священника, Андрей торопливо пояснил:

— Я хотел сказать, не нужно ни покрывать меня епитрахилью, ни давать отпущение грехов. И крест с Евангелием я целовать не стану. Я пришел сюда облегчить душу, потому что мне очень, очень тяжело. Мне не с кем поделиться своей тяжестью, а я в этом страшно нуждаюсь... Если, конечно, вы захотите выслушать того, кто ни к вашей пастве, ни к религии не относится.

— Я обязан помогать всякому ближнему, будь то христианин, язычник или атеист, — спокойно и серьезно ответил священник. — Скажите мне, как вас можно называть?

— Я могу доверять вам абсолютно, святой отец? То, что я расскажу вам, не станет ли достоянием других ближних?

— Можете. Совершенно безоговорочно. Нарушив тайну исповеди, я рискую лишиться не только сана, но и благодати Господней.

— Но это не совсем исповедь...

— Если вы хотите, как сказали, облегчить душу, то это и есть исповедь. Однако вы, насколько я понял, не желаете получить отпущение?

— Да, батюшка, не желаю, ибо не раскаиваюсь. Более того, свой жуткий грех я готов повторить еще дважды. Мне уйти?

— Отчего же, — немного подумав, отозвался священник. — Раз вы сами пришли к Господу, давайте побеседуем. Я надеюсь, с Божьей помощью, убедить вас отказаться от своего намерения.

— Меня зовут Андреем. Это мое настоящее имя. Могу я узнать ваше?

— Отец Георгий.

— Отец Георгий, предупреждаю вас: я не христианин, даже не крещен.

— Это я уже слышал. Давайте все же отойдем в сторону. Хотя в храме никого, кроме нас, нет, но здесь очень гулко. Вас, я заметил, смущают громкие звуки.

Они отошли к какой-то нише в стене. Отец Георгий, достав две свечи, зажег их и поставил на находящуюся тут же столешницу. Пристально взглянув на несколько потерянного Андрея, он спросил исподволь:

— Вы верите в Бога?

Андрей помолчал, обдумывая ответ. Он долго не мигая смотрел на трепещущий язычок пламени, венчающий свечу, затем поднял глаза на терпеливо ожидающего священника — и вдруг заговорил взволнованно, многословно, как не говорил уже давно. То ли собеседник располагал к тому, то ли очень уж хотелось выговориться, а скорее под реально умиротворяющим воздействием самой атмосферы храма, в истерзанной душе как-то сразу воцарилось легкое, исцеляющее спокойствие, развязавшее доселе скованные чувства. Слова лились наружу сами собою, свободно, выталкиваемые полузабытой свежестью мыслей. Слабый огонек свечи то и дело ложился набок и вновь распрямлялся, трепеща под слетающими с его губ горячими воздушными струями.

— Верю. Не будь Бога, не существовало бы ни зла, ни добра. Мы были бы детьми одной Природы, которая отличается от нашего смутного рассудка именно своей незыблемой правильностью, логичностью, безошибочностью. А добро нелогично, оно по сути своей противоречит законам биологии: ведь добро — это всегда жертва, причем жертва добровольная. Само существова-

ние Добра как явления — не лучшее ли доказательство существования Бога, то есть некой Воли, действующей вопреки законам Природы?.. Однако я не верю в бога христианского, как и мусульманского, буддийского и любого другого. Всякая религия чересчур упрощает Его образ. Бог — понятие всеобъемлющее, сверхкосмическое, оно непостижимо для нашего примитивного разума! Тем не менее человек в извечном стремлении все подгонять под рамки своего убогого восприятия решил, что Бог непременно должен быть похож на него: как же, ведь мы — не просто говорящие животные, мы — венец творения, а потому не может быть формы совершеннее нашей! Не Бог создал людей по своему образу и подобию, а люди придумали себе бога, похожего на них, причем не только обликом, но и характером, и страстями, и побуждениями. Не таков ли ветхозаветный Иегова — своевольный, капризный, творящий потопаы и уничтожающий города и целые народы по сиюминутной прихоти, просто от плохого настроения? Он слишком напоминает избалованного ребенка, играющего с оловянными солдатиками. Такого бога я не приемлю!

— Тебе не хватает веры, — определил отец Георгий, как-то органично переходя на «ты». — Ты, как неверующий Фома, все подвергаешь сомнению, до всего стремишься достигнуть умом, все понять и постичь. Бога же надлежит воспринимать душою, а не рассудком.

— Отец Георгий, а среди ваших прихожан все ли искренне верующие? Не приходят ли к вам регулярно за отпущением грехов и не делают ли щедрых взносов неисправимые убийцы, мздоимцы и лжесвидетели? Они каются, принимают отпущение — и с легким сердцем снова убивают, грабят и клеветают. Они, по-вашему, способны воспринимать Бога душою? Им есть чем воспринимать Его? Отнюдь; они исповедуются, делают пожертвования, а также молятся, ставят свечи и носят крест на груди из одного лишь прагматического расчета: на всякий случай, а то — кто его знает! Да и те, кто верует искренне, — они ведь угождают Господу не от чистоты помыслов, а чтобы обеспечить себе теплое местечко в будущей жизни — там, в раю! Я же, не верящий в Иегову и сомневающийся в грядущем воздаянии за земные заслуги, не более ли праведен, нежели верующие, — ведь я творю добро и воздерживаюсь от зла совершенно бескорыстно? Что же касается моих сомнений и пытливости ума: ищущий Истину блаженней, чем бесспорно признающий ее, так как именно ищущий страдает, именно его дух, стремясь к познанию, непрерывно совершенствуется — и тем становится ближе к Богу. Дух же признающего спокоен, безмятежен; будучи всегда неподвижен, он не имеет развития. В конце жизни он так же далек от Бога, как и в начале ее. А ведь Господь строжайше заповедал: «Не сотвори себе кумира!» —

значит: не верь слепо, а думай, и не думая, не признавай безоговорочно ничего, даже Его самого! «Ищите — и обрящете!» — то есть следуйте каждый своим путем, ибо только своим путем возможно постичь Его и приблизиться к Нему. И Христос, явившийся к людям, никак не желал стать для них идолом. Он пришел с любовью, как равный к равным. А люди, сгубив его, сделали из него идола, подобного Молоху.

— Как же ты можешь одновременно верить в Бога и сомневаться в своей вере? Бог есть не только Истина, Он еще и Совесть, и Справедливость. Все понимают, что такое совесть и справедливость, хотя их нельзя постичь разумом и невозможно объяснить словами — в них можно лишь верить.

— Верить в справедливость? — Андрей скептически скривил губы. — На том свете, может, она и есть. Здесь же, на земле, Господь гораздо чаще карает невинных. В этой жизни именно святым суждено становиться мучениками.

Отец Георгий задумчиво смотрел под ноги. Затем, подняв глаза, кончиками пальцев отщипнул со свечи обгоревший рожок фитиля и осторожно спросил:

— Скажи, Андрей: ты не веришь в христианского бога, не относишь себя к православным, но тем не менее пришел именно в этот храм. Я понимаю, что ты не можешь доверить свою тайну мирянину, потому искал священника... И все же — каково твое отношение к Церкви?

— Лично вам я почему-то склонен доверять, — польстил Андрей. — Организацию же вашу считаю самой лживой и лицемерной среди всех сущих. Вашей братии все суетное свойственно не менее прочих, но в отличие от этих прочих священнослужители еще постоянно выставляют напоказ свое благочестие, пытаются внушить недалеким верующим, что Церковь святее и чище мирских структур. Однако общеизвестно, что всю свою историю Церковь тем только и занималась, что блистала своими амбициями да выискивала компромиссы с Божьими заповедями, исполняя заказы сильных мира сего.

— А... какие примеры ты можешь привести, чтобы обосновать обвинения в лицемерии Церкви?

— Ну-у, отец Георгий, если я начну перечислять примеры, наш разговор затянется до утра! Давайте возьмем совсем недавнее событие, когда Русская Православная Церковь поставила вопрос об объявлении великомучеником Николая Второго. Того самого, который девятого января пятого года приказал вырезать крестный ход в Петербурге.

— Да сам ли он приказал?

— Не важно. Он не покался в содеянном, не наказал причастных к резне, чем вполне признал вину за собою. Да и вершилось все не без его ведома, и войска стояли наготове на Дворцовой

площади. Но ведь тысячи людей шли к нему как к помазаннику Божьему, с крестами, с хоругвями, с иконами... А потом этих людей с иконами расстреливали в упор и рубили шашками, невзирая на пол и возраст! На ком еще из земных владык лежит такой грех? Какой Ирод или Навуходоносор решился бы совершить подобное? За столь чудовищное преступление Николая следовало бы предать вечной анафеме, вы же лепите из него святого!

Священник заметно стушевался. Не придумав, что ответить, беспомощно развел руками:

— Я к данному предложению не причастен. Я вполне согласен с тобою, однако не в моей воле возражать Московской Патриархии... Конечно, Церковь тоже человеческая организация. Смертным свойственно ошибаться, впадать в заблуждения...

— Но Церковь преподносит себя связующим звеном между Богом и людьми. Посредничая на земле, вы должны быть отражением Божьего благочестия, а не людских пороков!

Отец Георгий вовсе сконфузился. Он дрогнул бровями, смущенно подвигал морщинами на лбу, зачем-то снова потянулся пальцами к фитилю свечи. Наконец, печально вздохнув, остановил на собеседнике внимательный взгляд.

— Оставим суетные споры! — предложил он. — Пусть Господь рассудит, где грех, а где простая глупость. Ты же сейчас поведай мне то, с чем пришел.

Андрей опустил глаза. С такого приятного диалектического спора предстояло вновь переключаться на свой многодневный непрерывный кошмар. Опять придется пережить все сначала: глупую ссору с Надей, сообщение УВД наутро по местному телевидению, и морг, и звонок в Ее квартиру, беспробудное семидневное пьянство, и многое, многое еще, о чем так страстно хочется забыть насовсем! как во время страшного сна, преднамеренно напрячься — и, пробудившись, счастливо улыбнуться, ликуя, что все виденное — только сон!.. Однако это не сон, и требуется еще раз, повторно, перелистать записную книжку памяти. Перелистать тщательно, страница за страницей, заново взрыхляя зарубцевавшиеся было борозды строчек... С чего начать?

«Как, однако, все причудливо и нелепо: сейчас я стану рассказывать священнику то, что совсем недавно рассказывал блуднице! Правда, блуднице не суждено было узнать продолжения...»

— Дело в том, святой отец, что несколько дней назад я собственноручно убил человека. И совсем скоро намерен убить еще двоих...

.....  
Закончил свой рассказ Андрей тем же, чем начал. Свечи наполовину догорели; пламя их угрожающе колебалось, зажатое свернувшимися вовнутрь плавящимися краями воска. В храме было

тихо и покойно, лишь взволнованное дыхание потрясенного отца Георгия убеждало, что храм — еще не склен.

Священник долго переживал, тяжело перетаптываясь, шурша рясой. Наконец, набравшись духу, заговорил срывающимся голосом:

— Послушай, Андрей... Ты вот тут говорил о поисках истины, о пути к Богу... Как же ты сумел найти его в мести?

— «Мне отмщение, и аз воздам», — угрюмо процитировал Андрей. — «Око за око, зуб за зуб, душу за душу»... Не ваш ли Иегова провозгласил эти принципы?

— Знаешь... Андрей... — Отец Георгий сосредоточенно тер ладонью лоб, стараясь отыскать наиболее убедительные аргументы. — Когда Каин убил Авеля, Господь запретил мстить ему. Он сказал: «Всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро».

— Но тот же Господь сжег огнем и серою Содом и Гоморру, устроил всемирный потоп, организовал казни египетские. Его пророки угрожали изуверскими карами Вавилону, а последователи уповали: «С Божьей помощью истреблю ненавидящих меня». Сам Иегова предписывает способы казней за различные прегрешения: за это виновного надлежит побить камнями, за то — сжечь; одного должно предать смерти, другого — «истребить из рода». Добрый пастырь заповедал самый свирепый из кодексов, отнюдь не гнушаясь крови стада своего!

— Но затем явился Христос и упразднил Ветхий завет.

— Если Господь триедин, значит, Христос и есть тот Бог, что заживо спалил Содом и Гоморру. Тот самый, который систематически понуждал израильтян к тотальному истреблению соседних народов и весьма гневался, когда они того не делали.

— Иисус явился в свое время. Люди к моменту его появления оказались духовно подготовленными к принятию Нового завета. До того же они были слишком необузданны, нравственно несовершенны, и лишь система наказаний могла противодействовать их низменным страстям, дабы удержать человечество от впадения в совершенную дикость. Все должно происходить в назначенный срок: было время Завета страха, затем стало время Завета любви.

— Нет, отец Георгий, просто Христос был сыном Божьим не в большей мере, чем мы с вами...

— Христос есть Бог!

— Христос был человеком! Он потел и ужасался, ожидая казни, молил Бога, чтобы миновала его чаша сия. Даже уверенность в неминуемом вечном блаженстве не спасала его от страха перед крестом. Разве трепет за брненное тело может быть присущ Богу? Ужели Сатана мог надеяться искусить Бога земной славой и богатствами, как искушал он Иисуса? Апостол Павел утверждал: «Един Бог, един и посредник между Богом и людьми, человек

Иисус Христос». Да и сам Иисус признал свою человеческую природу, когда по воскресении обратился к Марии Магдалине: «Иди к братьям моим и скажи им — восхожу к Отцу моему и Отцу вашему». Не будучи человеком, Христос не мог бы рассчитывать на любовь, которую проповедовал: ведь Бога не любят, перед Ним преклоняются и трепещут. Христос же явился не внушать трепет, а любить и учить любви — к ближнему, а не к Иегове! Он не был последователем Иеговы, он принес совершенно иную веру, абсолютно противоположную прежней религии иудеев. Я не понимаю, как вообще возможно объединять в одной Библии два взаимоисключающих Завета: ведь основная мораль одного — покарать грешника, мораль же другого — пусть первым бросит камень тот, кто сам без греха!

— Не собираешься ли ты обвинить Иисуса Христа во лжи?! — насторожился священник.

— То была ложь во спасение. Необходимо было донести до людей новую веру, веру любви и света. И, разумеется, нужно было убедить людей отказаться от прежних свирепых суеверий. Но если бы Христос с ходу отверг извечные устои Ветхого завета, он не явился бы для иудеев тем Мессией, которого они терпеливо ожидали полторы тысячи лет. Он вынужден был провозгласить себя сыном Иеговы, и по той же причине признал истинными предания Ветхого завета. Иначе — кто бы воспринял и его учение, и его самого?

— И Ветхий завет, и Новый одинаково призывают воздержаться от мести. Христос учил любить врагов, Андрей!.. Твоя невеста очень много значила для тебя, и я понимаю глубину твоего горя, поверь мне. Но ее уже не вернуть; для чего же умножать еще более жестокость и зло?.. Может быть, это слишком непосильно для нашего несовершенного рассудка, но у тебя есть возможность простить врагам своим...

— Простить?! Чтобы Они, ощутив безнаказанность, завтра убили еще кого-то, а потом еще и еще? А Они непременно это сделают — потому что уже вошли во вкус, уже почуяли аромат чужой крови. Потому что Они — не только мои враги. Они — враги самого Бога, Они — порождение дьявола, воплощенное Зло! Истребив Их, не совершу ли я богоугодного дела: ведь я спасу множество добрых, убив злых?

— Оружие праведного — слово Божие. Следует стремиться не истребить грешника, а побудить его стать на путь истинный, осознав свой грех...

Андрей кощунственно рассмеялся. Отзвуки его голоса поскакали по храму, отражаясь от стен.

— Прочсть Им проповедь? Неужели вы в самом деле столь наивны, отец Георгий, или просто выполняете свой профессиональный долг? Ведь сам Иисус признался: «Не мир пришел я

принести, но меч». И даже очень набожные люди способны рассуждать здраво. Помните знаменитую русскую икону «Чудо Георгия о Змие»? Святой Победоносец на ней весьма круто обходится с порождением Преисподней, не помышляя о том, что действие его противоречит гуманным принципам христианства. Эту икону писал человек, мыслящий трезво, твердо уверенный, что Зло должно именно уничтожаться, и именно так — копьём в глотку, чтобы оно захлебнулось собственной кровью! Зло невозможно исправить, как невозможно исправить уродства Змия, ибо кто родился чудовищем — им и останется! Вспомните еще «Апокалипсис»: в конце времен Зло будет брошено в озеро огненное вместе с теми, кто ему служил и поклонялся. Господь не станет перевоспитывать выродков — Он их просто уничтожит!

— Андрей! Став на путь мести, ты тоже поклонись Злу, ибо сам станешь носителем несправедливости!

— Опять вы о справедливости! Где она, святой отец? За что эти мерзавцы так меня покарали? За что Они заживо вынули из меня душу, ведь я Их даже не знал?! Мне есть за что воздать Им, но за что Они воздали мне?! А что плохого могла Им сделать хрупкая двадцатилетняя девушка? За что Они убили ее? Почему прежде Они хотели унижить ее, как не унижают самых ненавидимых?! И это — те ближние, те мои враги, которых мне надлежит возлюбить?!!

— «Не судите, да не судимы будете», — упрямо возразил отец Георгий, опустив глаза. — «Не мстите за себя, но дайте место гневу Божию». Он один безгрешен и безошибочен, потому всякий суд — Его прерогатива.

— Чего же тогда стоит утверждение, что мы сотворены по образу и подобию Создателя? Вы опять не правы, батюшка. Когда люди отведали запретного плода, они уподобились богам в познании добра и зла. С тех пор мы все отчетливо различаем и то, и другое. Мы изгнаны из рая, но нам дана Земля, чтобы мы владели ею и строили свою жизнь сами, всецело по своему разумению. Господь лишь корректировал наши действия, покуда мы были юны и неопытны; не желая вмешиваться в нашу самостоятельность, Он дал нам десять заповедей и несколько других законов — так сказать, конституцию, — дабы мы имели что-то для начала. В остальном люди вполне способны сами карать и милловать, осуждать и оправдывать...

— Но не противореча этим заповедям и законам! — встрепетнулся священник.

— Разумеется, не противореча. Господь ведь вполне недвусмысленен: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека».

Отец Георгий укоризненно покачал головой.

— Священное Писание ты знаешь не понаслышке. Ты говоришь красноречиво и убедительно, а рассуждаешь здраво и глубоко. Андрей, ты не находишься во власти страстей и эмоций, твоя голова светла и холодна. Но это означает, что твой грех преднамерен, а потому он во сто крат тяжелее.

Андрей улыбнулся. Легко вздохнув, окинул темные своды храма просветленным взором.

— Еще час назад я не способен был рассуждать здраво. А побывав здесь, в церкви, и побеседовав с вами — уже могу. Видимо, в самом деле храму присуще какое-то особое, возвышенное состояние, и вовсе не зря люди приходят сюда, чтобы разобраться в самих себе. Я тоже пришел не зря. Сейчас голова моя ясна, мысли отчетливы, и на сердце спокойно, безмятежно, как у новорожденного. Кажется, Господь посочувствовал моим страданиям, хоть на миг даровав утешение. И в этом я вижу Его благословение моему замыслу. Я, правда, стал спокоен — потому что окончательно убедился в своем назначении. Сам Бог предписывает мне вершить правый суд Его именем. Я лишь орудие Его воли.

Андрей благодарно взглянул на священника, потрясенного таким выводом до глубины души.

— Огромное спасибо вам, батюшка, за то, что не отвергли мятущегося, пришедшего к вашему порогу! Прощайте. Спокойной вам ночи!

Когда он гулками шагами приблизился к дверям, за спиной раздался тревожно срывающийся окрик:

— Остановись! Остановись, ради Бога!

Андрей обернулся. Взъерошенный, с испуганными глазами, отец Георгий стоял рядом с ним, дрожащей рукою устремляя ему в лицо массивный нагрудный крест, тускло сверкающий начищенной медью. Голос священника от волнения был неверен.

— Опомнись! — отчаянно призывал он. — Опомнись, пока не поздно! Иначе сумма твоих грехов перевесит всякое последующее раскаяние! Не убий!..

Андрей лишь внутренне усмехнулся столь наивному жесту.

— Убью, — спокойно и уверенно сказал он. — Это даже не зависит от моей воли. Ибо это — мой долг.

Сделав пару шагов к выходу, он еще раз обернулся и сурово напомнил:

— Не забудьте о своём долге, отец Георгий! Вы как священник обязаны сохранить тайну исповеди...

*Как быть безгрешным в мире этом?*

*С ответом смертным не везло.*

*Пренебрегали мы Заветом,*

*Убийством сдерживая Зло.*

*В знак покаянья и печали  
Затеплив Господу свечу,  
Не словом кротким Зло встречали —  
Мечом противились мечу.*

*И руки праведных держали —  
Как повелел жестокий рок —  
Не Моисеевы скрижали,  
А окровавленный клинок.*



## Часть третья

*«И возненавидел я жизнь, ибо противны стали мне дела, которые делаются под солнцем».*

*Екклесиаст. 2,17.*

*«Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает».*

*Послание к римлянам  
св. ап. Павла. 14,22.*

...Теперь он спокоен. Нет ни страданий, ни тревоги, ни тоски, непрерывно терзавшей его так долго. У него не осталось чувств, он стал похож на бездушный автомат, четко соблюдающий заданную программу. Или на зомби, упрямо и бессмысленно выполняющего одну-единственную функцию, только ради которой его и оживили на короткое время всесильные маги. Правда, зомби не ведает, что творит, ему неизвестна цель, которую он призван осуществить. А Андрей как раз все прекрасно знает... Значит, не зомби, все-таки автомат. Ну и пусть себе. Все равно такое подвешенное состояние предпочтительнее, чем тот ад, в котором он пребывал до того, до поглощения сознания холодным вакуумом. Лучше пустая прострация, заморозившая душу, нежели невыносимое смятение, неустанно переворачивающее ее, как повар переворачивает с боку на бок оладьи, чтобы прожарились, но не сгорели дотла.

...Вакуум наступил сразу после ухода из храма. Сначала Андрей воспринимал его как долгожданное сладостное облегчение, и лишь через несколько часов осознал как вакуум. Когда это было? Неделю назад? Дней десять? Да, где-то так. Все эти дни он ожидал, что за ним явятся суровые люди в серой форме и, сцепив кисти рук стальными обручами, увезут в следственный изолятор. Он ожидал этого со страхом — не потому, разумеется, что боялся СИЗО или усеянных наколками сокамерников, а потому, что столь несвоевременное событие могло враз разрушить его замысел, словно карточный домик, возводимый с таким усердием. И одновременно Андрей ждал визита оперов с затаенной надеждой, ибо случись это — и он не смог бы выполнить Миссию по не зависящим от него причинам... Неужели он не хотел ее выполнять? Вряд ли. Хотел, и вполне искренно... Впрочем, черт знает! То и другое было в одинаковой мере отвратительно. Хотя, что такое отвращение,

Андрей тоже забыл, как и все прочее, бывшее когда-то тем, что составляло его внутренний мир.

...Опера до сих пор не появились. Стало быть, и явных следов на месте казни Лёхи Перевозчикова Андрей не оставил, и отец Георгий в милицию не донес. О священнике по-прежнему вспоминается с отрадой: хороший человек, не упертый болван, каких большинство среди верующих, прекрасный собеседник. Каково ему будет, когда он узнает о смерти тех, кого он, отец Георгий, вполне мог спасти? Или не мог? Неужели в самом деле он столь свято верит в то, что, предотвратив два убийства, лишился бы Божьей благодати! Вроде умный человек...

Ну что, еще закурить? Честно говоря, уже не хочется — сколько можно! За час с небольшим выкурил больше половины пачки. Лошадь, говорят, от такой дозы отбрасывает копыта. Любопытно, а кто пытался внедрить в организм лошади ту самую пресловутую каплю никотина? И как — шприцом или так же, через легкие?..

Какой мусор в голове, однако! Самое примечательное, что эмоций от подобных умозаключений все равно не возникает никаких. Даже лошадь не жалко...

Чтобы не лезло в мозги такое дерьмо, хорошо бы посмотреть телевизор, почитать что-нибудь. Только вот не смотрится телевизор, и не читается совсем. Глаза никак не хотят ни на чем остановиться, сфокусироваться. Все блуждают чего-то, ползают везде без всякой задержки, разбегаются в разные стороны, как у хамелеона, независимо друг от друга. Останови попробуй!.. Приходится просто сидеть и ждать — когда же стрелка на циферблате закроет острием заветную цифру? Ох как трудно, неохотно она подымается! Ну, давай, родимая, напрягись, натужься!.. Ага, так она тебе и поскакала раньше времени! Она не девушка, ее запросто не уговоришь... Ладно, посидим, подождем. Дело привычное. Не впервой.

...Вот так же он прождал десять дней, до самого вчерашнего вечера. Потом еще вечером до одиннадцати. Тоже ни на чем не мог сосредоточиться, все поглядывал на часы, моля стрелку активной пошевеливаться. И, как ни парадоксально, десять дней миновали быстрее, чем тот, последний, час на скамейке возле Витькова подъезда...

Тпр-р-р! Стоять! Ямщик, не гони! У нас имеется еще порядка сорока минут, нужно же чем-то их заполнить... А чем? Что он делал в течение десяти суток от выхода из храма до той скамейки? По большому счету, ничего. То же, что и теперь — ждал. И думал даже во сне лишь об одном: когда же наконец наступит заветное двадцатое августа?..

## Дважды казненный

### 1

Приблизившись к знакомой девятиэтажке, Андрей внимательно осмотрел подход к первому подъезду, потоптался на ступеньках, покосился на обшарпанную скамейку у дверей, зачем-то оглянулся по сторонам и вошел внутрь.

«...Так. В отличие от пятиэтажки, здесь предусмотрен лифт. Хуже это или лучше? Пожалуй, хуже: если Витёк обитает где-нибудь повыше, он войдет в лифт. Придется входить вместе с ним. А в лифте тесно, неудобно... Да еще какой-нибудь засранец втиснется заодно с нами! А если и не втиснется — лифт ведь могут сразу вызвать на другой этаж. И тотчас увидят в лифте труп. Сейчас же начнется крик, писк, суета, соседи сбегутся со всех квартир — вряд ли тогда я смогу уйти незаметно. Что придумать?..

Кстати, что за день будет двадцатого? Сегодня одиннадцатое, четверг, кажется. Стало быть, двадцатого будет... будет... Неужели! Еще раз... вторник, среда, четверг... блин, как ни пересчитывай, все равно выходит суббота! Надо же, какая непруха! Это он приедет около одиннадцати, в субботу, да еще лето на дворе — кругом же будет полно народу! Все будут шататься по гостям. Водку пьянствовать, просто дышать свежим воздухом, а как раз к полуночи начнут стекаться по домам. Несчастный лифт будет дергаться вверх-вниз, как часовая кукушка на пружине. И все кому не лень станут шараться из подъезда — в подъезд. То есть, хочу я того или нет, а «засветиться» мне придется однозначно, причем довольно большому количеству людей. Кошмар!.. Надеюсь, хоть в самом подъезде никакая любвеобильная парочка не надумает устроить randevu?..

А если надеть ветровку и солнцезащитные очки, привезенные в прошлом году из Сочи? А когда стану уходить, снять то и другое? Примитивно, но может помочь... Лучше всего спустить в мусоропровод, чтобы не тащить под мышкой. Только ведь все равно обратят внимание, если сразу нарвутся на труп. Толпа мигом набегит и перекроет весь подъезд. Черт побери, почему люди столь падки на жуткие зрелища?!

А если лифт потом заклинить где-нибудь на последнем этаже — хотя бы Витьковой головой? Затем спокойно спуститься с каменной рожей? Видимо, так и придется; а по пути выброшу в мусоропровод куртку и очки... Нет, очки еще пригодятся; их можно и в кармане унести... Конечно, если люди внизу по ритмичным звукам поймут, что лифт заклинен, они начнут подниматься пешком. Я же стану то одним, то другим попадаться навстречу... Вот херня какая! С Лёхой все обстояло куда проще...

Стоп! А что если выйти из другого подъезда? Отличная идея, между прочим! Надо только проверить, насколько она исполнима: а

то в последние годы повелся обычай запира́ть выходы на крышу цепями в палец толщиной. Если и здесь дело обстоит подобным образом, тогда — облом, придется напрягать мозговые мышцы дальше...

А вообще, работает ли лифт? Зажужжал. Снижается. Дернулся — остановился. Дверки, зашелестев, распахнулись. Надо же, все кнопки на месте — ни одну шпана не расплавила зажигалками, не расковыряла какими-нибудь железяками! По нашим временам целые кнопки в лифте — признак редкостной цивилизованности масс! Впрочем, может, только недавно новые поставили... Ладно, пусть кто желает едет себе, я же, пожалуй, поднимусь на своих двоих, произведу осмотр лестничной клетки...

На лестничной клетке ничего примечательного. Разбитое стекло, смачные плевки, окурки с малиновыми от губной помады фильтрами — все как должно быть. В пролете между последними этажами древняя надпись жирным фломастером во всю стену «Витя — муда́к» и красноречивая стрела, недвусмысленно указующая вверх. Неужели про него? Если так, значит, нужный мне Виктор Марчук проживает на девятом этаже. А это — хорошо или плохо?..

Люк, ведущий на крышу, закрыт, но не заперт... Тяжелый, зараза!.. Ну, вот мы и наверху. Какой-то матрац валяется рядом — доставало только, чтобы здесь бичи ночевали! Вид, конечно, отсюда восхитительный — сам бы с удовольствием гамак подвесил и расположился, блаженно, с комфортом озирая окрестности!.. И второй люк не заперт... И третий тоже. Да здравствует великое расейское раздолбайство! Наверно, то и дело телефонные линии протягивают, антенны настраивают, а постоянно отпирать да запира́ть лень... Что ж, пока все прекрасненько. Лишь бы двадцатого все было так же, как сегодня, и на крыше никто не сидел. Бичи, конечно, сами давать показания не побегут, но если их тут обнаружат и возьмут за жабры, расскажут все, что видели, как на духу...

Ладно, детали обдумаем, все грани отшлифуем, чтоб комар носа не подточил. Время позволяет. Чтобы больше — никаких глупостей, вроде резиновых перчаток и тапочек! И с сумкой в тесном лифте не повоюешь, так что ничего лишнего с собою быть не должно. Главное — не менжеваться, не потеряться, как в прошлый раз, — дважды так не прокатит. В нашем распоряжении целая неделя — нужно соответственно настроиться, чтобы провести всю операцию чисто, без сучка без задоринки; а если случится что-либо непредвиденное — действовать хладнокровно, ориентироваться молниеносно. В конце концов, чего мне бояться — как максимум посадят или убьют, а это ведь в жизни не самое страшное!..

Да-а, знал бы Капустин-старший, чем я занимаюсь на досуге, что сейчас планирую! Наверно, глаза больше очков стали бы! Зато пришлось бы признать, что я не п..добол какой-нибудь, а вполне отвечаю за свои слова. Вряд ли он тогда, на Серёгином юбилее, воспринял всерьез утверждение, будто я способен своею рукой унич-

тожить ненавистного мне злодея, притом оставшись с чистой совестью и сознанием исполненного долга. Напрасно, Николай Петрович, вы тогда смотрели на меня с таким откровенным недоверием — не все увлекающиеся спорщики перестают контролировать собственный «базар»! Ну ничего; не исключено, что когда-то вам станет известна моя история. Может, даже очень скоро...

Пора, пожалуй, спустаться на грешную землю. Рассуждать и фантазировать предпочтительнее внизу, не привлекая внимания. Двадцатого к вечеру нужно еще раз сюда подняться — если будут бичи на крыше, прогнать к чертовой матери! И предварительно надлежит вновь проверить люки — а то запрут некстати, мало ли...»

## 2

Восемнадцатого, ближе к вечеру, к Андрею заглянул Серёга Капустин. Андрей предложил выпить по граммульке, друг отказался.

— Я за рулем, — пояснил он. — Заехал вот узнать, как ты. На работу еще не устроился?

— Не-а.

— И ни в чем по-прежнему не нуждаешься? Ну смотри, не комплексуй, если что... Отец привет передает. Верка тоже. В гости приглашают.

— Передай им от меня то же самое.

— Передам... Верка опять своего очередного хахалю на хрен послала. «Дурак, — говорит. — Правда, самец хоть куда; только что это за мужчина, если с ним поговорить не о чем!»

— Я ей всегда завидовал, — усмехнулся Андрей. — Она умеет жить естественно, легко, ни о чем не сожалеет, ничем не мучается, ни к кому не привязывается. Не в такой ли естественности и заключается мудрость? К чему изводить себя, подобно мне, когда все равно ничего невозможно исправить?..

— Я бы раньше зашел, — сказал Серёга, с надеждой косясь на странно спокойного друга, — да боялся лишний раз помешать. Ты ведь сам говорил... Но, к слову, сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем в прошлый раз!

— Не вечно же пребывать в трауре! Когда-то пора оживать, смывать с головы пепел, отрачивать вырванные волосы...

— А... как насчет... подруги? — весьма осторожно поинтересовался Капустин. — Может, стоит Верке намекнуть: пусть подберет кадры?

— Нет, Серёга, пока не до того. Но все равно спасибо. Вообще, спасибо тебе за все. Ты чудесный друг. Не будь тебя, я бы сейчас вовсе остался сам по себе. Кроме тебя, кто бы еще стал интересоваться моим существованием! Людям требуются знакомые для приятного общения, чтобы скрасить досуг или попросить взаи-

мы. Кому нужен мрачный страдалец, с головой погруженный в свою меланхолию! А ты вот искренне обо мне заботишься, то денег предложишь, то подругу, то в гости пригласишь. Вроде бы такие мелочи! Но многие ли в этом мире могут похвастаться тем, что имеют друзей, верных бескорыстно? И у многих ли есть друг, которому можно безоговорочно доверять?

— Да ладно, чего уж там... — смутился растроганный Капустин. — От денег ты отказываешься, от подруги тоже, и в гости тебя не заманишь. Что, собственно, я для тебя сделал-то?..

— Кстати, Серёга, если мне на днях понадобится машина, ты свою не одолжишь?

— Ну разумеется. Только гаишникам не попадись — прав-то у тебя нету, насколько мне известно... А когда тебе нужна машина?

— Точно пока не знаю. Скорее всего, в воскресенье с утра. Если так и случится... ну, если у меня будет соответствующее настроение — я зайду к тебе часиков в семь. Не рано?

— Да нет; в семь так в семь. Хорошо.

— В воскресенье же тебе машина не нужна? Нет? Тогда, наверно, зайду... На кладбище хочу съездить, найти Надину могилу... цветы положить, — объяснил Андрей, отвернувшись к окну. — Один хочу съездить, понимаешь...

Серёга согласно качнул головой. С минуту просидев молча, мужественно выпрямился в кресле и решительно махнул рукою:

— А! Давай, Андрюха, наливай! Тысячу лет с тобой вместе не пили.

— А гаишников уже не боишься?

— Да ехать-то до стоянки триста метров! Ну, может, не триста — километра полтора... Гаишники тоже люди: им, как и всем прочим, в такую жару работать не хочется — авось не поймают!.. Ну, если что — отец выручит. А то даже как-то стыдно: папа — помощник городского прокурора, а я еще ни разу не воспользовался этим в корыстных целях!

### 3

«...Как-то очень быстро стемнело. Хорошо, что теперь конец августа, а не какой-нибудь июнь: в первой половине лета в наших широтах ночи как таковой вовсе не бывает. А сейчас благодать, прямо как в Сочи — словно огромную бутылку чернил вылили на город. Однако суббота есть суббота: народ тусуется, как на фестивале, и каждый второй выгуливает собаку. Шумно очень, суетно! И комарам чего-то не засыпается; то ли решили наесться до отвала перед грядущей спячкой?.. Детишки туда-сюда шмыгают, женщины какие-то. И все косятся — будто я первый мужик, присевший на эту долбаную скамейку у подъезда! Вообще-то, следует признать, видок у меня довольно оригинальный: в такую теплынь в ветровке,

да еще в темных очках, как Пиночет, хотя солнце уже давно не слепит глаз. Смотрите, смотрите, все равно толком описать не сумеете: парень и парень, ну в ветровке, ну в темных очках — особых-то примет никаких: ни шрамов, ни татуировок на лбу, ни кольца в ноздре! (Даже царапины на щеке, оставленные ногтями Марии Федоровны, бесследно исчезли еще с неделю назад.) Рост примерно средний, объем средний, худощав немного. Шатен, но в этой стране девяносто процентов славянского населения — шатены. Мне бы еще усы наклеить — тогда бы вовсе никакая собака никогда не узнала, даже глядя в упор на опознании в кабинете следователя!

...Время? О, ровно одиннадцать! Если Лёха дал верную информацию, Витёк должен вот-вот появиться... Кстати, нужно не забыть спросить у него, нет ли у того третьего, у Коляна, каких-либо особых примет. И получше запомнить его адрес. А то в прошлый раз так обосрался, что, кроме фамилии Марчук, ничего в голове не удержалось! Благо, что у этого дома уже не раз бывал и самого Витька видел, когда тот в спортивном костюме летал за пойлом, — иначе потерял бы все концы. Надо же иметь столь тонкие кишки!

...Кто там вынырнул из темноты и так широко шагает? Неужели сам?.. Ну да, Витёк Марчук собственной персоной. Домой торопится, жрать, наверно, хочет. Взлетел по ступенькам подъезда, глянул на сидящего на скамейке молодого человека в пиночетовских очках. Видимо, решил, что прохожий присел на минутку, пожелав спокойно, не на ходу, выкурить сигаретку... Да нет, Виктор, я не присел. Я тебя здесь уже с час дожидаясь. Задница вконец одеревенела. Спасибо корешу твоему покойному, хоть указал точное время твоего прибытия, не то сколько бы лишнего еще пришлось просидеть! А ты пунктуальный: явился, как по часам, — пять минут двенадцатого... Что так удивленно оборачиваешься? Ну да, это я за тобой вошел, мне тоже нужно в лифт...»

Андрей встал рядом с Витьком, слегка касаясь плечом его плеча. Он старался почувствовать запах врага, как это делают хищники, готовящиеся к схватке, но от вернувшегося с двухнедельной вахты работяги исходила лишь смешанная вонь пота и какой-то угарной копоти. Засунув руку в карман, Андрей повлажневшей ладонью стиснул нож, повернув его так, чтобы большой палец лег на кнопку.

«...Какой, однако, чертовски медленный лифт! Давай, падла, ползи быстрее — не вверх ведь, а вниз! Скорее, пока кто-нибудь лишний не появился, чтобы войти вместе с нами! Третий лишний... Ф-фу, слава богу... Я уж думал, он никогда не доползет... Вперед!.. Вот мы и в лифте. Вот и двери закрылись. Все, Виктор, сам ты отсюда уже не выйдешь! Перефразируя божественного Данте, скажем так: оставь надежду, коль сюда вошел ты...»

Витёк поднял руку к щитку, вопросительно взглянул на попутчика:

— Куда?

— Жми. Мне выше.

— Выше меня не бывает, — проворчал Марчук, нажимая кнопку с девяткой.

«Ты даже не подозреваешь, насколько прав! — думал Андрей, снимая очки и засовывая в левый карман брюк. — Пусть у тебя будет возможность видеть глаза твоего судьи и палача. Глаза прячет тот, кто стыдится собственных поступков. Я же не киллер, я вершу правосудие... Какой этаж? Третий, четвертый, пятый... седьмой, восьмой... Пора!»

Вскинув левую руку, Андрей быстро надавил на черную кнопку с надписью «Стоп» вниз щитка. Раздраженно взбултыхнув всем корпусом, лифт замер между этажами. Витёк изумленно выпрямился, разинул было рот — и сейчас же с тихим шелестом выпрыгнувшее из рукоятки лезвие ножа с силой уперлось острым кончиком в солнечное сплетение, заставив его расплющиться по стенке.

— Тихо! — приглушенно распорядился Андрей. — Руки в стороны! Ладонями вверх! Дернешь хоть пальцем или вякнешь громко — пришью на месте.

— А ч... чё такое?.. — Опешивший Витёк выпученными глазами не мигая смотрел в глаза Андрея.

— Не двигайся. Лучше совсем не дыши. Говорить будешь шепотом. Если кто-то станет проходить мимо, замри, как мышь. Все ясно?

— А... у меня ничего нет... — сдавленно пролепетал Витёк.

— А мне, кроме тебя, ничего и не нужно, — заверил Андрей. — Ну-с, начнем заседание?

— А?..

— Фамилия? Твоя, твоя фамилия?

— Марчук.

— Имя?

— Виктор Ст... Степ...

— Отчество можешь оставить при себе. Так вот, Виктор, ты обвиняешься в том, что двадцать седьмого июля сего года, поздно вечером, гуляя в компании двух других подонков по поводу злосчастного дня рождения одного из них, вместе с ними попытался изнасиловать в извращенной форме молодую красивую девушку. Когда же та оказала сопротивление, вы лишили ее юной, цветущей жизни... Наверно, теперь ты уже догадался, за что впоследствии пострадал именинник... Ах да, ты ведь был на вахте, на Четвертом КСП! Так вот, сообщаю тебе: где-то дня через два после твоего убийства на работу один из твоих соучастников, а именно Перевозчиков Алексей Павлович, был обнаружен в собственном подъезде с перерезанной глоткой. Вот этим самым ножом перерезанной...

Глаза Витька остекленели. Он побелел как мел — и вдруг заорал во все горло:

— Это не я!! Это Колян!!

- Тихо!.. — прошипел Андрей, внушительно надавив ножом.
- Это Колян... — горячо зашептал Витёк. — Колян ее убил. Я хотел удержать...
- Кстати о Коляне. Где он живет?
- Бонч-Бруевича, двадцать шесть... пятиэтажка возле «Детского мира»... третий подъезд... тридцать седьмая квартира.
- Этаж?
- Третий.
- Фамилия?
- Дубцов.
- Сколько ему лет?
- Двадцать... девять, кажется...
- Как выглядит?
- Высокий... очень...
- Что еще?
- ...длинный... почти два метра...
- Уже говорил!
- Плечистый такой...
- Особые приметы?
- А?..
- Болван! Наколки, шрамы?.. Может, лысина?
- А! Да... На руке наколка.
- На какой?
- На... правой. Вот тут...
- Руки в стороны! Где наколка?
- С обратной стороны ладони... Ну... между большим пальцем и указательным...
- Вот здесь? — Левой рукой Андрей указал на запястье его правой.
- Да, здесь!.. — радостно закивал Витёк.
- Что за наколка?
- «Коля»... Написано «Коля»...
- Где работает?
- Во Втором УТТ. Водилой.
- Живет один?
- С сестрой... вдвоем...
- Сестра старшая?
- Младшая... на два года, по-моему...
- Как звать сестру?
- Катька...
- «Ну разумеется, не Людка...»
- Чем сестра занимается?
- Работает...
- Где?
- Н-не знаю... В какой-то конторе... уборщицей.
- «Надо же, как тесен мир!»

— Жених у нее есть?  
— Есть. Каждый вечер к нему уходит.  
— А утром возвращается?  
— Да... всегда возвращается...  
— А у Коляна есть кто-нибудь?  
— Нет... Не знаю... Не видел.  
— Так. Ясно. А... как Колян работает?  
— Каждый день... С понедельника до пятницы... — Витёк на мгновение замолк, потом радостно выпалил: — Он со следующего понедельника в отпуск уходит!

— Должен уехать? — встревожился Андрей.  
— Он говорил — через недельку... Сейчас он должен быть дома. Я обещал зайти после вахты... завтра...

— Обмыть отпуск?

— Да.

«О чем бы еще спросить?..»

— У него своя машина есть?

— Есть. «Москвич»... старый.

— Где стоит?

— Во дворе.

— Цвет?

— Красный.

— Номер?

«Что я? Откуда ему знать номер!»

— Семнадцать-семнадцать... буквы не помню...

— Дважды семнадцать?

— Да... семнадцать-семнадцать.

«Конечно, такой номер и кошка запомнит!.. Что еще?..»

— Так говоришь, Бонч-Бруевича, двадцать шесть...

— Да. Тридцать седьмая квартира.

— И семнадцать-семнадцать...

— Да... семнадцать...

Под ледяным взглядом Андрея Витёк осекся, будто подавился. Затем, боясь глубоко вздохнуть, тонко, жалобно затынул:

— Я не убивал ее... Колян ее убил...

— Тихо!

— Я не убивал... Я хотел его остановить...

— Плохо хотел.

— Не надо меня резать!.. У меня сын маленький... годик всего...

— И жена красавица?.. А вот у меня, пожалуй, уже никогда не будет ни того, ни другого.

— Но я же не убивал!.. И не насиловал... Это Лёха!..

— Лёха насиловал, Колян убивал... А ты только держал. Неужели ты и впрямь считаешь себя самым невинным?!

По-рыбьи разинув рот, Витёк уставился в лицо Андрея — и побелел сильнее прежнего. В неподвижно устремленных глазах че-

ловека с ножом он отчетливо разглядел свой окончательный приговор. Отвисшая челюсть Марчука судорожно задергалась, враз ослабшие колени затряслись, лоб мгновенно покрылся крупной, с горошину, испариной. Андрей молча наблюдал, как тяжелые капли, наливаясь и увеличиваясь, одна за другой скатываются по носу Витька и, срываясь с кончика, словно с трамплина, летят вниз, монотонно разбиваясь о его кулак, сжимающий нож. Когда он вновь заговорил, голос его был переполнен горечью и презрением.

— ...Даже сейчас, на пороге смерти, тебя не мучают угрызения совести. Тебя терзает только страх, животный страх за свою поганую шкуру!.. А ведь совесть должна быть выше страха...

В этот момент, видимо, какой-то полуночник с девятого этажа надумал на сон грядущий избавиться от лишнего мусора. Наверху, над лифтом, резко заскрежетал железом откинутый люк мусоропровода, и по широкой металлической трубе его с гиперболическим гулом загрохотали пустые консервные банки и разбивающиеся на лету бутылки. Андрей инстинктивно повернул голову на шум — и тотчас Витёк, цепко ухватив его правую руку, отдернул ее в сторону и с хрустом изломил запястье. Нож со звонким стуком упал на пол, а Марчук разъяренным тигром бросился на Андрея, вцепившись в горло стальными пальцами. Андрей безотчетно ухватил его локоть, пытаясь освободиться, но тот, с невероятной силой сдавив его корпус свободной рукою, согнул назад и, повалив на пол, обрушился сверху, хищно рыча и брызгая слюной в лицо. Места в лифте было очень мало; ноги Андрея неестественно изогнулись, выворачиваясь из суставов, грудная клетка сплюснулась под тяжестью врага. Он чувствовал, что задыхается, теряя силы. Упершись в плечи противника обеими руками, Андрей попытался широко раскрытым ртом глотнуть воздуха, но тут Витёк, воспользовавшись его беспомощностью, дорвался до горла уже основательно. Плотнее стиснув глотку Андрея десятком мокрых пальцев, он издал нечленораздельный возглас, победный рев торжествующего зверя над трепещущей живой добычей...

Однако Витёк слишком увлекся внезапной возможностью спасения. Чересчур углубился в захватывающий процесс смертельной схватки. Он упоенно душил противника, совсем позабыв о том, что рядом валяется оружие. А Андрей об этом помнил. Изнемогая под гнетущей тяжестью чужого тела, задыхаясь в тисках его пальцев, Андрей слепо, лихорадочно шарил правой рукою по полу, пока ладонь не наткнулась на пластмассу рукоятки. Сконцентрировав на решающем усилии всю оставшуюся волю, он крепко сжал нож и несколько раз до упора всадил лезвие в мягкий, податливый бок врага... Стальная хватка на горле в один миг ослабла, свинцовое тело обмякло, отяжелев еще более. Безвольно расслабившись, Витёк грузно лег на Андрея, обдавая и его, и желтый линолеум пола упругими струями дымящейся крови...

С трудом выбравшись из-под мертвого тела, тяжело дыша, Андрей прислонился к стене лифта. Витёк лежал у его ног, скрючившись калачиком. Кровь из нескольких ран, перестав бить фонтанчиками, теперь сочилась на пол иссякающими ключами. Прислушавшись к гулкой пустоте подъезда, Андрей неуверенно надавил большим пальцем на кнопку с цифрой 9 на щитке. На гладкой пластмассовой поверхности кнопки возник малиновый отпечаток. Вот и важнейшая улика для будущего следствия. Надо бы стереть... Лифт дернулся, дверцы распахнулись. Снаружи никого... Черт с ней, с уликой: все равно в милицейской картотеке его «пальчики» не зафиксированы! Пора исчезать, пока никто не появился на площадке с очередным мусорным ведром...

Он перешагнул через труп и ступил на звенящий отставшими от цемента плитками кафель этажной площадки. Подошва прилипла к полу, оставив на кафеле кровавое пятно. Нет, так уж вовсе не годится!.. Что? Лифт закрывается? Стоять!

Андрей успел просунуть ногу между смыкающимися створками. Те, изумленно клацнув, нехотя распахнулись опять.

Лифт упускать нельзя, иначе кто-нибудь снизу тотчас его вызовет и обнаружит мертвеца. Тогда уйти незаметно станет куда сложнее. Чем бы его заклинить? Чем?.. Ну да, больше все равно нечем. Брезгливо кривясь, Андрей ухватил Витьку за шиворот и потянул на себя его тело, отчего-то ставшее невероятно тяжелым. Когда голова жмурика оказалась между створками, выпрямился, наблюдая, как половинки дверей, сойдясь, стиснули уши трупа и сразу виновато разбежались в стороны. Порядок. Теперь очистить ступни...

Он засунул внутрь лифта правую ногу и несколько раз плотно шаркнул подошвой по сухому плечу Марчука. Резиновое тело мягко пружинило под обувью. Андрей ощутил острый позыв к рвоте. С трудом сдержавшись, он повторил то же действие с левой ногой, затем тщательно потоптался по полу, проверяя результат. Ноги больше не прилипали, и бурых пятен на кафеле не оставалось. Можно, пожалуй, дергать отсюда... Дверцы лифта ритмично смыкаются на голове покойника и вновь разъезжаются по своим пазам. Завораживающее зрелище; вот так часами стоял бы и смотрел! Увы, нельзя — э т о т еще не последний... Надо бы вытащить нож у него из-под ребер... Снизу слышно, как на первом этаже матерятся: не могут вызвать лифт, а пешком подниматься лень. Оказывается, лень тоже может быть положительным фактором... Ладно, хрен с ним, с ножом, айда отсюда!..

Стоп! За перекладины лестницы руками все же хвататься не стоит. Если и здесь оставить отпечатки пальцев, это облегчит задачу следствию. Лучше пусть «сыскари» поломают голову: каким образом он ушел? может, через крышу? а может, и пешком спус-

тился? или убийца вообще жилец этого дома?.. Впрочем, у жильцов дома не окажется отпечатков, идентичных тем, что остались на кнопке щитка и рукоятке ножа...

Сжав пальцы в кулаки, Андрей стал цепляться за металлические перекладки запястьями. С усилием откинул тяжелый люк, выбрался наружу и захлопнул его за собою.

...Ф-фу-у!.. Свежий воздух, сиреневый мрак. Желтые пятна светящихся внизу окон. На крыше по-прежнему пусто, бичей не видать, курящих анашу подростков тоже. Пока все нормально. Только голова очень сильно кружится. Наверно, от воздуха... Надо же, чуть не упал!.. В какой подъезд лучше всего спуститься? Видимо, в тот, что подальше. Где нужный люк?.. Вон он, едва прорисовывается в густой фиолетовой среде ночи. Очертания нечеткие, расплывчатые, да и сам люк качается и, кажется, стремится уползти куда-то в сторону... Странно. Заболел, что ли? Если так, то не вовремя, совсем не вовремя... Вот, наконец-то дошел!..

Андрей бессильно упал на квадратную металлическую крышку, тяжело дыша, низко пригнув голову, чтобы обеспечить прилив крови к коре мозга. В ушах шумело, одышка никак не прекращалась, конечности тряслись в сильнейшем ознобе, а с висков по щекам струились ледяные потоки... Но ему сейчас никак нельзя болеть! Если он завтра или послезавтра не достанет Коляна, тот может догадаться, что связывает смерти двух его собутыльников по юбилею Перевозчикова. Да и сестричка, чего доброго, додумается просветить. Тогда тот наверняка примет какие-то меры, станет предельно осторожен, постарается нигде впотьмах не появляться в одиночку. Либо вовсе уедет из города. Тем более у него сейчас отпуск... А достать его необходимо — ведь он виновен больше всех. Если Колян останется жив, тогда незачем было убивать и Лёху, и Витька...

«Спокойно, Андрей, не спеши. Отдышись, приди в себя. Ты не болен, просто опять переволновался. Оно и немудрено: чуть сам не скрючился в том лифте вместо чертова Марчука! Конечно, пора бы уйти подобра-поздорову, но секунд пятнадцать-двадцать помедлить можно. Посиди на этой холодной железяке, соберись с мыслями. Сосредоточься... Ты ничего не забыл — адреса Коляна, к примеру?»

«Бонч-Бруевича... двадцать шесть».

«А квартира?»

«Тридцать седьмая».

«Место работы?»

«Кажется, УТТ... Второе, что ли... Какая разница! Он один хрен в отпуске...»

«Всё?»

«А, да! Наколка на правой руке — вот тут — «Коля». И длинный очень... И машина у него! «Москвич», семнадцать-семнадцать».

«Хорошо. Все нормально... Отдышался? Тогда вперед! Только сначала осмотри себя повнимательнее...»

Андрей опустил глаза на живот. Вся правая сторона ветровки, как промокашка, пропиталась кровью. Он снял куртку, скатал в тугой рулон и запихнул в кучу какого-то древнего хлама, громоздившуюся у края крыши. Отдав должное собственной предусмотрительности, побудившей, несмотря на жару, надеть ветровку, быстрым взглядом окинул рубашку. Правый рукав обильно напитался малиновой влагой, а на животе и боку коралловыми рифами рассыпались разнокалиберные алые пятнышки... Ладно, рукава мы закатаем — летом все так ходят. В остальном же положимся на темноту и невнимательность граждан...

Все, нужно спускаться! Спокойным, размеренным шагом дойти до дому, помыться, съесть что-нибудь — если, конечно, сие окажется возможным — и в постель, и спать, спать до половины седьмого!.. К семи часам надо уже выйти. Можно, впрочем, чуть попозже — воскресенье все-таки: Колян, наверно, тоже не дурак поспать, тем более в отпуске... Взять у Серёги машину — и к той самой пятиэтажке возле «Детского мира», в которой проживают брат и сестра Дубцовы!.. А менты пускай себе копошатся тут, возле тела Марчука. Пускай опрашивают жильцов, снимают беспечно оставленные преступником отпечатки пальцев, пусть даже обнаружат на крыше его ветровку. Пока установят — если вообще установят, — кому она принадлежит, дело уже будет сделано. Он успеет покарать Коляна — ведь теперь можно все совершать открыто, не тратя времени на вычисление многочисленных возможных нюансов, на обеспечение собственной безопасности, не подготавливая акции со скрупулёзной предусмотрительностью и всесторонней продуманностью, достойной Штирлица. Это — один из тех редчайших случаев, когда важен исключительно конечный результат. А что за ним последует — абсолютно неинтересно...

«Почему ты все еще сидишь здесь?! Почему до сих пор не открыл люк и не спустился в подъезд? Разве ты раздумал бежать?!»

Нет, не раздумал. Просто отчего-то очень кружится голова и все плывет в глазах. Совсем нет сил что-то делать, от кого-то спастись, и напрочь отсутствует само желание думать об опасности... Зато непреодолимо тянет не спускаться на землю по гулкой бетонной лестнице, а поступить гораздо проще — подойти к краю крыши, вдохнуть полной грудью и, блаженно закрыв глаза, раскинув руки широко в стороны, легко и безбоязненно шагнуть в манящую фиолетовую пустоту...

*...Все же убивать тяжело — даже таких выродков, как Лёха и Витёк. И Коляна убивать будет не легче. Того Коляна, который в несколько взмахов руки, просто, ничтоже сумняшеся, лишил его Нади. Любви. Счастья... Видимо, счастья не должно быть*

на земле: всякий человек, родившись, обязан испытать до дна подносимую ему — каждому индивидуально — свою чашу страданий и скорби. Если же кто-то осмелится быть счастливым, он тотчас нарушает тем самым единый для всех приговор, раз и навсегда произнесенный еще Адаму и Еве для них и их потомков до скончания мира. И судьба карает покусившегося на заповедное счастье беспощадно, воздав ему сторицей... Не надлежало ли Андрею принять свою великую Потерю безропотно, с осознанием неизбежности и закономерности такого воздаяния? Имел ли он право на свой собственный суд? Судья он все-таки — или убийца?

За последние две недели он тысячу раз задавал себе этот страшный вопрос. И еще тысячу раз задал его в эти несколько часов, которые провел здесь, в пустой квартире, в ожидании утра, вернувшись со своей второй казни. Именно со своей, так как каждый раз, карая других, Андрей в гораздо большей мере карал себя. После расправы с Лёхой он почувствовал, что враз лишился чего-то самого важного внутри себя, какого-то стержня, позвоночника, поддерживавшего душу, и душа стала бесформенной, похожей на амёбу, не имеющую никаких более-менее определенных очертаний. После же уничтожения Витька он понял, что души у него не стало вовсе. Когда он казнит Коляна, то, пожалуй, ничего уже не лишится. Так даже проще. Не нужно будет опять терзаться отвлечением к самому себе, мучиться кошмарами наяву, снова и снова истязать сознание большими вопросами в поисках оправдания перед самим собой... К чему все это? Он давно уже не задумывался, прав он или не прав. Он боялся задумываться, ибо знал, что все равно не обретет ответа. Добро и Зло причудливо сливались, смешивались, становились неразделимыми, неотличимыми друг от друга, образуя хитросплетение, недоступное уму смертного. Он только помнил, что должен сделать это до конца, должен выполнить Миссию...

«...Как же я ненавижу Их, Господи! Кто-либо когда-либо ненавидел ли, как я?!. Что Они сделали со мною! Как Они смогли настолько изменить, извратить, изранить мою душу, чтобы до такой невероятной степени исказилось все мое существо?! Они это смогли: Им по силам оказалось сделать из меня убийцу, подобного себе. Они вылепили из меня чудовище по своему образу и подобию! Кому нужно чудовище? Кому нужна моя жизнь? Никому, и мне тоже. Потому что чудовищу незачем жить. И сейчас мне все безразлично... Мне теперь все равно... Меня не заботит ни собственная судьба, ни собственное существование. Я хочу одного: чтобы теряющийся, исчезающий разум не погас еще день, чтобы он внезапно не отказался подчиняться моей воле в самый ответственный момент!.. И чтобы проклятая стрелка доползла наконец до нужной цифры!!»

...Кстати, она почти доползла. Двадцать пять минут седьмого. Можно еще раз не спеша покурить и выходить, с богом...

*Неужели минувший день занял в его воспоминаниях так много места! Столько же, сколько заняли предыдущие два месяца. Столько же, сколько заняли предшествовавшие им девять месяцев. Выходит, один последний день стоит трех четвертей года? За один день можно прожить двести семьдесят таких же дней?! Да что там за день — за десять, максимум пятнадцать, минут, проведенных в лифте Витьковой девятиэтажки... Вряд ли сам Эйнштейн подозревал, до чего все относительно!..*

*К дьяволу такие мысли! Предстоит трудная, тонкая работа, требующая и спокойствия, и выдержки, и трезвого, холодного рассудка. Потому все, совершенно все постороннее, непосредственно не касающееся самой операции, должно остаться позади, где-то там, в туманном прошлом... Воспоминания закончились. Вчерашний день закончился. Наступает день сегодняшний...*

## День сегодняшний

### 1

Ровно в семь утра в дверь квартиры помощника городского прокурора Капустина позвонили. Серёга, ожидавший возможного визита Андрея, в это время пил кофе на кухне. Услышав звонок, он сорвался из-за стола и устремился в прихожую. Справившись с электронным запором, распахнул дверь.

— Привет, — глухо проговорил Андрей, шагнув через порог.

— Здравствуй, — подавленно отозвался Капустин-младший, глянув в осунувшееся, с ввалившимися щеками и мертвенно заострившимся носом, лицо друга. Темные круги неровными тенями лежали у Андрея под углубившимися глазницами; в тусклых зрачках изредка блуждающими огоньками вспыхивали лихорадочные проблески.

— Ты обещал дать мне машину... на сегодня.

— Да... да, конечно, — опомнившись, засуетился Сергей. — Специально вчера не стал на стоянку ставить — наверно, видел во дворе?.. Ты проходи!

— Нет, Серёга, я лучше поеду...

Услышав разговор, из ближней комнаты вышла, запахивая халат на голой груди, заспанная и всклокоченная Вера.

— Ой, Андрей, здравствуй! — пропела она, силясь подавить неуместный зевок и от этого неестественно выворачивая челюсть.

— Доброе утро, Вера, — попытался улыбнуться Андрей. — Разбудил?

— Да ладно, брось! — Вера махнула пухлой ладошкой. — Расскажи хоть, как ты. А то мы все тут не знаем, что и думать. Ждем тебя, ждем, а ты будто в монастырь скрылся! — Присмотревшись,

она честно покачала лохматой головой: — Ох, Андрюша, до чего ты плохо выглядишь!

— Не выспался просто... — Андрей опустил глаза и обратился вновь к Сергею: — Так дашь машину?

— Слушай, давай вместе съездим... — попробовал было предложить Капустин-младший, но Андрей, упрямо сжав губы, интенсивно замотал головой.

— Нет! Я один.

— Ты, в самом деле, скверно выглядишь. Как в таком состоянии за руль садиться! Давай, я...

— Не надо. Если не дашь машину, я пойду на автобус.

— Да что ты, мне же не жалко!.. — пожал плечами Сергей. — Сейчас ключи принесу, подожди.

Он удалился в свою комнату, оставив Андрея под взволнованным наблюдением потрясенной видом гостя сестры. Ни слова не говоря, она с сострадательным любопытством изучала его лицо, а Андрей вынужден был терпеть это невыносимое соблазнование безропотно, лишь нетерпеливо перекатывая желваки на поросших неопрятной щетиной щеках. Когда Серёга снова появился в прихожей, он, воспрянув, напряженно выпрямился.

— Вот. — Серёга протянул ему ключи. — Только, смотри, осторожней, не усни за рулем.

— Спасибо... Ну, я пойду, пожалуй.

— Долго будешь ездить?

— Не знаю... Может, до вечера... А что, машина нужна?

— Нет, нет! Просто — посидел бы у нас, поговорили бы...

— Посмотрим... Не знаю.

— Посиди с нами вечерком, — поддержала брата Вера. — Тысячу лет тебя не видела! И родителей бы наших уважил, а то дня не проходит, чтобы отец о тебе не спросил.

Вместо ответа Андрей неопределенно дернул плечом и сунулся в дверь. За порогом обернулся; на мгновение задержав на Капустиных странный внимательный взгляд, кивнул:

— Спасибо. Счастливо вам.

— Мы не прощаемся! — напомнила вдогонку Вера.

Когда Сергей закрыл дверь, она, с непривычно серьезным выражением на лице, удивленно вскинула брови:

— Надо же, как он переживает из-за своей невесты! По мне бы кто так убивался!

Серёга, хмурясь, озабоченно кусал губы. Потом вопросительно взглянул на сестру:

— Что-то он сегодня совсем никакой — а ведь буквально два дня назад был вполне в норме... И посмотрел как-то чудно, будто навсегда прощался... Не заметила?

Вера кивнула.

— По-моему, Сережа, он находится в критическом состоянии. Он... как сказать... никак не может от неё избавиться, что ли... Одним словом, ему срочно нужна женщина, иначе он себя вконец доведет.

— Предлагал уже, и не раз. Рассказывал же...

— Вечером, если он все же задержится у нас хоть на часок, сама попробую предложить. Может, у меня убедительнее получится... Кстати, как ты думаешь, а со мной бы... он согласился? Я сейчас свободна.

Сергей на миг сделал удивленные глаза, затем опять нахмурился и безнадежно махнул рукою.

— Ему сейчас не до того... не до женской ласки.

— Ему нужна материнская ласка, — назидательно пояснила Вера. — Вот я старше вас, и пожалуй, могла бы...

Сергей лишь удрученно вздохнул, и женщина, боясь показаться вовсе глупой, решила сменить пластинку.

— Как тебе кажется, — спросила она всерьез встревоженного брата, — он правда поехал на кладбище?

— Не знаю... — судорожно выдохнул Сергей. — Вряд ли только для поездки на кладбище он стал бы просить машину — туда, в самом деле, автобусы ходят. К тому же сказал: наверно, до вечера. Что можно целый день делать на кладбище?! — Он еще раз вопросительно взглянул на сестру и беспомощно развел руками. — Ну а я-то что мог сделать? Не мог же я не дать ему машину!.. Вот видишь...

## 2

Воскресный город еще спал. Тысячи людей вскидывались в постелях, панически-рефлекторно пялились на часы, чтобы, вспомнив, какой сегодня день, снова в неописуемом блаженстве упасть тяжелой головой на супергравитационную подушку. Магазины холодно зияли пустыми стеклами, киоски громоздились непрístupными железными кубами, наглухо закрывшись броней ставен. Оскорбленное всеобщим невниманием к себе солнце безо всякого усердия висело в голубом небе, чисто формально выполняя свои повседневные обязанности.

Подъехав к пятиэтажке напротив «Детского мира», Андрей опустил стекло на правой дверце и взгляделся в табличку на торце. Убедившись, что это действительно Бонч-Бруевича, 26, он обогнул дом и медленно въехал во двор, высматривая красный «Москвич» старого образца.

Ага, кажется, есть такой. Точно, «17-17 ТЮП». Стоит одиноко, напротив третьего подъезда, как положено. Вдоль длинного многоподъездного дома выстроились всего три автомобиля. Граждане, как принято, проводят летние выходные дни на приусадебных участках.

«Придумал же какой-то олух название! И все подхватили, приняли за должное, даже в законодательство внесли сей нелепейший термин. И никому в голову не пришло, что приусадебный участок может существовать только при усадьбе, а не при деревянном сортире, одиноко вздымающемся среди буйно зеленеющей картофельной ботвы. Да и где ж это видано, чтобы на приусадебных участках произрастали необходимые продукты питания! Там должны расти цветочки, какие-нибудь декоративные кустики, назначенные радовать глаз, ничего не давая желудку. Так что скорее это плантация, а не приусадебный участок. Плантация, на которой белые рабы в свободное от государственной барщины время трудятся не разгибая спин от восхода до заката, дабы как-то восполнить в своей среднестатистической потребительской корзине пустоты, гарантированные обезумевшей инфляцией. И не лень этим трудягам несколько месяцев жить совсем без выходных! Может, все же лучше плюнуть на нелепую в такую эпоху экономию да отоспаться вволю?! Как-никак на нефти стоим — уж на еду зарплаты всегда хватает!..

Колян, видимо, именно так и считает. А скорее всего, отсыхает «с бодуна» и ждет не дождется, когда к нему заявится дружок закадычный (от выражения «заложить за кадык», что ли?) Витёк Марчук с пузырьком лечебной микстуры в пол-литра водоизмещением. Наверно, переживает, что Витёк придет поздно, к обеду, а тут нутро горит, спасу нет!.. Жаль мне тебя, Колян: некому, похоже, лечить твое нутро, потому что не придет к тебе Витёк ни к обеду, ни к ужину. Вместо Марчука я вот по твою душу явился, прошу любить и жаловать. Я тебя навсегда излечу и от похмельного синдрома, и заодно сразу от всех болезней, какие только присутствуют твоему обреченному организму... Вот сейчас припаркуемся тут поблизости, впритирку с твоим «Москвичом», наденем темные очки и будем терпеливо ожидать, когда ты изволишь показаться на свежем воздухе. Запланированного на сегодня собутельника один черт не дождешься, значит, так или иначе на улицу выползешь. Если потребуется, весь день, даже сутки, проторчу под твоими окнами, но тебя достану однозначно! Ты только выйди из подъезда, только попади в поле моего зрения — а тогда никуда уже тебе не деться, ничто и никто тебя не спасет. Скрываться мне более незачем: ты в цепи моих смертных грехов — последнее звено; рассчитаюсь с тобою — и все, Миссия выполнена, и я свободен! И совершенно наплевать, попадусь ли я на сей раз! Наверняка попадусь. Это даже предпочтительно: легче открыть страшную тайну целому миру, чем годами терзаться, бесконечно пережевывая ее внутри себя. Моя дальнейшая судьба больше не имеет значения даже в моих глазах. Единственное, что сейчас имеет значение — это сама Миссия. Долг. Предназначение. Результат... Обидно, конечно, что нож я сдуру оставил-таки в селезенке Витька, но тебя, Колян, я сумею уничтожить и голыми руками!

...Надо подогнать «Мерседес» вот сюда, слева от «Москвича: Колян ведь, если что, за руль с этой стороны полезет. Нужно же разглядеть его хорошенько; про наколку на правой кисти не забыть... Так, встали. Обзор хороший, остается только вычислить, где его окна. Тридцать седьмая квартира... Значит... Ага, вон то, видимо... Да, должно быть оно! И очки надеть. Сидя в «Мерседесе», я темными очками уже ничьего внимания не привлеку: это не скамейка у Марчукова подъезда; кто ни взглянет, сразу поймет правильно — какой-то шибко «крутой» заседает в новехонькой иномарке, а «крутому» в таких очках и быть надлежит!

...Эх, Серёга, жалко мне твою замечательную «тачку»! Ты уж извини заранее и за «тачку», и за почти неизбежные неприятности. Только нельзя мне сегодня оставаться «безлошадным»: противник-то мой, видишь, держит наготове коня под седлом... Разумеется, я постараюсь, чтобы «Мерседес» не пострадал. А если сам погибну — не будь дураком, скажи следователю, что я свистнул у тебя ключи и угнал машину!.. Не скажешь — ты ведь тоже щепетильный. А потому и неприятности у тебя будут обязательно. Ну, тогда извини еще раз...»

...Около часа назад, когда Андрей докуривал дома последнюю сигарету, собираясь уже выходить, в дверь позвонили. На пороге стояла симпатичная девушка с шариковой ручкой наготове — работник отделения связи. Испуганно глядя в его страшное лицо большими наивными глазами, она пролепетала: «Белкин? Вам телеграмма. Распишитесь, пожалуйста». Телеграмма была из Самары. *«Приедем двадцать четвертого восемь вечера все нормально целуем мама папа»*. Двадцать четвертого — через три дня... Бедная мама!.. Несчастный отец!.. И вас достал железным когтем кровожадный слепец Случай. Сколько людей обрели и еще обретут смерть — физическую или душевную — как следствие Надиной смерти!.. Да, зло всегда порождает новое зло — об этом нужно хорошенько помнить тем, кто творит зло п е р в ы м и. Об этом должны были помнить и те трое каннибалов, не побрезговавших отведать крови неповинной девушки!..

«...Прости меня, Наденька. Я так и не попрощался с тобою, так и не побывал у твоей могилы. Я боялся увидеть тебя мертвой, потому не смог войти тогда в морг. Я никак не мог присутствовать на твоих похоронах, и губы мои не коснулись в последний раз твоего лица. Я не упал на свежий могильный холмик и не полил его слезами, ибо выше моих сил было узреть воочию слишком явное доказательство твоей смерти. Я так и не сумел привыкнуть к сознанию твоего отсутствия, так и не решился воспринять и признать этой истины... Не обижайся, что я пережил тебя, — это ненадолго. Скоро я подымусь к тебе и тогда уж вымолю прощение за все, в чем виноват перед тобою. Я все равно добыю твоего прощения, как бы долго ты ни отстранялась от моей мольбы, — ведь в моем распоряжении будет целая вечность!..»

«... Кто это там подбежал к третьему подъезду?! Вот дьявол, как быстро заскочила, не успел толком разглядеть! Но кажется, Люда... или — как её? — Катька... Все, пора кончать с воспоминаниями, с жалостью к себе, надо целиком сосредоточиться на операции. А то с этой меланхолией я, пожалуй, и самого Коляна прозеваю запросто!..»

### 3

Ворвавшись в прихожую, Катя, не сняв туфель, бросилась в комнату и начала с силой трясти за плечо гулко храпящего брата.

— Коля! Коля, просыпайся!

Резко всхрапнув, двухметровый братец захлопнул челюсть. Уставившись на сестру мутными от вышитого накануне глазами, неласково промычал:

— Что, наеб..сь уже?

Он с хрустом потянулся всеми конечностями и сквозь богатырскую зевоту нечленораздельно спросил:

— А пива, конечно, захватить не догадалась?

— Я хотела... Послушай, Коля...

— Чё «послушай»! Давай топай за пивом! Не видишь — умираю, на хрен!..

— Пстой, Коля, брось ты со своим пивом! Я сейчас проходила мимо Витино дома... Вити Марчука. А там — народу у подъезда, милиции!.. И Витю выносят... Весь в крови, мертвый!.. И девка молодая рядом ревет — жена, наверно...

Мутный взгляд Коляна враз приобрел резкость. Рывком сев на кровати, он в упор уставился на девушку.

— Мертвый?!.

— Да... и весь в крови — ну весь! Люди говорят, под утро в лифте нашли. А голова была снаружи, на полу... на площадке. Жильцы пешком поднимались — лифт-то заклинило его головой... А под утро кто-то на девятый этаж стал подниматься... или спускаться с девятого...

Колян опустил протрезвевшие глаза в пол между своих широко расставленных колен. Огромной ладонью пригладил на затылке спутанные волосы. Вдруг резко поднял глаза и словно вонзил их в лицо присевшей на корточки сестры.

— Катька... — просипел он, сверля ее выкаченными зрачками.

— Скажи-ка мне очень честно: ты кому-нибудь рассказывала про то, как Лёхе баба откусила конец?

— Н... нет, — растерялась девушка; губы ее задрожали. — Зачем мне?..

— Врешь! — скривил рот Колян. — Врешь, падла... — Он цепко схватил вскрикнувшую девушку за руки ниже плеч, рывком притянул к себе. — Говори, кому трепалась! Вижу ведь — врать-

то ты не умеешь. Говори, Катька! Только не п..ди, пожалуйста, ты же меня знаешь!..

Не сводя испуганного взгляда с его искаженного яростью лица, Катя короткими всхлипами втягивала воздух. Через несколько секунд щеки ее порозовели; она слабо пролепетала:

— Только один раз...

— Кому?

— Знакомому... Встретила на улице знакомого...

— Кто он?!

— Ан... Андрей...

— Ну! Что ты ему сказала?

— Сказала, что у Лёхи был день рождения... что «сняли» бабу на улице... А она ему прикусила...

— Когда это было?

— Давно... Не помню.

— После Лёхиной смерти?

— Нет, еще до того...

— Что еще сказала? Всё вспоминай, всё! Адрес Лёхин говорила?

— Нет. Я же сама не знаю.

— А он спрашивал?

— Нет... Пусти, мне больно!..

— Не трепыхайся! — скрипнул зубами Колян, еще крепче стиснув ее руки. — А что Лёха в больнице лежит, говорила?

— Кажется, да...

— А на х.. ты все это говорила?!!

— Так просто... У него за неделю до того погибла невеста... под машину попала... Мне стало жалко его...

Вылезшие из орбит глаза Коляна, неподвижно застыв, словно подернулись ледяной корочкой. Тонкие губы изломались, зазмеились плотоядно, окончательно изуродовав хищную маску его лица.

— ...Невеста погибла... — протянул он, удивленно дрогнув бровями. — Под машину попала... А где твой Андрей проживает? Только не говори, что не помнишь!

— Ой, Коля, пусти меня!.. Больно...

— Где он живет, я спросил!

— Напротив Центрального универсама, в девятиэтажке...

— В какой девятиэтажке?

— Если от универсама смотреть — в самой левой... Зачем он тебе?

— Тихо! Квартира?.. — Теряя терпение, Колян встряхнул немеющую от страха девушку. — Квартира, бля!!

— Не знаю, — готовая заплакать, пролепетала Катя. — На пятом этаже, направо... во втором подъезде...

— Не хнычь! Еще раз: напротив универсама, самая левая девятиэтажка... Так?

— Да...

— Второй подъезд, пятый этаж, направо?  
— Да...  
— Кто он? Мент? «Крутой»?  
— Н... нет. Простой рабочий, по-моему... Обстановка дома скромная...

— Рабочий... Андрей, говоришь?  
— Андрей... Зачем он тебе? У него и так горе...  
— Горе?! — злобно ощерился Колян. — А то, что из-за тебя, дуры, двое парней погибли, — это не горе?! А то, что твой приятель завтра меня прихерачит в собственном подъезде, — это не горе тебе?!

Катя вскрикнула, широко раскрытыми глазами с ужасом уставясь на брата. Лицо Коляна покрылось багровыми пятнами, в уголках губ хлопьями висела пена. Белки глаз струились розовыми прожилками, а зрачки напряженно сузились, как у тигра перед смертоносным прыжком.

— Что ж ты меня так подставляешь!.. Брата родного...

Девушка, разлепив густо напмаженные губы, едва слышно прошептала:

— Ты же говорил — вы ее отпустили...

— С-сука! — Колян наотмашь ударил ее ладонью по лицу. Другой руки, однако, он не отпустил, не дав Кате упасть. Встряхнув оглушенную сестру, Колян проскрежетал с безграничной ненавистью: — Твой бы бл..ский язык вырвать бы у тебя из глотки да пропустить через мясорубку! Гнида еб..ая! Будешь еще мне предъявлять, что я тебе говорил!

— Вы убили ее... — уверенно сказала Катя, вновь подняв на него глаза, в которых стояли потрясение и горький укор, но уже не было прежнего страха. — Три мужика убили одну девушку...

— Молчи, падла!! — истошно заорал Колян и несколько раз с силой ударил по нежному лицу могучим кулаком. Вскочил и ногой, пяткой, стал наносить извивающейся на полу девушке яростные свинцовые удары. — Сука! Б..дь еб..ая! Мр-разь! — рычал он, топчя податливое, мягкое женское тело...

Наконец оставив ее, метнулся к беспорядочно накиданной на стул одежде. Набросил рубашку, кое-как натянул носки, залез в брюки и, еще не застегнув их, стал лихорадочно рыскать по карманам, ища ключи от машины. Нашел, бросил опять в карман и, застегивая брюки, уронил случайный взгляд на сидящую на полу возле кровати сестру.

Лицо ее было разбито, кровь струилась по губам и подбородку. Отводя с ободранного лба прилипшие темные пряди волос, прерывисто дыша, Катя смотрела на него тяжелым, ненавидящим взором.

— Что уставилась, дура! — заводясь повторно, закричал Колян, нависнув над ней плечистым корпусом.

Девушка блеснула потемневшими зрачками и отчетливо, в полный голос, произнесла:

— А сначала вы втроем ее изнасиловали, да? Вы ведь не «сняли» ее, а затащили силой! Вот потому-то она и откусила Лёхин конец... Мужики... вашу мать!

Колян неистово взвыл и, набросившись тигром, принялся вновь безжалостно топтать ее деревянными пятками. Он уже ничего не соображал; животное бешенство целиком овладело его диким существом, лишив и контроля за собственными действиями, и самой человеческой речи. Выплевывая из кипящей гортани какие-то неясные обрывки звуков и слов, он методично, свирепо долбил сестру тяжелой пяткой, упорно целясь в голову. Девушка, вскрикивая и всхлипывая, пыталась увернуться от ударов, закрывая голову обеими руками. В конце концов, упав на бок, она завизжала:

— Не надо!! Хватит!!!— и несколько раз вслепую лягнув ногой, дважды чувствительно попала Колянну в голень острым каблучком с металлической набойкой.

Вскрикнув от боли и неожиданности, вконец озверевший выродок обрушился на Катю всем телом. Ухватив за волосы, он ритмично бил и бил ее лицом о пол, все сильнее распаяясь от криков беззащитной жертвы. Только почувствовав, что шея девушки более не пружинит, сопротивляясь его силе, он уронил ее лицом в лужицу крови и, вскочив, метнулся на кухню.

Схватив со стола длинный кухонный нож, Колян бросился в прихожую. Втолкнув ноги в кроссовки, кое-как завязав шнурки, он еще раз свирепо оглянулся на бесчувственно распростертое возле кровати тело сестры и, рывком распахнув дверь, выскочил из квартиры.

#### 4

«...А это кто? Длинный, весь какой-то взъерошенный, выскочил из подъезда и галопом летит сюда. К машине?»

Так! Очки на носу. Быстренько затушить сигарету и самым естественным образом изобразить спящего. Голову откинуть на спинку сиденья и челюсть отвесить для убедительности. Можно еще слюну пустить, только во рту что-то совсем пересохло. Опять волнуемся?

Чертовски удобная штука эти солнцезащитные очки — глаза можно вовсе не закрывать. Я его вижу, а он меня практически нет: отсутствуют глаза — отсутствует весь человек. Поди вычисли, о чем я думаю, смотрю на тебя или в самом деле сплю... Глазееет напряженно прямо в лицо. Весь изогнулся, как знак вопроса, и в упор рассматривает меня через стекло «Мерседеса». И не видит, несмотря на то, что я и лицо повернул в его сторону, и пасть разинул, и даже язык вывалил наружу: на, смотри, хоть до само-

го ашпендикса изучай мою анатомию, а глаз моих один черт не увидишь, и потому не поймешь, кто я, и не догадаешься, зачем я здесь. Я же тебя уже понял и знаю, кто ты: ты зверь, ибо глаза твои — глаза хищника!

...Значит, Катька рассказала ему о нашей с ней встрече, а Колян начал догадываться, почему столь нелепо погибли его приятели, притом именно те приятели... Слишком шустро его сестричка заскочила в подъезд, хотя полиция нравов ее не преследовала, и собака Баскервилей тоже. Видимо, узнала о смерти Витька. А теперь, по всему, и сам Колян допёр, что пуля для него уже отлита, иначе не вглядывался бы так тщательно в незнакомое лицо на переднем сиденье «крутой» иномарки. Надеюсь, сестру не позовет для опознания!..

Нет, вроде поверил в мой безмятежный сон, выпрямился, окинул взглядом «Мерседес»... Все верно, твоя сестричка была на скромной хате честного пролетария, а среди честных пролетариев, как общеизвестно, не принято разъезжать по городу в новеньких иномарках и темных очках. Относительно успокоился, повернулся к «Москвичу», полез в карман за ключами... Эх, Колян, будь со мною мой выкидной нож — не стронуться бы тебе никогда с этого места, во всяком случае, своим ходом! Однако ты хряк здоровый, без оружия с тобою не совладать, даже монтажкой не уложить качественно — так, чтоб наверняка! Придется ехать за тобою следом и поджидать удобного случая... Ох, блин, и раздолбай же ты, Андрюха! Третье дело подготовил, как и первое, абсолютно халтурно: ничего толком не просчитал, не предусмотрел, даже ничем не вооружился! Киллер, бля! Ну и что, что времени не было! Хреновому танцору всегда штиблеты жмут... Кстати, а что он там сжимает в левой руке, стыдливо пряча в ладони сверкающий на солнце металл? Похоже, нож... Судя по ручке, кухонный... Ха! Ты понял, Андрюха, — жертва вооружена лучше самого палача! Вот теперь-то до тебя дойдет основательно, насколько ты оказался кретином! Все, что за последний час пришло стоящего в твою голову, гражданин Белкин, это то, что ты догадался заправить горючим полный бак «Мерседеса». Это, разумеется, уже хорошо, только вот каким образом ты собираешься завалить эдакого медведя, если даже рогатины нет под рукой?!

...Вставил ключ в замок, поворачивает... Вон и наколка возле запястья. «Коля». Наколка неправильная, буквы кривые, неравномерные. Но большие — от скромности не умрет... вернее, все равно не умер бы... А рука, похоже, в крови: что это за брызги?.. Ладно, некогда размышлять! «Москвич» зафыркал, зажужжал, рывком дернулся с места. Куда это мы так спешим, интересно, да еще с полуметровым тесаком наготове?.. Если сразу сесть ему на хвост, может заметить. Слава богу, «Мерседес» в наших краях не такая уж редкость, как где-нибудь в регионах Черноземья! Конечно, при-

дется дать Колянну приличную фору; главное, чтобы не пропал из виду и не обнаружил слежки... Вообще-то, он сейчас не в том состоянии, когда человек способен трезво соображать и на что-либо обращать внимание: вон как рванул, чуть угол дома не зацепил!.. Пожалуй, пора и нам потихоньку трогаться...

...Странно, едем как будто ко мне домой!.. Судя по всему, именно туда и едем. Это что же, Колян решил нанести превентивный удар, завалив меня в собственном логове? А я, стало быть, совсем дурак и жду не дождусь его у самого порога! Вот неудача-то, а, Колян? Дома-то меня как раз нету!.. Да, да, не присматривайся к табличке на стене — это тот самый дом, где официально прописана твоя смерть. Только она сейчас не над головою твоей, а за спиной, как ей, смерти, и положено... Надо же, остановил машину, выскочил и помчался в подъезд... И нож не забыл прихватить, наивный. А я вот безоружный... Ждем пока.

...Любопытно, он только в мою дверь звонил или и у соседей также интересовался, проживает ли в данной квартире такой молодой человек по имени Андрей? Если Катька вообще запомнила, как меня звать... Вышел из подъезда, топчется в раздумье. Задрал голову, смотрит на окна. Очень плохо не знать, как выглядит твой враг, да, Колян? Ты хоть нож свой убери куда подальше, придурок! Вон у соседнего подъезда ментовский «УАЗик» стоит. Сейчас сцапают — потом я должен голову ломать, как тебя достать, что ли?!. Слава богу, догадался, заметил-таки машину с синей лампочкой, глазастый! Зажал лезвие в кулак, руку прижал к бедру; косясь на «УАЗик», направился к «Москвичу». Что, будем терпеливо караулить — ты меня, а я тебя?.. Нет, на долгое ожидание с неясной перспективой тебя не хватает. Выдержка у тебя явно не моя, да и нервишки не стальные. Вот так, Колян, вычислять противника, угрожающего гибелью, — это тебе не слабых девушек втроем насиловать... ссука!..»

«Спокойно, Андрей, не злись, не дергайся. Плавно-плавно жми на газ и тихонько, ровненько следуй за «Москвичом». Не приближайся, но и не теряй из виду его малиновый корпус... Впрочем, в этот час машин в городе немного — так что, если упустишь Коляна, виноват будешь только сам».

«...И куда же мы едем, хотелось бы знать? Микрорайоны родного города один за другим проносятся мимо, мелькая окнами, будто вагоны идущего на скорости поезда. Полгорода уже проехали. Еще чуть-чуть — и выскочим на загородную трассу. Зачем?.. Вот так догнал бы «Москвича», высунулся на ходу из окна и спросил бы: «Эй, Колян, куда едем-то?» Трудно даже представить при том его рожу!..

Однако оставим лихие эффекты для вестернов. Моя задача — не блеснуть бесшабашной храбростью и даже не героически погибнуть, а достать Коляна, причем достать гарантированно: не

сбить машиной и не шарахнуть по башке чем-либо тяжелым, чтобы он после, чего доброго, очнулся в реанимации. Нет, он обязан погибнуть совсем, навсегда, окончательно и безнадежно. И как бы ни ёрзал он сейчас в своей малиновой «тачке» между микрорайонами, а от меня никуда не денется!.. Да и стоит отдать должное техническому превосходству заморского автомобилестроения: поменяйся мы с Коляном машинами, и у него появился бы реальный шанс уйти — а так... Смотри-ка, последние жилые дома остались позади, начинается промзона. Уж не в лес ли направляется г-н Дубцов? Может, решил скрыться в глухой сибирской тайге, по примеру старинных раскольников?! Впрочем, без разницы — у меня бак полный... А вот у него, похоже, нет... Точно, сворачивает к заправке. Въехал под высокую арку с надписью саженными буквами «АЗС». Аккуратно «подвел» «Москвича» к колонке...

Ну вот и все. Кажется, приехали. Не знаю уж, Бог или Дьявол привел тебя, Колян, в эту западню, только лучшего места для последнего акта вендетты мне не найти. И нож мне здесь не понадобится, да и ты ведь свой оставишь в машине, несчастный...

Вот закономерный итог твоей жизни — и жил паршиво, и подохнешь без раскаяния, потому что некогда тебе будет раскаиваться и некогда даже осознать толком, что жизнь кончается... уже кончилась. Не могу сказать, что мне тебя жаль, но все же как-то досадно: жить тебе осталось от силы минуту, а ты весь в насущных проблемах, о душе же подумать невдомек. Машину, видите ли, нужно заправить... Да не нужно, Колян! Не пригодится тебе больше твой «Москвич», и бензин в его страждущий бак ты все равно уже не зальешь. И ведь не за горючее ты сейчас платишь заправщице — ты покупаешь себе пропуск в ад...»

## 5

...Заплатив за двадцать литров, Колян скорым шагом вернулся к своей машине. Открыл бак. Сняв с колонки шланг, вставил дюралюминиевую трубку в горловину и нажал на рычаг. Из трубки сперва выскочила жалкая струйка бензина, затем горючее резко рванулось тугим потоком. Колян перевел взгляд на счетчик колонки.

В этот момент чья-то властная рука, отпихнув его в сторону, вырвала из его пальцев трубку шланга. Опешивший Колян обернулся влево — и тотчас упругая, едкая струя горючего ударила ему в лицо, в рот, в глаза... Захлебнувшись ядовитой жидкостью, взыв от боли в глазах, он закрыл лицо руками, чувствуя, как холодная струя обдаёт бензином грудь, живот, ноги... Парализованное сознание еще не успело зацепиться за происходящее, как стальные пальцы, вцепившись в одежду, рванули тело куда-то вбок и повлекли, повлекли с огромной силой.

Ослепленный, ошарашенный, Колян почти бежал, повинуюсь этой силе, спотыкался, инстинктивно пытаясь ухватить карающую десницу и отодрать от себя, отстранить, отбросить... Наконец это ему удалось; запнувшись, Колян упал на песок. Бессознательно протирая глаза искрящимися тем же бензином кулаками, скуля, он попробовал подняться — и сразу получил болезненный удар ногою в левый бок. Колян метнулся вправо. Две секунды он успешно — как казалось — уползал на четвереньках, куда новый удар, на сей раз с противоположной стороны, не заставил его сменить направление. Ничего не видя и не соображая, давясь мучительной, обжигающей спазмой, Колян полз и полз куда-то, уклоняясь от жестоких ударов, на деле лишь корректирующих его маршрут. Когда он, сам того не зная, выполз за ворота заправки, новый, самый сильный, удар в висок опрокинул его навзничь.

Превозмогая жуткую боль, гул в ушах и рвущуюся из желудка мучительную тошноту, Колян с трудом приподнялся на четвереньки, затем сел и снова стал тереть нестерпимо воняющими кулаками бессильные глаза. И вот тут он услышал прямо над собою ледяной голос, неестественно-ровный, убийственно-спокойный, какой бывает разве что у посланца преисподней:

— Так. Прекрасно. Теперь горячее далеко. Меры безопасности соблюдены. Невинные не пострадают.

Багровая пелена враз слетела с глаз Коляна. Отстранив руки от век, он отчетливо увидел стоящего над ним громадного каменного великана. Лицо у великана было осунувшееся; заостренные черты беззвучно свидетельствовали о долгом страдании; густая щетина сильно старила его и как бы лишала живого цвета. Лишь огромные глаза излучали какую-то сверхъестественную энергию. Но попав в поток этой энергии, Колян ощутил, как цепенеет все его существо, словно мышцы вместо крови наливаются бетоном. Он вдруг понял, кто этот великан, и задохнулся от ужаса, разглядев в вытянутой руке победившего врага маленькую автоматическую зажигалку.

— Пора, Колян Дубцов, — глухо, неживым голосом сказал великан. — Пора платить по счету.

Колян на мгновение замер, застыв остекленевшими зрачками, — и внезапно заорал так, что воробьи пестрой тучей сорвались с ближайшего дерева:

— Я не хотел ее убивать! Я не хотел!! Не хотел!!!

Не отведя глаз, не моргнув, не дрогнув даже нервом, великан большим пальцем надавил на колпачок зажигалки. Крошечное адское пламя напряженно, злорадно заплясало над его кулаком. Остановив зачарованный взгляд на стройном язычке смертоносного огня, Колян рывком до отказа наполнил легкие, и дикий, истошный крик его взорвал неподвижный воздух:

— Не-е-е-ег!!!

— Йес, — по-прежнему невозмутимо возразил великан и легким движением бросил ему зажигалку.

Крошечный огонек сразу разросся, в один миг охватив собою весь мир. Пронзенный безмерным ужасом и невероятной, всепроникающей болью, Колян с животным ревом вскочил в полный рост — и весь превратился в двухметровый живой факел...

## 6

...Непроизвольно закрывшись рукою от мгновенно возникшего вплотную к нему столба пламени, Андрей отшатнулся и дважды шагнул назад. Визжащий жутким голосом огонь отчаянно закурился на месте, потом рванулся в сторону заправочной станции и, упав под самой аркой, стал горящим червем извиваться на песке. Неподвижно застывшие люди на заправке бессловесными статуями взирали на страшную казнь. Машины, проезжающие мимо, с резким визгом тормозя, одна за другой сворачивали на обочину. Из распахнувшихся дверок выскакивали новые люди и тоже превращались в немые статуи.

Убедившись, что Колян перестал подавать признаки жизни, Андрей медленно отошел к «Мерседесу». Скрестив ноги, прислонился спиной к кабине. Достал сигарету, по привычке полез в карман за зажигалкой. Вспомнив, где осталась зажигалка, равнодушно бросил сигарету и, сунув руки в карманы, стал отрешенно наблюдать за свидетелями «аутодафе».

Статуи на заправке и на обочине как-то разом ожили, завопили, заверещали в один голос, панически заметались, хаотично пестря в глазах. Одни поспешно рассаживались по машинам и стремительно уносились прочь, остальные что-то орали друг другу, бестолково жестикулируя, бросая в его сторону трепетные взгляды. Обезумевшая от ужаса заправщица за стеклом своего помещения стояла по стойке «смирно», как оловянный солдатик, и, закусив зубами оба свои кулачка, упиралась неподвижными зрачками в догоравший уже труп. Один из заехавших на станцию водителей, испуганно косясь на Андрея, барабанил кулаком по стеклу помещения и в чем-то убеждал ее вполголоса, явно боясь крикнуть громче.

«...Да не суетитесь вы, люди добрые, никуда я бежать не собираюсь. Куда мне теперь бежать? И зачем? От троих, убитых мною, все равно никуда не скрыться. Отныне они всегда будут рядом со мной, и нет на свете ниши, нет той отдушины, где я мог бы спрятаться от моего пожизненного кошмара... Так что звони, родная, куда тебе советует тот парень; я весь тут, и никуда не денусь. Моя Миссия выполнена. Все, что был должен, я совершил. Более от меня ничто не зависит. Дальше пусть будет так, как будет...»

Очнувшаяся наконец заправщица окостенелыми пальцами набирала, по-видимому, «02». Плечи ее тряслись, прижатая к уху телефонная трубка мелко вибрировала.

«... Чего же вы все так испугались, лихие водители? Что столь потрясло вас, героические пролетарии, гордые гегемоны?! Неужели на ваших глазах произошло что-то неординарное, неужели это не то самое Зло, к которому вы всегда относились с философским равнодушием, признавая его как неизбежную реальность, как нечто привычное и естественное? Не вы ли терпели его безропотно, не вы ли сами творили его изо дня в день, переставая даже замечать, что творите Зло? Разве не вы травили в школе очкарика лишь за то, что он носит очки? Не вы подростками, собираясь пьяными стаями, избивали до потери пульса своего сверстника, виновного только в том, что попался вам в темном переулке? Не вы в армейской казарме изошренно издевались над «молодыми», подчас загоняя их в петлю? Не вы ли и сейчас жестоко унижаете своих жен — спутниц жизни! — попавших под вашу горячую мозолистую руку? Не вы ли, ублюдки, бьете своих детей за обнаруженную в дневнике «двойку», хотя ваш собственный убогий разум не тянет выше редуктора или раздаточной коробки? Кто если не вы, троглодиты двадцатого века, установил культ Зла в человеческом обществе? Кто как не вы молится свирепому идолу и понуждает молиться ему всех окружающих? Люди! Неужели вам самим не страшно жить в том мире, который вы создали?! А ведь не страшно... Отчего же сейчас у вас столь потрясенный вид? Что вас шокировало? Открытость, публичность убийства? Или просто необычный эффект сожжения заживо? Да, вашим предкам повезло больше — они могли наслаждаться данным зрелищем систематически; вы же, рождаясь, ошиблись эпохой! Видите — вас даже пугает то, что по самой сути вашей должно бы вам нравиться. И вы считаете меня демоном, выродком, воплощением жестокости, себя же — вполне нормальными людьми, жестокими умеренно, как все... Но разве можно быть жестоким в меру? Разве не приходило в ваши головы, мудрецы мои, что все в этом мире имеет свою эволюцию? То, что начинается умеренно, закономерно развиваясь, обреченно, неотвратимо стремится к своему апофеозу. Затрещина, походя полученная вашим ребенком от нежного родителя, — она забывается вами, но не им, и постепенно вырастает в травлю его одноклассника, потом в зверские побои «чужаку» на дискотеке, после в бесчеловечные пытки «молодых» сослуживцев — и так, ступенька за ступенькой, перекладинка за перекладинкой, дело и доходит до апогея, завершаясь ножом и костром... Вы, безумное, свирепое человеческое стадо, создали этот костер. Вы убили моими руками еще двоих подобных себе. Вы убили и Надю, и меня! Вы — покорно принимающие от Зла правила игры, называемой Жизнью! Как от-

вратительна эта Жизнь! И как отвратительны все вы, ее составляющие!..»

Устрашающе гудя, разбрызгивая по обочинам оказавшиеся на пути автомобили, со стороны города стремительно приближалось, сверкало синими шишками световой сигнализации сразу несколько милицейских машин.

*«...Да, я убийца. Я тоже Зло. И как любое Зло, недостойн жизни. Я это знаю — и признаю... Но и этот гнусный, волчий мир недостойн моего пребывания в нем! И эти люди недостойны того, чтобы жить среди них!..»*

*Обет исполнен. Ты спокоен:  
Свершилось то, что и должно.  
Алтарь твой жертвою напоен.  
Но ликовать другим дано.*

*Ты не румяный, и не бледный,  
И нет огня в очах твоих.  
Без смерти умер идол медный,  
Оставив чувства для живых.*

*Не тешь себя мечтой напрасной -  
Страстей для сердца не зови -  
Ведь ты не жив, Молох бесстрастный,  
Нашедший Истину в крови...*



## Эпилог

*«...и к злодеям причтён».*

*Евангелие от Луки. 22,37.*

*«Подлинно ли правду говорите вы,  
судьи, и справедливо судите,  
сыны человеческие?»*

*Псалтирь. 57,2.*

*«Время и случай — для всех»*

*Екклесиаст. 9,11*

### 1

Вернувшись домой с заседания суда, Сергей прошел в свою комнату, сел в кресло и, сгорбившись подобно дряхлому аксакалу, ссутулив плечи, застыл неподвижно, упершись тяжелым взглядом в серый палас под ногами.

В памяти бессвязными лохмотьями мелькали обрывки недавних впечатлений, сцена за сценой поспешно сменяли друг дружку, упрямо не желая свиться в единую нить. То он видел мраморное, бесчувственное лицо Андрея, холодно и точно отвечающего на вопросы обвинения и защиты; то враз постаревшие, какие-то съезжившиеся за последние месяцы лица его родителей; то их перекрывали рыдающие от горя и ужаса родственники тех, кого подсудимый Белкин истребил минувшим августом. Потом из смутной дымки вдруг возникало лицо отца, металлическим голосом требовавшего для обвиняемого максимального срока заключения, и согласно кивающие бесстрастные восковые фигуры судьи и народных заседателей. И тотчас — новый, очередной, прилив мучительного стыда, заставляющий Сергея опять опускать пылающее лицо в ладони, чтобы не видеть изумленных, онемелых взоров десятков зрителей, выслушавших в течение долгих часов жуткую повесть отечественной вендетты и теперь ошесивших от вопиющей несправедливости приговора, хотя на иной исход процесса вряд ли кто-нибудь мог надеяться...

Андрей ничего не скрывал ни от следствия, ни тем более от суда. Он давал показания обстоятельно, скрупулёзно, напоминая некий бездушный автоответчик. Казалось, что в этом механизме нет более никакой жизни, а вместо живой человеческой речи из отверстия в его блоке памяти ровным потоком

стелется длинная равномерная перфолента с нанесенной на нее подробной информацией. Даже вставал и садился он как-то автоматически, без видимых усилий, а мертвый взгляд его блуждал одинаково бессмысленно, без остановок, без задержек, по лицам и своих родителей, и родителей своих жертв, и родителей Нади, горестно устремляющих к нему больные взоры. Столь же бессмысленно он переводил глаза на лица посторонних людей, напряженно, затаив дыхание, слушавших полдня подробности необычного дела. Это совсем уже не был Андрей Белкин. Это была только внешняя оболочка Андрея, зримое воспоминание о нем.

В пользу подсудимого были его предельная откровенность и помощь следствию, разные характеристики с мест учебы и работы, а также пресловутая формулировка «ранее не привлекался». В его же пользу — свидетельские показания Екатерины Дубцовой, которая после избиения нежным братцем Николаем несколько недель провела сначала в реанимации, затем в травматологии и хирургии, где ей срачивали треснутые ребра и поправляли переломанный нос. Пожалуй, она старалась спасти Андрея даже больше самого адвоката. Очевидно было и абсолютное сочувствие подсудимому всего зала (кроме, разумеется, родственников пострадавших). Как люди оглушенно замерли, услышав страшный приговор — пятнадцать лет усиленного режима! Как через минуту негодуяще загудел зал, разразившись вспышками выкриков! Сколько сострадания и гнева, сколько горечи и негодования звучало в этих выкриках! И как страстно желал Сергей в ту минуту исчезнуть, испариться, раствориться в воздухе, лишь бы не находиться среди этих разочарованных, теряющих последнюю веру в справедливость, отчаявшихся людей, вовсе и не догадывающихся о том, что он, Сергей, — сын того ужасного, злобного государственного обвинителя, запросившего предельный срок! Ах, если бы не суд, а эти посторонние люди судили и выносили решение! Неужели, вопреки расхожему мнению, самосуд гораздо справедливее суда законного, и уж во всяком случае определенно гуманнее?!

...В прихожей щелкнул замок. Сергей безотчетно напрягся, выпрямившись в кресле, глаза его округлились, слух предельно обострился, словно он ожидал встречи с самим Мефистофелем. Послышался шуршащий звук неторопливо снимаемой одежды, легкий стук скинутой обуви. Затем застенчиво скрипнула дверь ванной и приглушенно, несмело зажурчала вода.

Ловя чуткими барабанными перепонками информацию о перемещениях за стеной, Сергей отвернулся к окну и рассеянно наблюдал, как снаружи безмятежно, уютно вьются в безветренном воздухе нежные хлопья снежинок. Он не расслышал, но как-то ощутил, что отец уже вошел в комнату и, бесшумно усевшись напротив, выжидательно смотрит на него.

— Говори, — натянуто предложил Николай Петрович, водружая на нос очки, что выражало полную готовность к предстоящему сражению.

Не поворачивая головы, Сергей с трудом разомкнул сухие губы.

— Почему ты взялся за это дело?

— Потому что мне его поручили.

— Но ты ведь мог взять самоотвод... или как это у вас называется?

— А с какой стати! — Николай Петрович долго молча, внимательно смотрел на сына, потом раздумчиво пожал плечами. — Ты знаешь, другой обвинитель вполне мог запросить высшей меры наказания.

Сергей обратил к нему пылающее возбужденным румянцем лицо. Стараясь удержать себя под контролем, крепко вцепился побелевшими пальцами в подлокотники кресла.

— До суда ты говорил, что будешь справедлив и беспристрастен...

— Я и был справедлив и беспристрастен, — холодно перебил помощник прокурора. — Что же ты хочешь — три убийства с особой жестокостью! Любой обвинитель, повторяю, потребовал бы расстрела...

— Тогда почему ты потребовал всего пятнадцать лет?

В голосе Сергея ощущалась плохо скрытая издевка. Николай Петрович на миг смешался и, следуя многолетней привычке, снял очки, без необходимости протирая стекла. Наконец угрюмо проворкотал:

— Были все же смягчающие обстоятельства...

— Ты полагаешь, что поступил верно?

— Я поступил согласно закону.

— А как же — совесть? Ведь совесть выше закона! Закон должен служить совести, а не она ему!

— Для меня закон — совесть. Совесть всего общества.

— Нет, отец, это слишком разные вещи. Закон — это Фемиды с мечом в руке и завязанными глазами. Совесть же не может быть слепой.

— Закон, Сережа, писан теми, кто умней нас с тобой...

— Разве? А по-моему, как раз ума-то творцам законов и не хватает. К чему нужен такой закон, который позволяет откровенным мерзавцам на свободе безнаказанно наслаждаться жизнью, зато беспощадно губит честных, достойных людей? Или их у нас — избыток?! Когда я задумываюсь над этим, то начинаю убеждать, что и Уголовный кодекс, и вся правоохранительная и судебная система созданы конченными негодьями нарочно для защиты своих интересов!

— Не хочешь ли ты сказать, что и я, служа закону, тем самым защищаю интересы негодяев?!

— Именно так. Только у тебя это получается невольно, естественным образом, даже, пожалуй, вопреки желанию. Ты просто фанатик, никогда не пытавшийся думать о нравственной стороне своей работы. Попробовал ли ты хоть раз понять, для чего в судах нужны все вы: обвинители, защитники, судьи, заседатели? Только чтобы слепо служить идолу-закону? А стоит ли ради этого держать такой штат и платить вам зарплату?! Ведь запросто можно установить в судах какие-нибудь особые компьютеры, ввести в их программу Уголовный кодекс со всеми нюансами — и пускай себе они беспристрастно и безошибочно выдают приговоры! Для чего нужны вы — живые люди с понятиями о добре и зле, со своим индивидуальным мнением, со своими нравственными воззрениями, со своими взглядами, со своей совестью, — если все это способна полностью заменить бесстрастная точная машина?!

Сжав губы, Николай Петрович резко поднялся на ноги. Судорожно вздохнув, он усилием воли все же овладел собою и сдержанно предложил:

— Давай поговорим после. Я вижу, сейчас ты слишком взволнован...

— А ты? Ты не взволнован?!

— Не более чем обычно. У меня таких заседаний каждую неделю — знаешь сколько!..

— И тебя оставили равнодушным выкрики из зала в твой адрес?! Тебя не тронули растерянные взгляды людей?! Ты не осознал, что был сегодня в их глазах воплощением Зла, а не символом правосудия?!

— Я — государственный обвинитель, и меня не должны смущать чьи-либо настроения!

— А государственный обвинитель не способен быть живым человеком?! Разве ты не мог сегодня позволить себе роскошь побыть просто человеком, а не бесчувственным компьютером?!

— Если бы я был просто человеком, то никогда не стал бы помощником прокурора! — потеряв терпение, закричал Николай Петрович. Нервно развернулся и, с силой хлопнув дверью, покинул комнату.

## 2

Оставшись один, Сергей поднялся, подошел к окну и, прикоснувшись горячим лбом к прохладному стеклу, долго-долго стоял так, не видя ни падающего снега, ни щебечущей внизу детворы, дуэлирующей снежками, ни хлопочущего на центральном пустыре бульдозера, сосредоточенно сгребającego ковшом липучую белую массу для традиционного Новогоднего снежного городка. Какие-то дикие, пугающие мысли навязчиво кишели в мозгу, сплетаясь в клубки и тотчас вновь рассыпаясь на отдельные скользкие тела,

подобно бесчисленному гадючнику. Он усиленно пытался найти какой-то выход из жуткого тупика, куда заводили, загоняли его эти скользкие, отвратительные мысли, но чем тщательнее он искал логику в змеином хитросплетении, тем хаотичней и безобразней, страшней и абсурдней становился огромный серый клубок.

«...Трое подонков ни за что убили невесту Андрея. Правосудие в данном случае было определено бессильно. Тогда он сам выполнил работу милиции и суда: он разыскал Их и наказал — наказал так, как Они того заслуживали. Причем Андрей каждый раз тщательно выяснял, не ошибся ли он в процессе своего расследования, потому что опасался как-нибудь случайно, по роковому стечению обстоятельств, казнить невинного. Он карал, только будучи уверен в отсутствии ошибки на сто процентов. Он был абсолютно прав. Что отсюда следует?..»

Значит, любой, оказавшись на его месте, обязан был бы поступить, как он. Любой обязан был бы убить тех троих. И любой обязан был бы, таким образом, сесть на пятнадцать лет!! То есть что же получается — если какие-то мерзавцы убивают твою любимую девушку, то ты неизбежно должен либо караться еще и законом, либо однозначно лишиться всякого мужского достоинства и, не сев в тюрьму, оставить ее смерть безнаказанной?!!»

Оглушенный и подавленный таким открытием, Сергей отшатнулся от окна и пристально всмотрелся в своего неясного двойника, сурово взирающего на него с гладкой стеклянной плоскости в окантовке рамы.

«...Видимо, так оно и есть. Самонадеянные насекомые, мы веками, тысячелетиями тщимся упорядочить нашу жизнь, перестроить ее по своему разумению. Мы надеемся достичь хоть относительной справедливости, какой-то защищенности от безжалостной судьбы, оградив себя зыбкой стеною законов. А свирепая Фортуна лишь презрительно усмехается, выборочно давая нас ленивой пяткой. И только от ее непостижимой прихоти зависит все — абсолютно все! — существование каждого из нас. Кому-то везет, кому-то нет — слепая рулетка. Если везет, то нет гарантии, что это надолго. Если же не везет, то во всем сразу. Как Андрею... И как перед ним, перед любым в любую минуту может грозно встать непосильный выбор: что тебе дороже — свобода или честь?! Жизнь — или честь?!»

А я?.. — вдруг белой молнией пронзило мозг. — Я — что выбрал бы, если бы мою девушку вот так обесчестили и убили? Я — смог бы отплатить убийцам, зная, что затем сяду едва не на полжизни? Я — сумел бы стиснуть собственную душу железной хваткой и своими руками бросить ее в адскую топку?!

Не знаю... Не знаю, не уверен!.. Ничего не знаю!! Не дай бог мне оказаться перед таким выбором!!! Не дай бог... Не дай бог никому!..»

7.03.97 г.

## Оглавление

Пролог .....	4
<b>Часть первая .....</b>	<b>8</b>
День рождения Капустина-младшего .....	8
«Было серое, мрачное утро...» .....	26
Сети лукавого Эроса .....	37
Воспоминания светлой юности .....	51
Самая прекрасная ночь .....	63
Надежда с большой буквы .....	75
«Мы не виноваты!..» .....	86
<b>Часть вторая .....</b>	<b>98</b>
Алое на сиреновом .....	100
Крушение мира .....	111
На развалинах мироздания .....	118
«Бальзам для души» .....	129
Миссия .....	143
«Мне отмщение...» .....	162
<b>Часть третья .....</b>	<b>186</b>
Дважды казненный .....	188
День сегодняшний .....	201
Эпилог .....	218

**ТКАЧЕВ Богдан Юрьевич**

**И АЗ ВОЗДАМ**

**Роман**

**Книга издана по заказу  
муниципального образования г. Нижневартовск ХМАО  
(Тюменская обл.),  
глава — Ю.И. ТИМОШКОВ**

**Художник А. Кухтерин  
Оператор ПЭВМ Алексей Володин  
Корректор Н. Тиунова**

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-  
005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.**

**Сдано в набор 20.09.2000 г.**

**Подписано в печать 12.10.2000 г.**

**Формат 84 x 108/32. Гарнитура «Peterburg».**

**Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.**

**Тираж 2000 экз. Заказ № 2714.**

**Предприниматель Мандрика Ю.Л.**

**Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.**

**Адрес для переписки: 625003, г.Тюмень, а/я 501.**

**Тел. (345-2) 25-12-84.**

**e-mail: mandrika@sbt.tmn.ru**

**http://www.tmn.ru/~mandrika**

**Отпечатано с готовых диапозитивов  
в ГИПП «Зауралье».**

**640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.**





50р.

X



74472004  
Окружная библиотека

